

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В. И. ВЕРНАДСКОГО
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
КАФЕДРА ФИЗИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ,
ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ И ГЕОМОРФОЛОГИИ**

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРЫМА

МОНОГРАФИЯ

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2022

ББК 26.17(2Рс-6Кры)
УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21
В84

*Издание выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 20-05-00725 А)*

*Рекомендовано к печати Научно-техническим советом
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (протокол №8 от 28.12.2021 г.).*

Рецензенты:

О. В. Ивлиева — д-р геогр. наук, проф. Высшей школы бизнеса Южного федерального университета

Л. И. Попкова — д-р геогр. наук, проф. естественно-географического ф-та Курского государственного университета.

Коллектив авторов: Д. А. Вольхин, И. Н. Воронин, С. А. Гуров, И. Б. Зуева, В. В. Кайданский, Н. В. Киселёва, С. Н. Киселёв, Л. А. Ожегова, А. Ю. Ожегов, Г. В. Сазонова, Н. С. Сахнова, К. Ю. Сикач, Н. В. Страчкова, А. Б. Швец, И. М. Яковенко, А. Н. Яковлев

В 84 **Социокультурная** трансформация регионального развития Крыма [Электронный ресурс] / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швец. Электрон. дан. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2022. – Электрон. версия.
ISBN 978-5-907587-56-4

Проанализированы территориальные особенности трансформации социокультурных процессов в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе после их вхождения в состав Российской Федерации. Определены факторы, влияющие на геополитические, демографические, этнокультурные, социальные, экономические последствия современного развития Крыма. Проведенный анализ указывает на необходимость формирования в Крыму собственных центров и территорий роста и социокультурных преобразований, которые позволят региону гармонично вписаться в социальное пространство России.

Для учёных, преподавателей, студентов, а также политиков и лиц, принимающих решения в области управления региональным развитием.

**ББК 26.17(2Рс-6Кры)
УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21**

ISBN 978-5-907587-56-4

© Коллектив авторов, 2022
© ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», 2022
© ИТ «АРИАЛ», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1 КРЫМ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ	6
1.1. Крымский сюжет геополитической истории Причерноморья (С. Н. Киселёв, Н. В. Киселёва).....	6
1.2. Социокультурные рубежи Крыма (Д. А. Вольхин, А. Б. Швеи, А. Н. Яковлев).....	13
1.3. Новая политико-географическая субъектность Крыма (А. Б. Швеи).....	26
1.4. Имиджевые характеристики Крыма (Д. А. Вольхин, В. В. Кайданский).....	37
Литература	48
Глава 2 ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В КРЫМУ	53
2.1. Особенности крымской геодемографической ситуации (И. Н. Воронин, Н. С. Сахнова, Г. В. Сазонова, К. Ю. Сикач).....	53
2.2. Этнокультурные характеристики Крыма (Н. В. Киселёва, К. Ю. Сикач, А. Б. Швеи).....	62
2.3. Электоральное поведение населения Крыма (С. Н. Киселёв, Н. В. Киселёва, Н. А. Собокарь).....	75
2.4. Рынок труда и качество жизни в Крыму (И. Н. Воронин, И. Б. Зуева, К. Ю. Сикач).....	101
2.5. Крымский рынок недвижимости (С. А. Гуров).....	110
2.6. Транспортная система Крыма (Д. А. Вольхин, Л. А. Ожегова).....	126
2.7. Туристско-рекреационный комплекс Крыма: преемственность и современные тренды (Н. В. Страчкова, И. М. Яковенко).....	140
Литература	153
Глава 3 ПРИОРИТЕТЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА	158
3.1. Хозяйство Крыма в новых социокультурных условиях (Д. А. Вольхин, Л. А. Ожегова, А. Б. Швеи).....	158
3.2. Проблема ресурсной зависимости хозяйственного комплекса Крыма: поливариантный прогноз и план действий (Л. А. Ожегова, А. Ю. Ожегов).....	175
3.3. Инновационный Крым: потенциал и ограничения (Д. А. Вольхин, А. Б. Швеи, И. М. Яковенко).....	198
Литература	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совершив исторический вираж в 2014 году, воссоединившись с Российской Федерацией, Крым вошёл в новую социокультурную реальность, в которой появились ранее отсутствовавшие смыслы и вызовы. Современная стратегия развития Крыма, под которым авторы подразумевают Республику Крым и город федерального значения Севастополь, расположившиеся на Крымском полуострове, связана с осознанием сложности восстановления политической субъектности региона, существовавшей в рамках России с 1921 года. Именно в этот исторический период в составе России была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Значительно позже, в 1991 году, на территории Крыма прошёл первый в Советском Союзе референдум, который наглядно продемонстрировал стремление абсолютного большинства крымчан к повышению политической субъектности своего региона. Автономное существование Крыма в составе Украины противоречило воле его населения, которая отразилась в результатах упомянутого референдума, где было чётко зафиксировано стремление Крыма быть субъектом нового Союзного договора. Поэтому совершенно логично выглядели результаты нового общекрымского референдума, прошедшего через два десятилетия после того, как были не реализованы в условиях развала Советского Союза результаты первого крымского референдума.

В настоящее время Крым демонстрирует мировому сообществу и странам СНГ модель реинтеграции с большим геополитическим пространством, в роли которого выступила Россия. Историческое прошлое и динамичная смена сюжетов современной жизни сформировали в Крыму уникальную почву для социокультурных трансформаций в политике, культуре, экономике, образе жизни населения.

Важно понимать, что смысл социокультурных трансформаций впервые в новейшей истории Крыма не носит конфликтный характер по отношению к общегосударственной стратегии социокультурного развития. Федеральный центр и стратегически важный для России крымский регион движутся в общем направлении. В книге эта мысль неоднократно подчеркивается авторами в ходе анализа различных социокультурных процессов.

Под социокультурными процессами авторы понимали те изменения действительности, которые меняли не столько экономические показатели (хотя, куда же без них!) развития социума, сколько оценочные, ценностные характеристики в различных сферах жизни общества.

Крымский регион — это с позиции экономической и социальной географии, которую представляют все авторы монографии, социокультурная дихотомия. Крым административно поделён на два субъекта — Республику Крым и г. Севастополь. У каждого из этих субъектов своя миссия и доминанта развития: быть территориальным базисом и инфраструктурным каркасом Крымского полуострова — у первого и выполнять функции военно-морского форпоста России в Черноморском регионе — у второго.

Социокультурная дихотомия Крыма обнаруживается также в информационном поле, где давно существует рекреационный Крым прибрежных территорий, о котором много пишут и снимают видеосюжеты, где концентрируется пёстрая и разнообразная жизнь отдыхающих. Центр, север и восток Крымского полуострова представлен Иным Крымом, территорией степных посёлков, небольших районных центров и моногородов с промышленным производством, сохранившимся со времён плановой экономики. Эта часть Крыма находится в информационной «тени» курортных районов. Эти разные в административном и социокультурном плане территории решают в настоящее время общую задачу полноценной интеграции в государственное пространство России.

Авторы монографии постарались с максимальной объективностью учесть особенности динамики современных процессов в сфере демографии, электорального поведения, этнокультурной самобытности, социальной обеспеченности населения разных регионов Крыма. Каждая глава монографии снабжена обширным авторским картографическим материалом, который подтверждает мозаичность современной картины крымского регионального социума. Весь картографический материал монографии — это неотъемлемая часть Атласа социокультурных процессов, который был создан ранее тем же коллективом авторов. Вместе с Атласом социокультурных процессов монография формирует образ нового Крыма, показывая сложности и противоречия процесса обретения новой/старой родины его жителями.

Раздел монографии, посвящённый перспективам развития социокультурного пространства Крыма, раскрывает особенности решения прикладных задач в области стратегии пространственного развития полуострова. С этой целью диагностируются проблемы, связанные с ресурсными ограничениями развития хозяйственного комплекса Крыма, намечаются направления корректировки осей и центров территориального роста полуострова, формирования инновационной привлекательности его территорий и отраслей.

Авторский коллектив стремился к тому, чтобы сущность проблем, которые в настоящее время приходится решать Крыму в условиях санкционных и постковидных ограничений были понятны представителям различных слоёв населения, побуждая их к активному участию в общественной жизни и обеспечивая повышение их образовательного уровня в обширной области крымоведения.

Все картографические материалы в работе являются авторскими*.

* Вся текстовая информация, а также графический и картографический материал представленные в данной работе актуальны на 01.02.2022 г.

Глава 1

КРЫМ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ

1.1. Крымский сюжет геополитической истории Причерноморья

В библейской легенде о строительстве башни в Вавилоне, которая должна была стать центром всех племен и символом их равенства, утверждается, что первоначально все люди говорили на одном языке. Однако после того, как Господь, спустившись на землю, воспрепятствовал их дерзкому замыслу, «смешав языки», они перестали понимать друг друга и разошлись, а «башня до небес» так и осталась недостроенной. Эта легенда поневоле вспоминается, когда пытаешься анализировать усилия ведущих строителей и архитекторов нового мироустройства и глобальной системы безопасности.

Специфической особенностью языка современного международного общения является такая его черта, которая определяется в логике как метабазис, т.е. подмена понятий, когда путем софистических уловок внимание общества сознательно концентрируется на вопросах, имеющих второстепенный характер, и существует только внешнее подобие истинной сути дискутируемой проблемы [41, с. 198, 265]. Чтобы не попасться на уловки выверенного до последней запятой и выхолощенного дипломатического языка или языка «двойных стандартов» современной международной публицистики, мы предлагаем использовать язык геополитики, который наиболее адекватно отражает реальность и истинную подоплеку мировых политических процессов, в том числе и в Причерноморском регионе.

В настоящее время различные эксперты, в центре интересов которых находятся проблемы международных отношений и безопасности в Причерноморье, едины во мнении, что «контроль над Черноморским регионом составляет огромный геополитический интерес» [67], что он, «вместо пространства сотрудничества, стал ареной геополитической конфронтации» [58] и постепенно превратился в средоточие «множественных конфликтов многостороннего соперничества с участием не только причерноморских стран, но и ведущих европейских и мировых держав» [77]. Если обратиться к прошлому Причерноморья, то именно такое его состояние является для него естественным и составляет большую часть геополитической истории региона.

Понимая геополитику как исследовательскую область, занимающуюся изучением пространственной экспансии государств, их союзов и объединений нами была предложена периодизация геополитической истории Черноморского региона и концепция «Малой игры», которые, на наш взгляд, позволяют наиболее полно охватить большинство политических явлений и процессов, происходивших в бассейне Черного моря за более чем 2 500 лет его цивилизации.

Всего было выделено восемь периодов геополитической истории Причерноморья, каждый из которых отличается хронологическими рамками, однако развитие исторических процессов внутри периода подчиняется одной и той же схеме, которая в самом общем виде может быть описана следующим образом: сначала — создание опорных пунктов (торговых и военных баз); затем — закрепление в стратегически важных пунктах и территориальное расширение; далее — попытка установления контроля над регионом (создание циркумпонтийской державы); и, наконец, последняя стадия — распад сложившейся системы равновесия в результате воздействия внешней по отношению к региону силы. После чего цикл повторяется.

Итак, в геополитической истории Причерноморья можно выделить следующие циклы:

I. От VII века до н. э. до I века до н. э. — греческая колонизация, формирование греческих и греко-варварских государств в Причерноморье, создание «злейшим врагом Рима» Митридатом VI Евпатором первой циркумпонтийской державы — Понта, поражение Митридата и распад его государства.

II. От I века до н. э. до III века н. э. — экспансия Римской империи в Причерноморье, установление Римом военного контроля над Черным морем, великое переселение народов, вытеснение Рима из региона.

III. От IV до XII века — формирование Византийской империи, византийская экспансия на Балканы, Закавказье и на Таврический полуостров, борьба со славянами и кочевниками, начало распада Византийской империи и турецкой экспансии.

IV. От XII до XV столетия — проникновение в Черное море венецианцев и генуэзцев, создание колоний, попытка территориальной экспансии, формирование Крымского ханства, турецкий разгром.

V. От XV до XVIII века — образование Османской империи, турецкая экспансия в Причерноморье, превращение Черного моря в «турецкое озеро», начало российской экспансии и вытеснения Турции.

VI. От конца XVIII до начала XX века — присоединение Северного Причерноморья, Крыма, Закавказья к России, русская экспансия на Балканы и создание независимых государств под протекторатом России, планы раздела турецкого государства («Греческий проект» Екатерины, «Константинополь будет наш» — всеславянская федерация, русский контроль над проливами, подготовка десанта на Босфор и т. д.), распад Российской и Османской империй.

VII. От 1922 до 1991 года — Формирование СССР, нарастание его военно-политической мощи, военно-стратегическое доминирование Советского Союза в Причерноморье после второй мировой войны, распад СССР.

VIII. С 1991 года — образование новых государств в Причерноморье, начало экспансии НАТО и ЕС в Причерноморский регион.

Из выделенных нами циклов, один был оборван — это экспансия итальянских торговых республик, а последний — не завершен, потому что

процессы геополитической трансформации региона после развала СССР продолжаются и в настоящее время.

С 2014 года в научной литературе и СМИ появилось большое число публикаций о ситуации в Причерноморском регионе и различных сценариях ее развития. Общим, что объединяет выводы практически всех специалистов, является ощущение неопределенности будущего региона, его зависимость от множества факторов, комбинации которых трудно просчитываются даже на ближайшую перспективу.

Отличаясь в деталях, геополитические, геоэкономические и др. сценарии развития Черноморского региона вписываются большинством аналитиков в две совершенно очевидные схемы, а именно — его процветания или его упадка. Причем в обеих этих схемах центральное место отводится роли России в регионе, которая в первом случае должна отказаться от своих «неоимперских амбиций», что по логике авторов оптимистических прогнозов, как бы автоматически гарантирует политическую стабильность и экономическую привлекательность Черноморья; в противном же случае этому региону гарантирован застой и экономический упадок. Оба сценария, по мнению зарубежных экспертов, объясняют внешнюю политику Российской Федерации, как стремление навязать свою волю и закрепить свое политическое влияние в причерноморских странах.

Подобные подходы наглядно иллюстрируют тип мышления, доминирующий у представителей аналитического сообщества новых независимых государств в бассейне Черного моря и бывших стран «народной демократии». Основной упор делается на том, что России нечего предложить ни элитам, ни народам этих государств, и только евроатлантический выбор обеспечивает высокие стандарты жизни, соблюдение прав человека, принципы добрососедства и равноправия в межгосударственных отношениях. Текущий ход политических событий доказывает, что подобные утверждения более чем наивные.

Как это ни удивительно, но при анализе ситуации в Причерноморье складывается впечатление, что наибольшую активность в этом регионе проявляет страна, не только не имеющая выхода к Черному морю, но и находящаяся вообще в другом полушарии. Мы не будем останавливаться на той словесной шелухе, которую в немыслимых количествах производят американские политики, официальные лица и сотрудники бесчисленных неправительственных организаций, сопровождая политику США в Причерноморье.

Подлинные цели американской геополитики в бассейне Черного моря, осуществляемой с помощью ее главного военно-политического инструмента — НАТО, давно уже ни для кого не являются секретом:

- **Первоочередной задачей** является вытеснение России из Причерноморья, сокращение в максимально возможной степени ее военной инфраструктуры, следствием чего должно стать существенное снижение российского влияния в регионе.

- **Второй по значению задачей** является контроль над потоками углеводородного сырья из каспийских месторождений в обход территории России, что позволит при необходимости воздействовать на энергозависимые страны ЕС.

- **Третьей задачей** может стать формирование плацдарма для осуществления военных операций против Ирана и в Прикаспийском регионе, для чего потребуются создание военных баз в Закавказье и, что не исключалось до 2014 года, в Крыму.

- **Четвертая задача** — дестабилизация российского Юга, поддержка украинского антироссийского режима, кавказских сепаратистов, исламистов и националистов.

Для решения этих задач США необходимы ресурсы, которые в настоящее время она не может выделить в полном объеме. Свидетельством этому являются торопливые попытки «прощупать» возможности РФ к сопротивлению на всем причерноморском пространстве. Российская Федерация же проявляет твердость и решимость в отстаивании своего суверенитета, не смотря на растущее давление объединенного Запада, но как точно подметил российский публицист и политолог Михаил Леонтьев: «всегда, когда Россия ведет себя уверенно и последовательно и когда мир ясно видит российскую волю, западное общественное мнение находит достаточно веских и прагматических аргументов, чтобы смириться и успокоиться» [44, с. 85]. Насколько это утверждение соответствует истине можно удостовериться, анализируя геополитическую историю и современность Крыма как неотъемлемой части Восточного вопроса и Большой игры.

Отечественная геополитическая мысль зародилась и оформилась в ряд оригинальных учений в ходе практического решения двух крупных международных проблем, получивших известность как Восточный вопрос и Большая Игра.

Понятие «Восточный вопрос» имеет широкое и узкое толкование. Традиционно под Восточным вопросом в *широком смысле* принято понимать проблему приобщения стран Востока к европейской культуре. Оригинальную трактовку Мирового Восточного вопроса давал Н. Я Данилевский, которому принадлежит «первый опыт системного социологического анализа геополитическо-культурных противостояний» [51, с. 151]. Он писал, что Восточный вопрос — «есть огромный исторический процесс, заложенный еще во времена древних Греков и Рима, — процесс о том, должно ли славянское племя, — член арийской семьи равноправный с племенами: индийским, иранским, эллинским, латинским и романо-германским, создавшими каждое свою самобытную культуру, — оставаться только ничтожным придатком, так сказать прихвостнем Европы, или же в свою очередь приобрести миродержавное значение и наложить свою печать на целый период Истории» [24, с. 31]. По его мнению, «это отношение Запада к России и славянству как соперничество особых явлений мировой истории и культуры, причем каждый из этих типов имеет значение всемирно-

исторического характера. Это — устремления, проявляющиеся на геостратегическом, политическом, религиозном, социобытовом, этническом и культурном уровнях» [51, с. 151].

В узком смысле понятие «Восточного вопроса» использовалось в XIX столетии для обозначения проблемы раздела «турецкого наследства», т. е. судьбы владений Османской империи после ее политического ослабления и превращения в «больного человека Европы». Попытки решения Восточного вопроса, понимаемого в узком смысле, привели к целой череде кровопролитных войн, крупнейшими из которых в XIX веке были Крымская война 1853–1856 и русско-турецкая 1877–1878 годов.

«Большая игра» — распространенный в англоязычной и получивший признание в отечественной литературе термин, которым описывается глобальное противостояние и соперничество за сферы влияния в Средней Азии между Британской и Российской империями. Фронт этой борьбы протянулся от Балкан до Китая, а ее хронологические рамки охватывают период от конца XVIII века до 1907 года, когда была заключена Англо-русская конвенция, формально урегулировавшая спорные вопросы между двумя империями. Эта конвенция позволила в условиях надвигавшейся мировой войны приступить к формированию Антанты.

Некоторые англоязычные историки утверждают, что Большая игра прослеживается в англо-советских отношениях [8], а профессор кафедры имперской истории Лондонского университета Эндрю Портер считает, что «Большая игра никогда не заканчивалась и продолжается по сей день» [цит. по: 44, с. 14].

После распада Советского Союза и образования независимых государств в Закавказье и Средней Азии «разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц называют это новой Большой игрой» [68, с. 18]. В отличие от эпохи классической Большой игры, когда шла борьба за контроль над географическим пространством, сегодня в центре нового противостояния оказались так же вопросы энергетической политики и нефтяных запасов Каспия [54].

Хотя можно и согласиться с мнением, что «в регионе и в мире в целом наблюдалось некое чрезмерное, можно сказать, гипертрофированное отношение к этому фактору» [55], тем не менее, ставки в этой игре чрезвычайно высоки. Речь идет не только о борьбе за огромные ресурсы углеводородного сырья, цветных и драгоценных металлов, но и о сохранении стабильности в этом чрезвычайно опасном регионе, пережившем войны и межнациональные конфликты, обладающим кроме всего прочего угрожающим потенциалом развития исламского фундаментализма и реальной угрозой формирования огромной наркоимперии.

Крупнейшими участниками этой игры являются Россия и США, сменившие Британию. «Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря

уже о мощном Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи Турция, Иран и Пакистан, а также Япония, Корея и Китай» [68, с. 19]. Кто-то из участников Игры сможет действовать только вполсилы, кому-то придется вообще из нее выйти, а кому-то предстоит надорваться, завязнув в бесперспективных попытках установить порядок с помощью насилия.

Из крупных игроков наиболее уязвимое положение сегодня у Российской Федерации, но на поле Большой игры она обладает и наибольшим опытом из всех ее участников. Молниеносная военная операция в Грузии, возвращение Крыма в состав Российской Федерации показали, что Россия начала извлекать уроки из своих ошибок. Свободная от идеологического пресса политическая и военная элита России, в отличие от советской, может вести Игру по геополитическим правилам, что дает ей преимущество перед своим основным двуличным и лицемерным противником. Это преимущество основывается на многовековых политических, экономических и культурных связях России с народами региона, для которых вопреки усилиям новых националистических элит ее образ сохраняет свою привлекательность. Поэтому в долгосрочной перспективе Россия имеет все шансы не только для сохранения своего влияния в Центральной Азии, но и для его укрепления.

Значительно хуже для России ситуация в Причерноморском регионе, где пересекаются «фронты» Большой игры и Восточного вопроса и где резко активизировалась Турция Эрдогана, проводящего политику неоосманизма, что может привести в конечном итоге к формированию очага напряженности, далеко выходящего за рамки региона. Считаю, что существующую систему международных противоречий в бассейне Черного моря следует выделить в отдельный сюжет, а само это геополитическое противостояние, по аналогии с Большой игрой, вполне корректно определить как *Малую игру*.

Малую игру можно рассматривать как элемент игры Большой, а можно и как самостоятельный сюжет геополитической истории [32; 34]. Конечно, Причерноморье по своему значению для судеб мира уступает Центральной Азии, уступает и Средиземноморью, однако нельзя игнорировать тот факт, что на берегах Черного моря завязывались такие «гордиевы узлы» глобальной политики, часть из которых не «развязана» до сих пор. Империи Римская и Византийская, Османская и Российская, Великобритания, Германия и СССР, а также множество других более мелких «игроков» затратили огромные усилия и заплатили миллионами жизней в ходе десятков войн в попытках превратить Черное море в свое «внутреннее озеро» или стать хотя бы на время доминирующей силой в его регионе. Периоды кровавого противостояния сменялись более или менее длительными эпохами стабильности, превращением территории Причерноморья в мировое захолустье, которое вновь и вновь оказывалось втянутой в противостояние великих держав. Описание впечатляющих картин этой жестокой и бескомпромиссной борьбы еще ждет своего историка, но

уже сегодня можно констатировать, что Малая игра вступает в новую фазу своего развития, а Причерноморский регион «опять становится стратегически важным регионом, где происходит столкновение интересов и устремлений» [64] ведущих мировых держав.

Буквально на наших глазах завершилась эпоха полувекового абсолютного господства СССР на Черном море. Само море объявлено «зоной жизненных интересов» США, из шести причерноморских стран три являются членами НАТО, еще две — Грузия и Украина — стремятся в него вступить, а противостоящая им Россия до недавнего времени контролировала всего лишь около 400 км побережья, а с 2014 года — уже более тысячи, что существенно укрепило ее позиции.

Многим тогда казалось, что Черное море формально стало внутренним натовским озером, для окончательного же закрепления этого статуса оставалось только устранить одну «досадную» помеху — базу Черноморского флота России в Севастополе. Тем не менее, в западной прессе появлялись в то время и подобные заявления: «Именно в этом регионе будут проходить войны XXI века за национальное самоопределение, за безопасность, за демократические ценности, за нефть и за миграционные процессы. И именно здесь со всей болезненностью может окончательно проявить себя политическая и географическая ограниченность расширяющейся Европы» [64].

Трезво мыслящие западные аналитики довольно ясно представляют себе предел, до которого может отступить Россия. Наличие такой «тонкой красной линии» было проигнорировано руководством Грузии в 2008 году, за что оно и поплатилось.

Россия в ходе и особенно после «пятидневной войны» дало миру ясный и однозначный сигнал о наличии собственной сферы своих «жизненных интересов». Очевидно, что в эту «сферу» была включена и акватория Черного моря. Россия не поддавалась массивированному давлению Запада и не сдала своих позиций, завоеванных в августе 2008 года. Разразившийся тогда же мировой экономический кризис несколько снизил накал противостояния в регионе и отдалил вступление Малой игры в драматический этап своего развития. После государственного переворота в Киеве и возвращения Крыма в Россию Причерноморский регион вновь оказался в центре глобальной политической повестки, а проблемы безопасности региона стали проблемами всего мирового сообщества.

Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Еще в XVIII веке была сформулирована такая максима — кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион — один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте. Именно поэтому мирное присоединение Крымского полуострова вызвало такой невиданной силы взрыв русофобии и антироссийской истерии у ее «заклятых друзей».

На Западе не забыли, что включение Крыма в состав Российской империи позволило ей начать экспансию на Балканы и Кавказ, а после окончания Кавказской войны успешно продолжить ее в Средней Азии. Обладание Крымом определило стратегическое преимущество на большей части дуги фронта Большой игры.

Одним из самых ярких событий этого глобального противостояния между Британской и Российской империями стала так называемая Восточная или Крымская война 1853–1856 гг. Основные события этой крупнейшей за столетие с 1812 по 1914 год войны, которая велась по чисто геополитическим соображениям, развивались на Крымском полуострове. По образному выражению Н. Я. Данилевского, главный удар объединенными силами Запада был нанесен туда, где находилась «ахиллесова пята России, которую так долго искали враги ее». Этот тезис можно было бы поставить под сомнение, если бы через девяносто лет еще один «вождь» объединенной Европы не приказал в августе 1941-го года повернуть свои войска с московского направления на Крым, который он называл «непотопляемым авианосцем СССР». После войны генералы вермахта назовут это решение Гитлера «роковым», предопределившим его поражение в войне, но тогда они не решились его оспаривать, понимая, какую важную стратегическую роль играет полуостров.

В наше время роль конкретных территорий в глобальном противостоянии мировых центров силы не потеряла своего значения. С недавних пор принято говорить о возобновлении Большой игры. Что же касается Черноморского региона, то здесь геополитическое противостояние никогда не прекращалось. Это противостояние в рамках Малой игры, на поле которой Россия в 2014 году нанесла катастрофическое поражение Западу, способно стать предтечей переформатирования мировой политической карты мира, привести к необратимым геополитическим последствиям. Поэтому решительность российского руководства не может не восхищать всех друзей России и не может не вызывать ненависти у всех ее врагов.

1.2. Социокультурные рубежи Крыма

Крымский полуостров составляет один из территориальных фрагментов «кольцевой региональной структуры» Евразии, получившей название Причерноморье. Без понимания вписанности Крыма в социокультурные особенности этого региона трудно оценить современные трансформации его уникального порубежья.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году Причерноморье постоянно находится в эпицентре событий, связанных с переустройством мирового геополитического порядка. Основной «нерв» этих цивилизационных трансформаций в Причерноморье определяется *возвращением России в число мировых сил, способных бросить вызов цивилизации Запада в лице США и объединённой Европы.*

Возвращение России в большую геополитику вызвало беспрецедентное сопротивление стран Запада, применивших против российского государства систему экономических и политических санкций в ответ на воссоединение с ним Крыма. Твёрдая политическая позиция России в отношении Крыма позволяет говорить о том, что в Причерноморье *формируется новый рубеж геополитического равновесия*, утерянный Россией в конце XX – начале XXI веков, когда контроль над этим регионом перешел к Турции и частично её партнерам по НАТО.

К Причерноморью чаще всего относят территории тех государств, которые имеют прибрежную зону в акватории Чёрного моря: Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Эти страны объединяет не только прибрежное положение, но и общность проблем безопасности, внутреннего морского судоходства, экологии, а также общее прошлое. Страны Причерноморья (исключая Турцию) принадлежат к постсоветскому и постсоциалистическому пространствам, ушедшим в историческое прошлое вместе с разрушенным Советским Союзом. В настоящее время причерноморские страны либо ассоциированы, либо устремлены к ассоциации в экономические и военно-политические организации, защищающие в регионе ценности Западной цивилизации. Исключение составляют Российская Федерация и частично признанная Республика Абхазия. Она формирует с Россией ареал политического сотрудничества.

В геополитической аналитике существует также понятие Большого Причерноморья. Его состав в 2005 году был согласован Черноморской комиссией по конфликтам (BSCC) [76]. Кроме стран, перечисленных выше, в Большое Причерноморье включаются страны Западных и Восточных Балкан, Молдова, страны Закавказья, объединённые в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). С этой группировкой стран у Российской Федерации накопилось множество нерешённых проблем, связанных с разностью геополитических позиций, что привело к сокращению её контактов с ОЧЭС.

Нередко Причерноморье сравнивают с ключом к Евразии, лежащим на дне Чёрного моря [50]. В этом сравнении отражена не только географическая, но и, в большей степени, историческая специфика региона. Причерноморье в течение многих веков было действительно ключом к контролю Евразийского пространства. Тысячу лет назад через этот регион проходил Великий шелковый путь, а на рубеже XXI века характер коммуникативности Причерноморья накрепко связан с добычей и транспортировкой углеводородного сырья, газа и нефти, ставшего важнейшим стратегическим ресурсом выживания стран Западной цивилизации.

Именно в роли транзитёра углеводородов Причерноморье интересует западные страны. Этому региону уделено повышенное внимание при рассмотрении многочисленных проблем Евразийского континента в работе З. Бжезинского «Великая шахматная доска», которая по меткому выражению

Н. А. Нарочницкой, является «программой утверждения и закрепления американской гегемонии в мире» [50]. С 1997 года Причерноморье (наряду с Каспийским регионом) объявлено зоной американских национальных интересов, рассматривается как источник энергоресурсов, альтернативный Персидскому заливу, и одновременно плацдарм доступа США к перспективным рынкам Китая, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии [14; 61].

Цивилизационная и геополитическая рубежность Крыма влияет на структуру и динамику его этноконфессионального пространства. Взаимоотношения этносов на Юге России, включая Крым, складывались и продолжают осуществляться в пределах контактной зоны славяно-православной и мусульманской цивилизаций. Сочетание в крымском этноконфессиональном пространстве славяно-православной (с доминированием русских и украинцев) и тюрко-исламской (прежде всего, крымские татары и татары) идентичностей формируют предпосылки, как для позитивного, так и конфликтогенного влияния на социокультурные процессы в Крыму со стороны наиболее активных геополитических игроков Причерноморья: России, Украины, Турции. Это влияние проявляется в различных вариантах: в виде поддержки и активизации национальных движений, информационно-манипулятивного воздействия на общественное мнение, строительства религиозных объектов, создания этноцентрированных юридических актов (к примеру, закон «О коренных народах Украины» от 01.07.2021, в перечень которых не включены русские, но отдельно прописаны те народы, которые сформировались в Крыму: крымские татары, крымчаки, караимы) и др. События 2014 года увеличили динамичность этноконфессионального пространства Крыма, вызвав явления «этнического транзита» или смены гражданской идентичности в различных этнических группах региона.

Крымский сектор Причерноморья после 2014 года играет роль плацдарма, где открыто противопоставлены геополитические интересы США и России. Здесь, как ни в каком ином причерноморском регионе, проявлена *социокультурная рубежность*.

Под *рубежностью* понимается специфическая характеристика территории, не сводимая к физическим размерам и протяжённости. Рубежность определяется как зона (поле) высокой энергетики (созидательной или разрушительной) многомерного коммуникационного пространства, где в результате динамического соприкосновения разномасштабных процессов образуется множество рубежей [27]. Социокультурный характер рубежности в Крыму придаёт её цивилизационно-ценностное содержание. Территория Крыма — это пограничье христианско-православной, исламской и с недавнего времени христианско-протестантской цивилизаций, формирующих здесь поле высокой энергетики взаимодействия различных культурных ценностей, способных «раскалить» рубежи взаимодействия до стадии противоречий и возможных конфликтов. Такие территории в геополитике называют «узловыми». Маркерами появления узловых регионов становятся

действия государств, обусловленные в них защитой национальных интересов.

Формирование представлений о социокультурном рубеже в общественной географии происходило эволюционно: от понимания границы как линии до её трактовки как процесса с мифологемами и символическим наполнением. Такая широкая постановка изучения рубежности стала возможной в результате возрождения взаимодействий между антропологией и географией (в частности, географией культуры) [78]. Появившись в работе В. П. Семёнова-Тян-Шанского «Район и страна» [62], механизм формирования социокультурных разграничительных пространств был продолжен в исследованиях В. Бунге [11] и П. Хаггета [66]. Новый импульс изучение социокультурных границ получило в работах по географической лимологии (науки о границах), проводимых В. А. Дергачёвым [25; 26], В. А. Колосовым и сотрудниками Института географии РАН [38; 60]. Смысл изучения рубежных территорий представлялся этим исследователям как процесс выявления социальных конструкторов в приграничных территориях, основанных на этнических, национальных и других вариантах территориальных идентичностей

Факторы, формирующие социокультурную рубежность в Причерноморье и его крымском территориальном сегменте, подразделены нами на *морские*, связанные с трансформаций взаимоотношений причерноморских стран по поводу использования акватории Чёрного моря, и *континентальные*, определяющие тренды государственных отношений на суше.

Морские факторы социокультурной рубежности в Причерноморье разнообразны, но в нашей работе выделен главный — использование черноморских проливов.

Чёрное море — это внутренний, почти изолированный от Мирового океана морской бассейн, наиболее глубоко врезающийся в Евразийскую сушу и связывающий черноморскую акваторию с Атлантикой проливами Босфор и Дарданеллы. Географическая изолированность Чёрного моря создаёт для государств Причерноморья постоянно действующий геополитический прецедент неопределённости по поводу режима использования черноморских проливов. В XIX веке вопрос о характере владения Босфором и Дарданеллами стал «ахиллесовой пятой» Российской империи в её стремлении к южным морям и послужил одной из причин развязывания европейскими государствами «первой геополитической войны против России», получившей название Крымской.

Проблема владения проливами до сих пор актуальна в Причерноморье и способна стать фактором осложнения геополитической ситуации в регионе. Проливы Босфор и Дарданеллы являются важным логистическим пунктом снабжения российской воинской группировки в Сирии. Маршрут военных грузов в эту страну через черноморские проливы — кратчайший и занимает четыре дня перехода. Если использовать пролив Гибралтар, то этот маршрут

удлиняется до 13 дней из Санкт-Петербурга и 14 с половиной дней при отправлении груза из порта Мурманск.

С точки зрения международного морского права режим прохода кораблей через проливы регулируется Конвенцией Монтрё 1936 года. Этот документ играет в Причерноморье роль главного юридического фактора, регулирующего возможность возникновения здесь социокультурной конфликтности. Согласно Конвенции, за Турцией закреплён контроль над черноморскими проливами. В соответствии со статьей 21 данной Конвенции, закрыть проход для военных судов Турция может только в *случае угрозы военной опасности* или нахождения в состоянии войны с государством, которому принадлежат данные корабли. Кроме того, стране необходимо получить согласие ООН по вопросу закрытия проливов. Торговые суда в мирное время могут беспрепятственно проходить через проливы, и даже, если Турция находится в состоянии войны, она обязана пропускать гражданские суда дружественных и нейтральных стран [1].

Формально Турция связана в своих действиях по регулированию пропуска судов через черноморские проливы Конвенцией Монтрё, но трактовка «*угрозы военной опасности*» остаётся на усмотрение турецкого государства и может послужить спусковым крючком кризиса в проливах. После окончания Второй мировой войны Турция неоднократно стремилась усилить свой контроль над проливами. В 1982 году она пыталась распространить регламент порта Стамбул на всю зону проливов, получая в этом случае право закрывать Босфор даже в мирное время. Критика соседних держав и, в первую очередь бывшего СССР и Греции, заставили Турцию сделать оговорку о том, что новые правила прохода проливов не будут касаться транзитных судов, проходящих проливы без остановки.

В том же 1982 году ООН выработала Конвенцию по морскому праву, к которой Турция отказалась присоединиться, оставив в силе Конвенцию Монтрё, а в 1994 году турецкие власти разработали и ввели в действие новый Регламент судоходства в проливах, имевший нарушения Конвенции Монтрё. По новому Регламенту турецкие власти могли приостанавливать судоходство в проливах, ссылаясь на научные, ремонтные, буровые работы, проведение полицейских операций и спортивных мероприятий, а также действия по предотвращению и устранению последствий загрязнения морской среды и другие условия [10].

В июне 2021 года Турция начала строительство 45-километрового канала «Стамбул» в обход Босфора, мотивируя это выгодными прибылями в бюджет государства от инвесторов грандиозной стройки и будущей платой за проход кораблей по новому морскому пути. По Конвенции Монтрё Турция пропускает суда через свои проливы бесплатно. Высказываются опасения, что «Стамбул» откроет путь в Чёрное море для военных кораблей НАТО. Известно, что важнейшей целью США является постоянное присутствие в Чёрном море, чему препятствует упоминавшаяся выше Конвенция. Согласно этому документу, нахождение в Чёрном море военных кораблей нечерноморских государств ограничено по тоннажу (до 45 тыс. т) и сроку

пребывания (не более трёх недель). После строительства канала «Стамбул» действие Конвенции на этот искусственный водоём не распространится.

После распада Советского Союза американское руководство осуществляет свой план присутствия в Причерноморье посредством третьих стран. В 2004 году Румыния и Болгария стали членами НАТО, наряду с её давнишним участником Турцией. В настоящее время на территории Румынии уже существуют три военные базы США. Эта страна выступает инициатором создания черноморской флотилии НАТО. Болгария менее активна в продвижении интересов НАТО в Причерноморье, однако на военной базе в Безмере она оборудовала обширный полигон для учебных стрельб сил Евроатлантического альянса. Грузия и Украина выступают в проблеме продвижения интересов НАТО в Причерноморье с сочувствующих позиций, стремясь стать полноправными участниками этого военного альянса (рис. 1.1).

После воссоединения Крыма с Россией присутствие сил НАТО в акватории Чёрного моря значительно возросло. Ежегодно, начиная с 1997 года, здесь проводятся учения НАТО «Sea Breeze». Судя по локализации учений в Херсонской, Николаевской и Одесской областях Украины, во время учений отрабатываются операции в «кризисном регионе», который приближен исключительно к территории Крымского полуострова.

Любое «продвижение» причерноморских стран «в Европу» или сближение их позиций с США естественно воспринимается Россией как вызов её национальным интересам. Учитывая позицию Турции, стремящейся сохранить в Причерноморье роль крупного регионального игрока в геополитике, можно согласиться с мнением экспертов том, что Причерноморье ещё долго будет оставаться нестабильным регионом [49].

В настоящее время в Причерноморской кольцевой региональной структуре государств у России нет геополитических союзников [72]. И в этом заключается главный «нерв» и смысл континентального фактора проявления социокультурной рубежности в Причерноморье. Все государства Причерноморья в той или иной степени находятся под цивилизационным влиянием западных стран, являясь либо членами ЕС и НАТО, либо стремясь к членству в этих организациях.

Нестабильность в Причерноморье усиливается украинским кризисом, породившим ещё один социокультурный рубеж в регионе. Разногласия между Россией и Украиной по поводу территориальной принадлежности Крыма и вопроса о федерализации Украины как варианта решения конфликта в Донбассе, постоянная напряжённость вокруг путей транспортировки газа в Европу (в обход Украины) — это геополитический фон, на котором развиваются отношения двух славянских государств в последнее десятилетие.

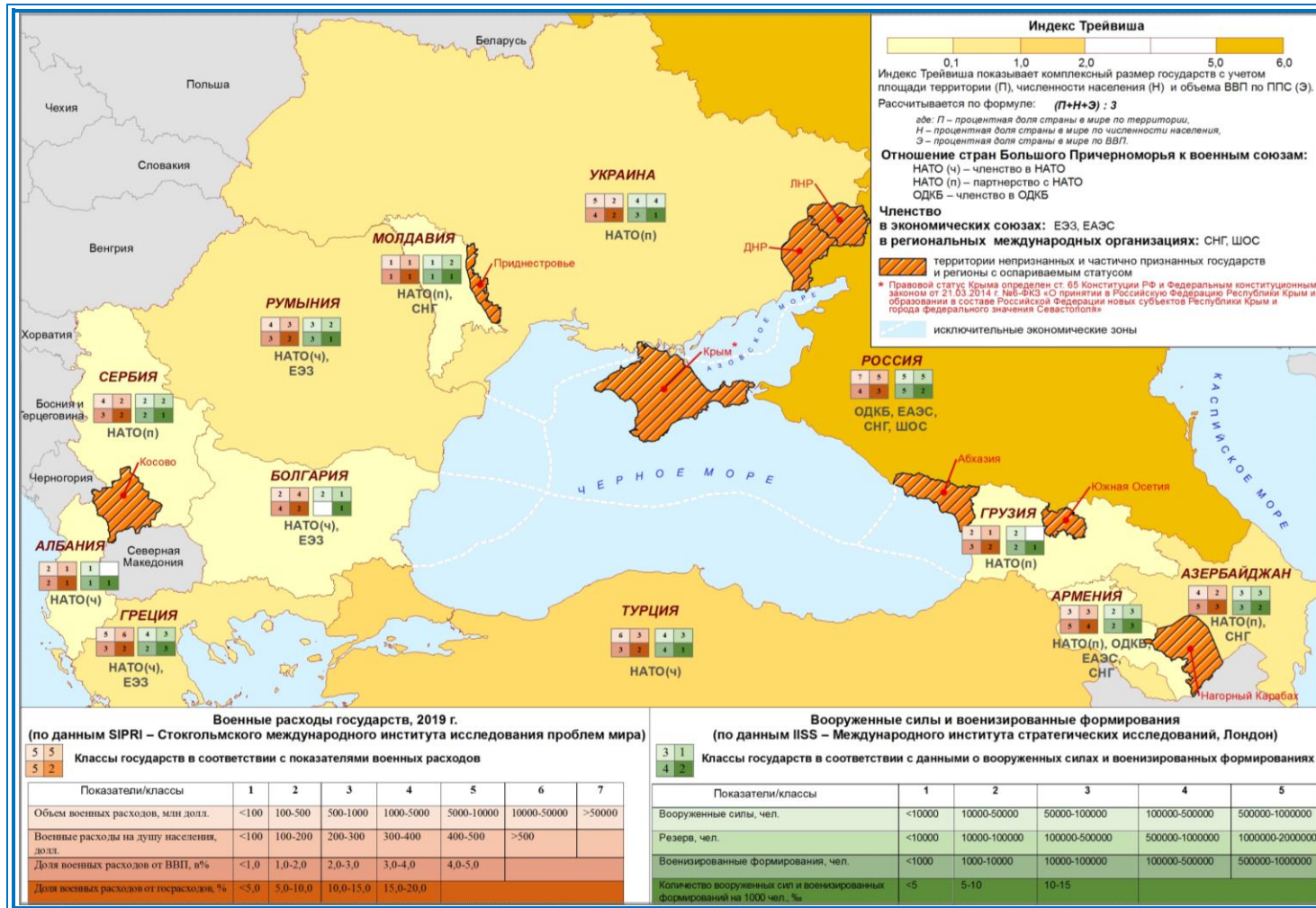

Рис. 1.1. Геополитическое порубежье Крыма в Причерноморье

Желание Украины стать частью Запада и в то же время зависимость от российских энергоносителей ставят эту страну в сложное положение. Но это геэкономическая часть противостояния, которая при желании и проявленной воле политической элиты Украины может быть разрешена.

Гораздо более опасной составляющей разногласий между Россией и Украиной стало *уничтожение этнической комплиментарности русских и украинцев*, обусловленное информационной войной между этими странами. Все годы независимости Украины усилиями «гуманитарной интеллигенции», средствами исторического образования и воспитания формировалось представление о том, что украинская нация создавалась не благодаря, а вопреки её нахождению в составе империй — Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР. После киевского майдана 2013–2014 годов, Крымской весны и войны на Донбассе в средствах массовой информации России и Украины появились взаимоисключающие интерпретации этих событий, что продолжает увеличивать ментальный раскол в осознании украинским и российским народами общности их исторической судьбы.

Барьерность границы между Крымом и Украиной формируется не только в ментальной, но и в реальной, политико-экономической сфере. Украина и Россия по-разному определяют статус крымского пограничья. Для России крымская граница с украинскими континентальными и морскими пространствами носит межгосударственный статус, обозначенный Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Украина, не признающая российскую субъектность Крыма, относит границу с ним к внутригосударственным административным рубежам одной из своих «временно оккупированных территорий» (формулировка ООН), регулируя правовой статус крымской границы Законом Украины «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» от 15 апреля 2014 № 1207-VII.

Крымско-украинское пограничье оборудовано с обеих сторон пограничной инфраструктурой: стационарными пунктами управления служебно-боевыми действиями пограничных войск, 3 пунктами перехода границы («Джанкой», «Армянск» и «Перекоп» со стороны Крыма и «Чонгар», «Каланчак» и «Чаплинка» с украинской границы), таможенными терминалами, ограждением, системами связи.

Наращение барьерной функции российско-украинской границы в Крыму происходило с момента её обозначения в реальном пространстве двух государств. Барьерность пограничья следует понимать как процесс превращения приграничных территорий в своеобразную полосу препятствий для свободного перемещения людей, грузов и прочих вариантов контактов, а

также проявления недружественных действий со стороны соседствующих государств.

До августа 2014 года Украина пыталась придерживаться пятой статьи Закона «Про забезпечення прав і свобод...», по которой украинское государство приняло обязательства поддерживать и обеспечивать экономические, финансовые, политические, социальные, информационные, культурные и другие связи с гражданами Украины, проживающих на временно оккупированной Российской Федерацией территории Крыма. В это же время Украина принимает новый законодательный акт о создании в Крыму свободной экономической зоны на ближайшие десять лет. Этот закон действует до настоящего времени, породил множество негативных характеристик в украинском экспертном сообществе как фейковый, коррупционный и даже коллаборационистский. В июне 2021 года парламентский комитет Верховной Рады Украины по вопросам экономической политики рекомендовал Раде отменить режим свободной экономической зоны «Крым» и подготовил соответствующий законопроект.

Создавая свободную экономическую зону «Крым», Украина пыталась защитить имущество своих олигархов в Крыму и прописать особенности экономических связей с российским полуостровом. Режим свободной экономической зоны позволял ввозить в Крым в 2014–2015 гг. товары с территории Украины без пошлин, а украинским бизнесменам, работающим на неподконтрольных Киеву землях, не платить налоги в украинскую казну. От налогов освобождались и рядовые граждане Крыма, но последующими законодательными актами Украины они перестали получать начисление украинских пенсий и банковских услуг. Фактически жители Крыма были объявлены украинским государством нерезидентами (иностранными лицами). Если украинская сторона отменит закон о создании свободной экономической зоны «Крым», то тем самым она признает её неэффективность в течение семи лет нахождения Крыма в составе России. За это время украинская власть не только не упрощала движение товаров и услуг в Крым, но и, наоборот, препятствовала этому.

В мае 2014 г. Государственное агентство водных ресурсов Украины объявило о прекращении подачи днепровской воды в Крым по Северо-Крымскому каналу. Официальное объяснение было сформулировано как результат отсутствия «конструктивных предложений по оформлению договорных отношений для обеспечения водными ресурсами потребностей Крыма на питьевое водоснабжение и орошение» [63].

По данным упомянутого ведомства крымские водопользователи задолжали Управлению Северо-Крымского канала 1,7 млн гривен за воду, потреблённую в 2013 году и вопрос их возмещения до настоящего времени не решён. Подоплёка отлучения Крыма от днепровской воды понятна: в Украине до настоящего времени считают, что собственные водные ресурсы полуострова полностью покрывают потребности местного населения,

связанные с бытовыми нуждами и орошением приусадебных участков, а днепровская вода нужна Крыму для промышленного водоснабжения. Такая позиция украинского государства лишь часть правды: забывается тема увеличения численности населения Крыма в курортный период и назначения воды в сельском хозяйстве, позволяющем полуострову решать вопрос самообеспеченности продуктами питания.

26 декабря 2014 года решением Совета национальной безопасности Украины украинским железнодорожным и автоперевозчикам было запрещено осуществлять пассажирское сообщение с Крымским полуостровом. Официальной причиной отмены прямого железнодорожного сообщения с Крымом пресс-служба «Укрзалізниці» объявила «соображения безопасности». Маршрут следования поездов в Крым с этого времени ограничен станциями Новоалексеевка Херсонской области и г. Херсон.

Прекращение Украиной транспортного сообщения с Крымом — это беспрецедентный случай на пространстве бывшего СССР. Вариант полного прекращения международного транспортного сообщения имел место на армяно-азербайджанской и грузино-абхазской границах только после проведения военных действий между означенными государствами. Иными словами, такая мера носила в указанных регионах частично оправданный характер. Сформированная украинским государством без предупреждения в канун Новогодних праздников транспортная блокада Крыма не имела каких-либо серьёзных предпосылок, кроме бездоказательных предположений Совета национальной безопасности Украины (СНБОУ).

В сентябре — декабре 2014 г. украинские власти начали вводить ограничения на поставки электроэнергии и стройматериалов в Крым. В ночь на 6 октября 2015 г. неизвестными лицами на территории Херсонской области были взорваны две опоры высоковольтной ЛЭП, подававшей электроэнергию в Крым. Несмотря на вывод из строя двух опор ЛЭП, электричество, хотя и в ограниченном объеме, но продолжало поступать на полуостров. В ночь на 22 ноября 2015 г. новым взрывом были выведены из строя две оставшиеся опоры, и электроэнергия с материковой Украины перестала поступать в Крым. На полуострове была объявлена чрезвычайная ситуация и наступил период энергетической блокады с всеобщими отключениями электричества во всех населённых пунктах полуострова, остановкой котельных, переводом населения на жёсткий график энергоснабжения и водопотребления, перебоями с работой мобильной связи, закрытием детских садов и школ, введением «комендантского часа» для кафе и ресторанов, переводом учреждений и организаций на локальное или аварийное энергообеспечение при помощи мобильных генераторов электричества.

2 декабря 2015 г. была запущена первая очередь энергомоста Кубань-Крым, благодаря чему проблема энергоблокады полуострова была частично снята. С началом работы первой нитки энергомоста удалось обеспечить

электроэнергией подавляющее большинство потребителей Крыма, начать на полуострове полноценный отопительный сезон. В результате введения в эксплуатацию в 2019 г. «Таврической» и «Балаклавской» ПГУ-ТЭС, мощностью 470 МВт каждая, строительства дополнительных установок на Сакской ТЭЦ мощностью 120 МВт, модернизации Симферопольской ТЭЦ и других электрогенерирующих установок потребность в электроэнергии в Крыму обеспечивается на 83–90% (без учёта энергомомста). В перспективе в регионе будет создан профицит электроэнергии. Таким образом, проблема энергоблокады Крымского полуострова — решена.

Формирование барьерности в сухопутной части границы Крыма и Украины дополнено её морским сектором. Береговая линия Крыма протянулась более чем на 2,5 тыс. км (с учётом извилистости берегов залива Сиваш), имеет ряд удобных для судоходства заливов и бухт, в которых размещаются пять торговых и два рыбных порта. Черноморские порты Крыма открывают дешёвый водный путь к южным областям Украины, в страны Балканского полуострова, Кавказскому побережью России и Грузии, через Волго-Донской судоходный канал к Балтийскому и Каспийскому морям, а по проливам Босфор и Дарданеллы позволяют выходить в Средиземноморский бассейн, и дальше через Суэцкий канал — в Индийский океан.

В июле 2014 года Украина официально объявила о том, что морские порты Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия и Ялта закрыты для международного морского судоходства. Это означает, что любое судно, которое зайдет в морские порты полуострова, делает это на свой страх и риск, а их владельцы и капитаны могут столкнуться с серьезными санкциями, штрафами и даже тюремным заключением.

Транспортная изоляция портов Крыма снизила их доходность и существенно сократила перевалку грузов. Если в 2012 году в крымских портах было перевалено 7 млн тонн груза, то в 2014 году только 3 млн тонн [17]. До 2014 года основные грузы крымских портов были экспортно-импортными, в настоящее время это грузы внутренней перевозки (каботажные грузы), обеспечивающие потребности региона в товарах, оборудовании и сырье. В последние годы только 4% грузовой работы крымских портов ориентированы на экспортные перевозки [там же]. Из-за санкционной политики западных стран и транспортной блокады Крым лишился возможности прямого морского сообщения. Прекращены грузоперевозки металла и сельскохозяйственной продукции из украинских портов.

Осложнено морское природопользование в акваториях Черного и Азовского морей. Добыча природного газа в Причерноморско-Крымской нефтегазовой области (в частности, Одесское месторождение, находящееся в нейтральных водах с неопределённым международно-правовым статусом, а по версии украинской стороны — в морской экономической зоне Украины)

стала поводом для провокационных попыток украинского государства осуществить передел шельфа в северо-западной части прикрымской акватории Чёрного моря. С декабря 2015 года месторождения нефти и газа в Чёрном и Азовском морях, а также газовые и нефтяные платформы государственной компании «Черноморнефтегаз» взяты под охрану боевых кораблей Черноморского флота Российской Федерации.

Остроту проблемы барьерности крымского пограничья продемонстрировал пограничный вооруженный инцидент в Керченском проливе 2018 года, в ходе которого Вооружённые силы России и корабли Береговой охраны Пограничной службы ФСБ России задержали корабли Военно-морских сил Украины, пытавшиеся пройти из Одессы в Мариуполь через Керченский пролив. Этот инцидент серьёзно усугубил отношения между Россией и Украиной, стал предметом обсуждения в ООН и до настоящего времени «сохраняет влияние на ситуацию в регионе постсоветского пространства» [48].

Керченский инцидент обозначил важную в географическом плане ситуацию: изменение статуса Азовского моря и Керченского пролива. После воссоединения Крыма с Российской Федерацией эти гидрологические объекты перестали рассматриваться Россией как внутренние воды двух государств, особенно в отношении Керченского пролива, полностью перешедшего под юрисдикцию России. Данная ситуация, естественно, требует определённой ревизии ранее достигнутых между Россией и Украиной соглашений, в частности Договора между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24 декабря 2003 года. В этом документе в Ст. 2 (3) определено, что «Военные корабли и другие государственные суда третьих государств, эксплуатируемые в некоммерческих целях, могут заходить в Азовское море и проходить через Керченский пролив, если они направляются с визитом или деловым заходом в порт одной из Сторон *по ее приглашению или разрешению*, согласованному с другой Стороной» [28]. Именно этот пункт Договора нарушили суда ВМС Украины во время инцидента 2018 года.

Ещё до 2014 года украинская сторона настаивала на придании водам Азовского моря и Керченского пролива статуса *международных*, подчиняющимся нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Новый правовой статус гидрологических объектов позволил бы интернационализировать присутствие в них не только коммерческих, но и военных судов зарубежных стран, имеющих право «транзитного прохода». Этот вид прохода, в отличие от так называемого «мирного прохода», жестко регламентированного упомянутой Конвенцией, более либерален. Он позволяет, к примеру, подводным лодкам не соблюдать обязательства следовать в пределах пролива в надводном положении с поднятым флагом; разрешает осуществлять над гидрологическими объектами полёты военной

авиации и не может приостановить любые проходы судов через пролив [23]. Отсутствие юридического урегулирования режима пограничных территорий в Азовском море и условий прохода иностранных военных судов в Керченском проливе создаёт в этом сегменте крымского пограничья очаг латентной геополитической конфликтности.

Барьерный характер носит и воздушное пространство над Крымским полуостровом. После появления 27 марта 2014 года Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О поддержке территориальной целостности Украины», Международная организация гражданской авиации (ИКАО), являющаяся специализированным учреждением ООН, официально признала, что право на аэронавигационное обслуживание полётов в границах Симферопольского района полетной информации (он включает воздушное пространство над Крымом и окружающей акваторией Черного моря) принадлежит Украине [59]. В апреле 2014 года Европейская организация по безопасности аэронавигации (Eurocontrol) ввела запрет на осуществление полетов в Крым, в частности, в Симферополь и Севастополь. В настоящее время над территорией Крымского полуострова и прилегающими к нему частями Чёрного моря без вертикальных ограничений воздушного пространства установлена запрещенная для полетов зона. Здесь отсутствуют транснациональные воздушные трассы. Только российские авиакомпании заходят в воздушное пространство над Крымским полуостровом с его восточной части. Управление полётами над акваторией Черного моря осуществляется диспетчерскими центрами Одессы и Днепра.

Подводя итог, заметим, что воссоединение Крыма с Россией создало для этой страны не только прецедент расширения своего политико-правового пространства, но и увеличило южную периферию её геополитической сферы влияния.

Границы российского государства в Крыму имеют *критический* и, одновременно, *охранительный* характер. Критические границы представляют особый вид границ, выделенных американским политологом К. Боулдингом, для крупных держав, стремящихся защитить или обозначить сферы своих жизненных интересов [39]. Такие границы, часто называют предупредительной «красной линией» для тех государств, которые пытаются безосновательно изменить сферы собственного влияния за счёт чувствительных в политико-географическом отношении территорий. Крым в 2014 году стал для Российской Федерации именно такой «красной линией», которую попытался нарушить объединенный Запад действиями на киевском майдане. В Крыму была подвергнута прямой угрозе уничтожения украинскими радикалами русская идентичность. Для сохранения этой идентичности границы Крыма критичны.

Как показали события последних лет, крымское пограничье в Причерноморье нуждается в охране не только духовных, но и материальных ресурсов территории. Это обусловлено отсутствием у России

геополитических союзников в Причерноморском секторе Евразии, спорным для Украины характером государственной принадлежности территории Крыма, порождающим провокативные формы поведения на рубежах с новым субъектом российского государства.

Крым оказался в центре замкнутого приморского макрорегиона, представляющего собой не единое, а фрагментированное, асимметричное геополитическое пространство с наличием контактных и барьерных границ, буферных территорий, с неразрешённой проблемой своего международного правового статуса.

В условиях растущей геополитической напряжённости в Причерноморье позиционирование Крыма в этом макрорегионе будет связано с его военно-стратегической функцией в контексте обеспечения безопасности России, которая будет доминировать над внешнеэкономическими и морехозяйственными функциями полуострова в Азово-Черноморском регионе.

Растущий благодаря поддержке федерального центра экономический потенциал Республики Крым и г. Севастополя может быть реализован в международном экономическом пространстве только при условии решения проблем барьерности крымских границ и снятия неопределённостей его внешнеполитического статуса.

1.3. Новая политико-географическая субъектность Крыма

Политико-географическая субъектность Крыма понимается как наличие в регионе сформированной региональной идентичности у населения, осознания им функции и значения своего региона во внешней и внутренней политике государства, в которое этот регион входит, и готовность политико-управленческой элиты реализовать и защитить все преимущества и уникальность региона.

Не всякий регион имеет политико-географическую субъектность и возможность её актуализировать. Объективно политико-географическая субъектность возникает под влиянием социокультурного своеобразия региона: особенностей его геополитического положения, экономического и военного потенциалов, традиций внешней и внутренней политики государства, в состав которого он входит, особенностей идентичности его населения. Политико-географическая субъектность формирует долговременные тренды развития регионов, которые могут отличаться от общегосударственных. В подобном случае регион стремится либо получить автономию, либо формирует основания для появления регионального сепаратизма.

Маятник «автономизм-сепаратизм» более четверти века был устойчивым трендом новейшей истории и географии Крыма в составе украинского государства. Любое движение этого «маятника» в определённой

степени влияло не только на общеукраинскую политическую ситуацию, но способно было вызвать заинтересованную реакцию мирового сообщества стран. В доказательство приведём факт появления *особых* экономических санкций, которые США и страны Евросоюза ввели не только против Российской Федерации, но конкретно против Крыма и города Севастополь. Эти санкции носят характер наказания за политическую и культурную ориентацию Крыма на Россию, продемонстрированную его жителями в 2014 году на референдуме о государственной принадлежности региона.

Воссоединение Крыма (в дальнейшем мы подразумеваем его в единстве с городом Севастополь) с Российской Федерацией прервало парадоксальный тренд развития этого региона в качестве территориальной автономии в составе унитарного государства, которым по Конституции является Украина. Новый смысл политико-географической субъектности Крыма придаёт его вхождение в пространство российского федерализма. Быть частью федерации означает для Крыма, находящегося под экономическими и политическими санкциями стран коллективного Запада, отказ от внешнеполитических устремлений (они реализованы возвратом в Россию) и сосредоточение на рациональном объединении общегосударственных и местных интересов. Переход из тренда автономии в процесс федерализации создал для крымской политико-управленческой элиты ситуацию «работы над ошибками» и рисками периода административного вхождения Крыма в состав Украины. Географов интересуют пространственные маркеры подобных процессов.

Для Крыма пространственным маркером успешности процесса трансформации его политико-географической субъектности стал анализ социокультурных противоречий, которые формировались здесь в период административного вхождения региона в украинское государственное пространство и создали предпосылки для социокультурной турбулентности, названной «Крымская весна 2014 года».

Под социокультурными противоречиями следует понимать такое состояние общества, которое продуцирует появление противоборствующих систем ценностей [69; 71]. В социокультурных противоречиях затруднен поиск причин столкновения противоборствующих сторон. В них трудно классифицировать противоборствующие стороны как «позитивные» и «негативные». Любая из конфликтующих сторон защищает «свою» систему ценностей в противоборстве с «иной», нередко навязанной ей властной элитой того общества, в которой возникает противоречие, порождающее конфликт. Чаще всего социокультурные противоречия возникают в сфере этнических и религиозных взаимоотношений.

«Крымская весна» как исторический фрагмент на пути смены Крымом политико-географической субъектности имеет свою ретроспективу и не является спонтанным актом. Вспомним, что именно Крым стал первым регионом на территории бывшего СССР, который сумел провести референдум 20 января 1991 года, наглядно продемонстрировав стремление

большинства крымчан к повышению политической субъектности территории их проживания. Автономия в составе Украины противоречила воле населения Крыма. Это было зафиксировано в результатах упомянутого референдума, предполагавших будущее Крыма в качестве субъекта нового Союзного договора.

В картографической интерпретации «Крымская весна» проиллюстрирована нами как событийный ряд, состоящий из трёх этапов развития событий, ставших внешними и внутренними факторами смены политико-географической субъектности Крыма (рис. 1.2). Нами выделены этап *формирования протестных настроений в Крыму, спровоцированных за его пределами на территории Украины*. Отдельно рассмотрен этап *активизации протестной деятельности жителей Крыма* на митингах, пикетах, блокпостах, вплоть до появления в зданиях законодательной и исполнительной власти Крыма бойцов российских Сил специальных операций (т. н. «вежливых людей»). Этап *проведения референдума о воссоединении Крыма с Российской Федерацией* представлен как событийный ряд правовых действий со стороны российского федерального центра и крымской автономии.

Научные и политические дискуссии о содержании украинского регионализма велись на Украине на протяжении всех лет после обретения ею независимости. Содержание этих дискуссий формировалось вокруг представления о том, что регионы Украины действительно разнообразны, но это разнообразие естественное, характерное для многих стран мира и не фрагментирует, а укрепляет страну.

Для доказательства истинности указанного представления использовалась мысль о смысле украинской независимости. Этот смысл имел множество граней, но его региональная составляющая проявлялась в желании политико-управленческой элиты видеть страну единой во всём: языке, религии, трактовке истории Украины как тождественной с историей национального движения, в особенностях восприятия мира как кальки с западной, а не славяно-православной цивилизации. Эти аспекты закладывались в интеграционный механизм притяжения украинских регионов, который создавался как часть идеологии построения независимой Украины.

Реальность регионального контекста украинской независимости оказалась сложнее. Представление о единстве Украины опровергалось практикой электоральных предпочтений её жителей. Западные, центральные, восточные и южные регионы Украины из года в год голосовали на выборах не по идеологической кальке интеграторов страны, а за кандидатов, отстаивающих проукраинскую или пророссийскую идентичность их территорий. Именно электоральная география Украины выявила в стране феномен непреодолимого разнообразия её регионов, наталкивающегося на централистскую практику созидания монолитного единства страны.

В 2001 году Украина приняла первую Концепцию государственной региональной политики [65]. Она оказалась неработающей и через семь лет появилась новая концепция регионального развития страны, которая впоследствии периодически изменялась и дополнялась. Украинские географы в 2008–2010 годах попытались вписать свою точку зрения в идеологию государственной региональной политики [4; 9;]. Смысл предложения географов сводился к констатации известного факта о структурной перестройке мирового геополитического порядка под влиянием двух разнонаправленных тенденций — глобализации и регионализации. Отмечалось, что Украина не избежала влияния регионализации. Роль регионов превратилась на Украине не столько в фактор стабильной экономики, сколько в магистральную линию укрепления национальной независимости [5]. Среди актуальных географических концепций, способных повысить эффективность государственной региональной политики, определялась концепция устойчивого развития территории. Её практическая реализация должна была обеспечить (по нашему убеждению, не сделала этого) «целостное развитие государства с учётом его региональных особенностей» [9, с.103].

Крымский аспект регионалистской дискуссии на Украине отличался работами, имеющими ярко выраженную поддержку любым устремлениям к федерализации страны. Федерализм как политический проект и смысл развития Украины, устремлённой в европейское геополитическое пространство, наиболее полно описан в работе крымского историка А. В. Мальгина «Украина: соборность и регионализм» [46]. Автор указанной монографии рассматривал возможную федерализацию Украины как вариант её вписывания в европейское сообщество стран, справедливо считая федерализм «демократией в пространстве». Вместе с тем, он отмечал, что к концу XX века историческое пространство Украины изменилось. В нём появились территории с высокой долей этнически неукраинского населения (Крым, ряд территорий Донбасса, Закарпатье, Северная Буковина). Следовательно, контекст украинской соборности трансформируется из единства этнических украинских земель в проблему единства многонациональных регионов украинского государства. Это новое содержание соборности нередко вступает в конфликт с традиционным.

Различные аспекты политико-географической субъектности Крыма исследованы в работах Н. В. Багрова [2], О. А. Габриеляна [20], С. С. Жильцова и др. [29], С. Н. Киселёва [36], А. В. Мальгина [45], А. Р. Никифорова [52; 53], А. Б. Швеца [70], А. Г. Шевчука [75], А. Н. Яковлева [79]. Исследователи крымской политико-географической субъектности в разные исторические периоды определяли Крым как «нервный узел» геополитической системы Украины, регион, находящийся на «геополитическом разломе государственной коры», «геовулканический район», территорию, нарушающую изотропность социокультурного пространства Украины. После событий на Украине 2014 года все эти определения в известной степени

оправдались. Вместе с тем, стремительность трансформаций регионального развития Украины и Крыма в 2013–2021 гг. ещё недостаточно осмыслена крымскими географами. Отметим глубину выводов по поводу украинских и крымских преобразований в монографии московских коллег О. И. Вендиной, В. А. Колосова, Ф. А. Попова, А. Б. Себенцова [12], а также статьи и диссертацию Д. И. Олифир [56; 57]. Оригинальными исследовательскими подходами к изучению современной политико-географической субъектности Крыма отличаются работы политолога А. В. Баранова [6; 7].

Непохожесть Крыма на иные регионы украинского государства многогранна. Географ С. Н. Киселёв сформулировал пять постулатов крымской региональной самобытности: *природный* (особенности геологического строения Крымского полуострова — не является частью материка, а присоединился к нему, высокая эндемичность флоры, ландшафтное разнообразие); *этнический* (в структуре населения Крыма — самый высокий по Украине процент русских и самый низкий процент украинцев, наличие региональных народов: крымских татар, крымчаков, караимов); *исторический* (перенасыщенность территории историко-культурными памятниками, рождающими местный патриотизм и региональную идентичность), *экономический* (особая специализация региона на рекреационных услугах, создававшая ощущение привилегированного статуса крымской прописки); *политический* (базирование Черноморского флота, располагавшего ядерным оружием, репатриация и обустройство депортированных народов, функционирование русского языка) [Киселёв, 2006]. Игнорирование центральной властью Украины объективных признаков региональной самобытности Крыма, отношение к региону как периферийной части страны стали одним из многочисленных факторов событий весны 2014 года.

Крымские исследователи проблемы регионального своеобразия Крыма, среди которых географ и один из архитекторов крымского автономизма, занимавший пост Председателя Верховного Совета Крымской АССР в 1991–1994 годах, академик Национальной Академии наук Украины Н. В. Багров, не отрицали мысль о том, что существование крымской автономии — выдающееся достижение молодой украинской государственности [2]. Однако, без учёта особенностей исторического процесса в регионах любые достижения автономизма подвергаются девальвации. Эту мысль Н. В. Багров [3] и О. А. Габриелян [20] доказали на примере взаимодействия украинского центра с региональными властями Крыма. Общий тренд этого взаимодействия сводился к ограничению автономного статуса Крыма.

Проблема ограничения политической субъектности Крыма имеет обширную литературу, подробно проанализированную А. В. Мальгиным [45], С. С. Жильцовым и др. [29], С. Н. Киселёвым в сборнике статей с ёмким названием «Крымская идея» [35]. Украина с момента воссоздания крымской автономии в 1991 году не хотела видеть в своём составе государство, идея

которого была заложена в Конституции Республики Крым в редакции 1992 года [20]. Украинский центр постоянно подвергал критике Акт о государственной самостоятельности Республики Крым, некоторые положения её Конституции, ликвидировал институт президентства в Крыму. К началу XXI века Крым утратил законотворческие и бюджетные полномочия, самостоятельность в формировании судебных, правоохранительных органов и органов местного самоуправления, получил институт Представительства Президента Украины, обеспечивающий проведение в жизнь Конституции и законов Украины. Регион фактически превратился в административную область Украины, наделённую некоторыми особыми правами.

Отметим, что свёртывание политической субъектности Крыма было отчасти инициировано авантюризмом крымских политических лидеров, пришедших к власти в 1994 году. Их пророссийские настроения, граничившие с откровенным сепаратизмом, закрепили у киевского центра в период 1994–1998 годов традицию политического сдерживания и недоверия к любой власти в Крыму.

Среди причин, обусловивших стремление Крыма к изменению политико-географической субъектности в 2014–2015 годах мы выделили те, которые связаны с ростом в региональном сообществе факторов социокультурного дискомфорта. Состояние социокультурного дискомфорта возникает в тех случаях, когда власть пытается переформатировать базовые ценности общества. Для жителей Крыма болезненным переформатированием была политика украинской власти в отношении русского языка и решения некоторых этноконфессиональных проблем.

Вопрос о функционировании русского языка как регионального, а по сути, второго государственного в Крыму, был зафиксирован в 2012 году законом Украины «Об основах государственной языковой политики» [30]. Для 77,0% населения Автономной Республики Крым и 90,6% процентов жителей города Севастополь, назвавших во время Всеукраинской переписи населения 2001 года русский язык родным, крайне негативную реакцию и протесты вызвало решение экстренного заседания Верховной Рады Украины от 23 февраля 2014 года об отмене упомянутого выше закона [13]. Не вдаваясь в анализ юридических аспектов несовершенства закона о языках, отметим, что для русскоговорящего Крыма попытка его отмены на горячей волне событий, последовавших за государственным переворотом в Киеве, была воспринята как стремление новой власти изменить лингвистическую автономию в регионах Юга и Востока Украины. В Симферополе уже 25 февраля 2014 года началась бессрочная акция протеста с требованием не признавать новую украинскую власть и её законы.

Наступление на русский язык в Крыму активизировалось на рубеже 2003–2004 годов. Это важный маркер новейшей истории Украины. В 2003 году в политическом процессе украинского государства был публично обозначен антирусский вектор. Его подтверждением стала концепция

«Украина — не Россия», сформулированная президентом Л. Д. Кучмой [42] и впоследствии проявлявшаяся в действиях украинских политиков высшего эшелона власти с разной степенью интенсивности.

Украинское государство использовало в политике дистанцирования от России два наиболее важных для формирования этнической идентичности канала: лингвистический и конфессиональный. В 2004 году в лингвистическом пространстве Крыма актуализировался процесс украинизации. По сведениям крымского министерства образования в 2003 году в Крыму (без города Севастополь) насчитывалось 457 русскоязычных школ, в 2004 году их численность уменьшилась до 435, в 2005 — до 414, в 2006 — до 393, в 2007 — до 378, в 2008 — до 365, а в 2009 сократилось до 340 [37]. Отрицательная динамика наблюдалась в этот же период с русскоязычными классами и количеством учеников, обучающихся на русском языке. Численность первых сократилась с 2003 по 2009 год на 25 процентов, а численность обучающихся в классах и школах с русским языком — на 37 процентов [там же].

В это же время в крымском образовательном пространстве проходил процесс количественного приращения школ с украинским и крымскотатарским языком обучения. Численность украинских школ к 2009 году увеличилась с 4 до 8 (одна из них была в Севастополе), а с крымскотатарским языком с 12 до 15. Киевские чиновники часто обращали внимание на несопоставимость численности русских и украинских школ в Крыму, опровергая тем самым тезис о наличии ограничений со стороны украинского законодательства свободному распространению русского языка на полуострове. Заметим, что школы Крыма были русскими лишь по языку преподавания и общения. Все учебные программы, а также учебники, составлялись и утверждались для этих школ украинским государством. По этой причине школы с русским языком обучения в Крыму можно было вполне относить к украинским.

Проведенный нами анализ выборки фактов конфессиональных противоречий украинского общества, имевших место в 2000–2010 годах и зафиксированных в печатных средствах массовой информации Украины в качестве информационных поводов (228 случаев) показал, что в этот период Крым входил в число четырёх центров конфессиональной нестабильности. Наряду с Крымом центры конфессиональной нестабильности сформировались во Львовской, Луганской областях и городе Киеве. Эти регионы в течение отмеченного десятилетия имели более 20 информационных поводов, связанных в основном с имущественными претензиями между приходами христианских конфессий. На Крым приходилось 69,2% всех случаев конфессиональных противоречий в исследуемое десятилетие. Но в отличие от иных регионов Украины в Крыму формировались противоречия не только внутри христианских конфессий, но и между христианами и мусульманской уммой.

Первые признаки нарастания религиозных противоречий в Крыму появились после 1995 года. До этого времени на полуострове отмечался «религиозный ренессанс»: росло количество религиозных общин в православии и исламе, строились новые церкви и мечети, развивалось религиозное образование и паломническо-миссионерская деятельность. В 1995 году на полуострове появилась формальная альтернатива монополю влиянию Украинской Православной Церкви (Московского патриархата) — (УПЦ). В Крыму были зарегистрированы две первые общины Украинской Православной Церкви (Киевского патриархата) — УПЦ (КП). Вплоть до 2014 года на приходы Киевского патриархата приходилось не более 3 процентов сети религиозных организаций Крыма, но идеология создания единой поместной украинской церкви, нарушающей каноническое единство украинского и русского православия, была внесена в ментальность крымских православных верующих. Появление в Крыму общин УПЦ (КП) имело политический характер. С этой конфессией связывалось усиление влияния проукраинских церквей в противовес пророссийской УПЦ, солидаризирующейся с такими ментальными ценностями, как неприятие идей западного либерализма, поддержка ценностного комплекса славянской соборности, русского языка и др. После 2014 года УПЦ (КП) не прошла юридическую перерегистрацию и в настоящее время не имеет общин в крымском регионе.

Позже, в 2018 году, УПЦ (КП) стала, по сути, главным участником легализации раскола мирового православия. По инициативе бывшего тогда президентом Украины П. А. Порошенко и Константинопольского (Вселенского) патриархата Варфоломея в Киеве был проведён автокефальный (независимый) Объединительный собор, на котором создали раскольническую структуру — Православная церковь Украины (ПЦУ). Она получила от Константинопольского патриарха томос об автокефалии. В этом статусе ПЦУ не имеет официального признания со стороны большинства иерархов мирового православия. Исключение составили первоиерархи Александрийской, Элладской и Кипрской православных церквей. На Украине ПЦУ претендует на роль «государственной» или «национальной» церкви, поддерживая стремление современного украинского государства в Евросоюз, НАТО, остро осуждая события Голодомора, т. е. формирует такие ментальные комплексы, которые никогда не были бы поддержаны основной массой населения русскоориентированного Крыма. Русская православная церковь (РПЦ) прекратила евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом, а также иерархами Элладской, Александрийской и Кипрской православных церквей, признавая единственно канонической церковью на Украине УПЦ, входящую в состав РПЦ на правах широкой автономии.

Появление в Крыму идеологов раскольничества в православии подвигло Симферопольскую и Крымскую епархию УПЦ на активизацию своего присутствия в регионе. Руководство епархии в 2000 году дало согласие на проведение в некоторых населённых пунктах установки одного

из символов православия — поклонных крестов, а также щитов на обочине автодорог или вблизи туристических объектов с надписями «Крым — колыбель православия». Мусульмане Крыма в лице Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК) немедленно отреагировали на православную акцию и потребовали от руководства республики Крым прекратить противоправную с их точки зрения установку религиозных монументов и стендов на территории Крыма и демонтировать уже установленные незаконные сооружения. До выполнения этих требований ДУМК уведомило о приостановлении своего членства в межконфессиональном объединении Крыма «Мир — дар Божий». Крымские эксперты отметили, что заявление ДУМК появилось через несколько дней после визита в Крым отлученного от церкви главы УПЦ (КП) патриарха Филарета, который встречался с председателем меджлиса крымских татар (организацией, запрещённой в настоящее время в Крыму) для выражения совместного недовольства попыткам позиционирования в Крыму «колыбели православия» [22].

После решения муфтията о выходе из межконфессионального объединения «Мир — дар Божий» в Крыму последовали события, получившие в средствах массовой информации название «крестоповал». В четырёх населённых пунктах Крыма были снесены и уничтожены поклонные кресты. Акции протеста крымскотатарского населения по поводу появления новых поклонных крестов продолжались до 2004 года. В результате «крестоповала» на Крымском полуострове легализировалась конфликтная линия в отношениях между православной и мусульманской общинами Крыма.

История появления религиозных противоречий в период административно-территориального вхождения Крыма в состав Украины показывает, что они имели в автономной республике политический характер. В политике украинского государства, направленной на ограничение политико-географической субъектности Крыма, центральной власти нужны были союзники. Они были искусственно сформированы в лице расколотого на два патриархата православия и оппозиционного крымским властям меджлиса крымскотатарского народа, с которым тесно сотрудничало Духовное управление мусульман Крыма.

Изменение политико-географической субъектности Крыма в 2014 году позволило региону выйти из-под влияния антирусской концепции «Украина — не Россия». Новая российская реальность поставила вопрос о дальнейшем смысловом наполнении политико-географической субъектности Крыма. В ментальность жителей республики заложен тренд построения Нового Крыма.

Новый Крым — это в настоящее время пространство спорной определённости. По официальной позиции Украины и Генеральной Ассамблеи ООН Крым является временно оккупированной территорией Украины, а по официальной позиции Российской Федерации, основанной на волеизъявлении жителей Крыма, выраженном в ходе мартовского

референдума 2014 года, Крым — субъект федеративного устройства России. Таким образом, для Крыма в России и на Украине определены два взаимоисключающих проекта его политико-географической субъектности: российский и украинский.

В российском проекте Крым продемонстрировал мировому сообществу и странам СНГ модель реинтеграции с большим геополитическим пространством, в роли которого выступила Россия. Смысл вписывания в это большое геополитическое пространство — сохранить свою региональную самодостаточность, не превратиться в заурядную российскую провинцию.

В украинском проекте Крым рассматривается как регион, нарушивший мифологему о существовании национально-территориального единства (соборности) Украины. Такая территория подвергается табуированию в виде разнообразных блокад: водной, энергетической, продовольственной, транспортной. Опираясь на санкционную поддержку стран коллективного Запада, украинский проект нацелен на появление у жителей Крыма санкционной усталости.

Будущее Крыма в умелом лавировании между ловушками украинского проекта, которые создают риски его обустройству в российских реалиях.

Крымский регион в разные исторические этапы своего развития доказывал свою политико-географическую субъектность, понимаемую как осознанную элитой необходимость создания такой стратегии развития региона, которая может существенно изменить его административно-территориальный статус.

В 2014 году Крым доказал миру, что у него есть политические и социокультурные интересы, отличные от тех, что господствовали на Украине. Волеизъявление народа Крыма на референдуме стало тем инструментом, который позволил эти интересы реализовать. Было ли это спонтанным решением? Нет, в пространстве автономной субъектности украинского Крыма накопилось слишком много противоречий, которые украинская власть не рассматривала как угрозу государственности. Нежелание присмотреться к тому, что происходит в этнической и конфессиональной сферах Крыма, напрямую связанных с формированием региональной идентичности его жителей, стало одним из каналов изменения тренда автономной политико-географической субъектности региона.

Географическими маркерами нарастающего социокультурного дискомфорта в Крыму стала сфера лингвистических, религиозных и этнических противоречий. В Украине русский язык постепенно вытеснялся из сферы межрегионального и общегосударственного общения, а религиозная конфликтность не принималась экспертным сообществом в качестве катализатора смены политико-географической субъектности. Вместе с тем, пространство этой конфликтности имело свои полюсы, одним из которых был Крым. Пространственная полярность противоречий в Крыму

отличалась от остальных территорий Украины наличием многослойного — политического, этнического и религиозного — конфликта. Конфессиональный срез этого конфликта отобразил несовпадение официальной идеологии украинской власти, нацеленной на построение русофобского государства и реальным устремлением регионов юга и востока Украины. Проект построения «Нового Крыма» в пространстве российского федерализма должен быть нацелен на сохранение регионального своеобразия полуострова.

1.4. Имиджевые характеристики Крыма

В современном информационном обществе в процессе социокультурного развития регионов важное значение имеют их имиджевые характеристики в информационном пространстве страны и за её пределами. Это положение объясняется тем, что в «век бурного развития средств массовой коммуникации представления о мире заменяют сам мир» [40, с. 72], «то, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [81].

Средства массовой информации (СМИ), как главные генераторы и трансляторы различных ёмких характеристик территорий, создают особые формы пространственной информации — географические образы, имиджи, бренды и т.п. СМИ-информационные потоки выступают в качестве фактора и ресурса социально-экономического развития территорий и влияют на их общественные процессы как позитивно, так и деструктивно. Важность изучения имиджевых характеристик Крыма связана ещё и с тем, что именно информационное воздействие способно погасить возникающие в регионе социокультурные конфликты или противоречия, а также выступить резонатором конфликтных проявлений, влияя на систему ценностей людей и оценку их социального самочувствия [74].

Среди отечественных и зарубежных исследователей нет единого понимания содержания понятия «имидж региона» [21]. Распространённым подходом к определению этого термина является его сопоставление с «образом территории». Образ территории — это совокупность наиболее устойчивых (ярких, значимых, запоминающихся) представлений о конкретном месте географического пространства [31]. В нашей работе под имиджем региона понимается *целенаправленно конструируемый образ, используемый для формирования и корректировки у различных социальных групп представлений о совокупности объектов, их свойствах, а также о явлениях и процессах, протекающих в пределах данного региона, для решения определенных политических и социально-экономических задач.*

Понятие «имидж региона» имеет междисциплинарную сущность. Географический смысл имиджевой деятельности СМИ заключается в избирательности их информационного внимания и влияния в отношении различных территорий. В результате возникает территориальная дифференциация информационных потоков. Главными задачами географов

при изучении имиджа территории являются уточнение географии главных генераторов её имиджевых характеристик, обнаружение особенностей локализации информационных потоков о территории различного смыслового содержания, выявление территориальной структуры имиджа государств и их регионов (например, выделение центров и фокусов информационного внимания и территорий информационной периферии) и ряд других задач [15]. Именно по такому алгоритму выстроена методика исследования имиджевых характеристик Крыма.

Ведущими и постоянными генераторами и трансляторами информации о событиях в Крыму во внутреннее и международное информационное пространство являются СМИ России и Украины [16], результаты социологических опросов ведущих российских, к примеру, Левада-Центр¹ [43] и зарубежных центров изучения общественного мнения (Esipova) [80].

Учитывая высокий рейтинг источников массовой информации, их максимальный территориальный охват российской и украинской аудитории и трансграничности вещания, нами были выбраны для анализа информационного потока о Крыме следующие телеканалы и программы: «Россия 1», программа «Вести» и НТВ, программа «Сегодня» в России, «Интер», программа «Подробности» и «1+1», программа «ТСН» на Украине.

Поскольку информационному пространству свойственны изменчивость во времени и высокий динамизм в условиях информационных войн, имиджевые характеристики Крыма в медийном пространстве России и Украины изучались за длительный период, начиная с 2009 года. Хронологическим рубежом кардинальных изменений в имиджевой политике СМИ России и Украины в отношении Крыма был выбран 2014 год — время воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией. Новостные сюжеты перечисленных выше телеканалов о Крыме были подвергнуты контент-анализу, в ходе которого осуществлялись территориальная, временная и смысловая (определение контекста и тематики сообщения) привязка информации.

Для выявления проявленности современного географического образа и имиджевых характеристик Крыма в массовом сознании были проведены онлайн-опросы общественного мнения среди жителей каждого муниципального образования Крыма. Выборка опроса составила — 568 респондентов из федеральных округов России. В опросе приняли участие жители 33 субъектов Российской Федерации с выборкой 114 респондентов по каждому округу. Среди всех возрастных когорт наиболее изменчивыми пространственными представлениями отличается молодежь. В нашем исследовании она составила основной массив носителей новой культуры потребления информации с доминированием Интернет-источников. Сопоставление представлений крымчан и жителей других регионов России

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

осуществлялось в разрезе возрастной категории 18–30 лет. Опрос проводился в летние месяцы 2020–2021 гг.

Одна из главных имиджевых особенностей современного Крыма, отразившая трансформацию представлений о регионе, состоит в смене доминирования информационных поводов. Этих поводов, как правило, бывает два — геополитический и туристско-рекреационный. Они ярче всего отражают роль Крымского полуострова в зависимости от ситуации в стране или мире.

Начиная с середины XIX в. в информационном пространстве можно обнаружить некоторую ритмичную смену главенства геополитического и курортного образов Крыма, которые служили основой его имиджа в отечественных и зарубежных СМИ. Названный период — середина XIX в. — указан не случайно, именно тогда Крым становится главной ареной Восточной (Крымской) войны, которая, по мнению крымских исследователей [32], была начата по геополитическим причинам. Во всех ведущих западных СМИ того времени события Крымской войны стали географической основой формирования негативного образа России. Например, трагическое для британцев Балаклавское сражение, в котором погибла большая часть элитной легкой кавалерийской бригады страны, получило большой резонанс в прессе Великобритании (прежде всего, в газете «The Times») и стало источником формирования одного из вариантов негативного геополитического образа Крыма. Этот образ в британском массовом сознании сохраняется до настоящего времени. Косвенным подтверждением такой мысли можно считать включение стихотворного текста Альфреда Теннисона «Атака лёгкой бригады», в котором описывается Балаклавское сражение, в школьную программу Великобритании:

Долина в две мили — редут недалече...
Услышав: «По коням, вперед!»,
Долиною смерти, под шквалом картечи,
Отважные скачут шестьсот.

Метёт от редута свинцовой метелью,
Редует бригада под русской шрапнелью,
Но первый рассеян оплот:
Казаки, солдаты, покинув куртины,
Бегут, обратив к неприятелю спины, —
Они, а не эти шестьсот!

(Перевод Ю. Колкер)

В отечественной культуре события героической обороны Севастополя 1854–1855 гг. стали основой для формирования образа Крыма как «земли русской воинской славы», который был дополнен и усилен образами событий Великой Отечественной войны.

Геополитические образы Крыма, которые сменяли друг друга в разные периоды, разнообразны и противоречивы: «ахиллесова пята России»

(по Н. Я. Данилевскому), «русский остров», «владение Крымом — символ государственной полноценности России», «якорь, который удерживает Украину у берегов России», «мятежная республика», «военный форпост России», «крымский узел» (по А. В. Мальгину) и некоторые другие [33; 35]. Геополитический образ полуострова часто дополняется его социокультурной ролью для России: «колыбель русского Православия», «охранитель традиций Русского мира» [73].

Курортная доминанта географического образа Крыма также прошла свою эволюцию. В начале XX в. возникает образ Крыма как «Русской Ривьеры», когда на полуостров с целью путешествия и оздоровления устремились императорская семья и русская интеллигенция [47]. Образ «Русской Ривьеры» в советское время был замещен образом «всесоюзной здравницы» со слоганом «Здоровье каждого — богатство всех», встречавшего приезжавших в Крым жителей Советского Союза на Симферопольском железнодорожном вокзале. После распада СССР формировался имидж Крыма как «всеукраинской здравницы». После воссоединения Крыма с Россией его туристско-рекреационный имидж начал интегрироваться в конструкт «всероссийская здравница», основу которого в постсоветское время составляли курорты Краснодарского края и Северного Кавказа.

В приведенных выше исторических примерах прослеживается географическая особенность Крыма: его геополитический имидж чаще всего территориально привязывался к Севастополю, а курортный — к Южному берегу Крыма. На протяжении многих лет геополитический образ/имидж Крыма строился и продолжает строиться сквозь призму геополитической борьбы в Причерноморье, а его курортный образ/имидж конструируется в контексте туристско-рекреационных процессов на постсоветском пространстве.

Другие, не менее позитивные и важные стороны крымской реальности, например, его природное и культурно-историческое наследие, редко используются иностранными и отечественными СМИ в качестве ведущих информационных поводов. Таким образом, информационная востребованность Крыма во внешних СМИ и смысловое наполнение его имиджа зависят не столько от реальных характеристик его физико-географического, политического, экономического, социального и культурного пространств, сколько от степени его вовлечённости в политико-географические, геополитические и туристско-рекреационные процессы в Причерноморье, России и Украине.

Формирование имиджа Крыма в современных условиях (после 2014 г.) связано с существованием противопоставленных друг другу российского и украинского (активно поддерживаемого западными СМИ) вариантов нового имиджа региона, которые можно представить в виде дихотомии (табл. 1.1). Главная особенность российского и украинского вариантов имиджа Крыма — «Крым – Россия» и «Крым – Украина» —

основывается на позиции ведущих СМИ двух стран в отношении его государственной принадлежности. Данная дихотомия стала основой для формирования целого ряда других противопоставленных друг другу имиджевых конструктов: о легитимности воссоединения Крыма с Россией, о настроениях крымчан до и после референдума, о внешней легитимации российского Крыма, о социально-экономическом развитии нового Крыма, о «крымскотатарском вопросе» и т. д.

Т а б л и ц а 1.1. Смысловые характеристики политического имиджа Крыма в информационном противостоянии России и Украины в новостном контенте ведущих телеканалов стран (после 2014 г.)

В российском информационном пространстве	В украинском информационном пространстве
Противостояние I. О государственной принадлежности Крыма	
«Крым – Россия» (Республика Крым и город федерального значения Севастополь — новые субъекты Российской Федерации)	«Крым – Украина» (Автономная Республика Крым и г. Севастополь — временно оккупированные Россией территории Украины)
Противостояние II. О легитимности воссоединения Крыма с Россией	
«Крым благодаря волеизъявлению крымчан на референдуме вернулся на Родину, что стало восстановлением исторической справедливости»	«Крым аннексирован Россией»
Противостояние III. О настроениях крымчан до и после референдума	
«На референдуме и спустя годы крымчане демонстрируют абсолютную поддержку России»	«Крымчане разочарованы присоединением к России»
Противостояние IV. О внешней легитимации российского Крыма	
«В мире нет единого мнения в отношении законности референдума в Крыму»	«Референдум в Крыму не признан международным сообществом»
Противостояние V. О социально-экономическом развитии нового Крыма	
«Крым — перспективный и приоритетный регион социально-экономического развития»	«Крым — «экономическое бремя» России»
«Крым преодолевает ограничения своего социально-экономического развития»	«Крым — экономически изолированный регион»

Составлено по: контент-анализ новостей телеканалов России («Россия 1» и НТВ) и Украины («Интер» и «1+1»).

События «Крымской весны» оказали эффект «информационного взрыва» — многократного увеличения количества информационных сообщений о Крыме в мировом медийном пространстве. После воссоединения Крыма с Российской Федерацией в 2014 г. произошла резкая

смена знаков контекста новостей о регионе. Украинский вариант нового имиджа Крыма имеет исключительно негативные характеристики, в то время как центральные телеканалы России, напротив, каждый информационный повод о Крыме отбирают по принципу его максимальной эффективности для формирования благоприятного имиджа новых субъектов федерации. В информационном пространстве обоих государств после 2014 г. усилилась политизация крымской реальности.

В новостном контенте изучаемых телеканалов в 2014–2016 гг. доминировали сообщения о Крыме на тему «политика» (28–33% на российских телеканалах, 50–59% — на украинских), хотя в период 2009–2013 гг. для имиджа Крыма было характерно доминированием сообщений на тему «туризм и рекреация» (21–28%), а также «происшествия» (17–25%) и «политика» 9–18%). Излишняя политизация крымской реальности на ведущих российских телеканалах в последние годы снижается за счёт более разнообразного контента о других сферах жизни региона, чего нельзя сказать об украинских СМИ.

Главная территориальная особенность имиджа Крыма — неравномерность и пространственная асимметрия информационного внимания СМИ к различным территориям региона (рис. 1.3). В новостных выпусках анализируемых телепрограмм лидерами по числу упоминаний в 2009–2016 гг. стали города Симферополь, Севастополь и Ялта, а после 2014 года к ним был добавлен г. Керчь. На эти три-четыре центра приходилось более 50% всех упоминаний о Крыме. В то время, как на всю центральную и северную часть полуострова, которая на карте-анаморфозе выглядит в виде тонкой полоски, приходилось около 10% всех новостей о Крыме.

Пространственная асимметрия имиджа Крыма обнаруживается в направлении юг–север. Южнее линии «Евпатория–Феодосия» находится ядро имиджа Крыма, имиджевые характеристики которого формируют смысловое наполнение имиджа всего региона. Севернее указанной линии располагается обширная информационная периферия Крыма, которая практически не участвует в создании регионального имиджа.

Под влиянием информационной политики ведущих СМИ России и Украины большая часть Крыма превращена в «информационную тень». О жизни в центральных, северных и удалённых от городов других сельских территориях полуострова в медийном пространстве обоих государств упоминается крайне редко, а о некоторых территориях — никогда.

Смысловая и географическая составляющие имиджа Крыма развиваются под влиянием «зонтичного имиджа» наиболее востребованных в информационном пространстве территорий региона: столичного города Симферополя, геостратегически важного города Севастополя, курортного Южного берега Крыма и города Керчи, как символа сближения Крыма с остальной территорией России. Поэтому с имиджево-географической точки зрения жителям, гостям и исследователям Крыма стоит различать два разных Крыма, образно их можно обозначить следующей парой конструктов: «Крым с обложки журнала» VS «Иной Крым» (термин А. Б. Швеца) — информационная «terra incognita».

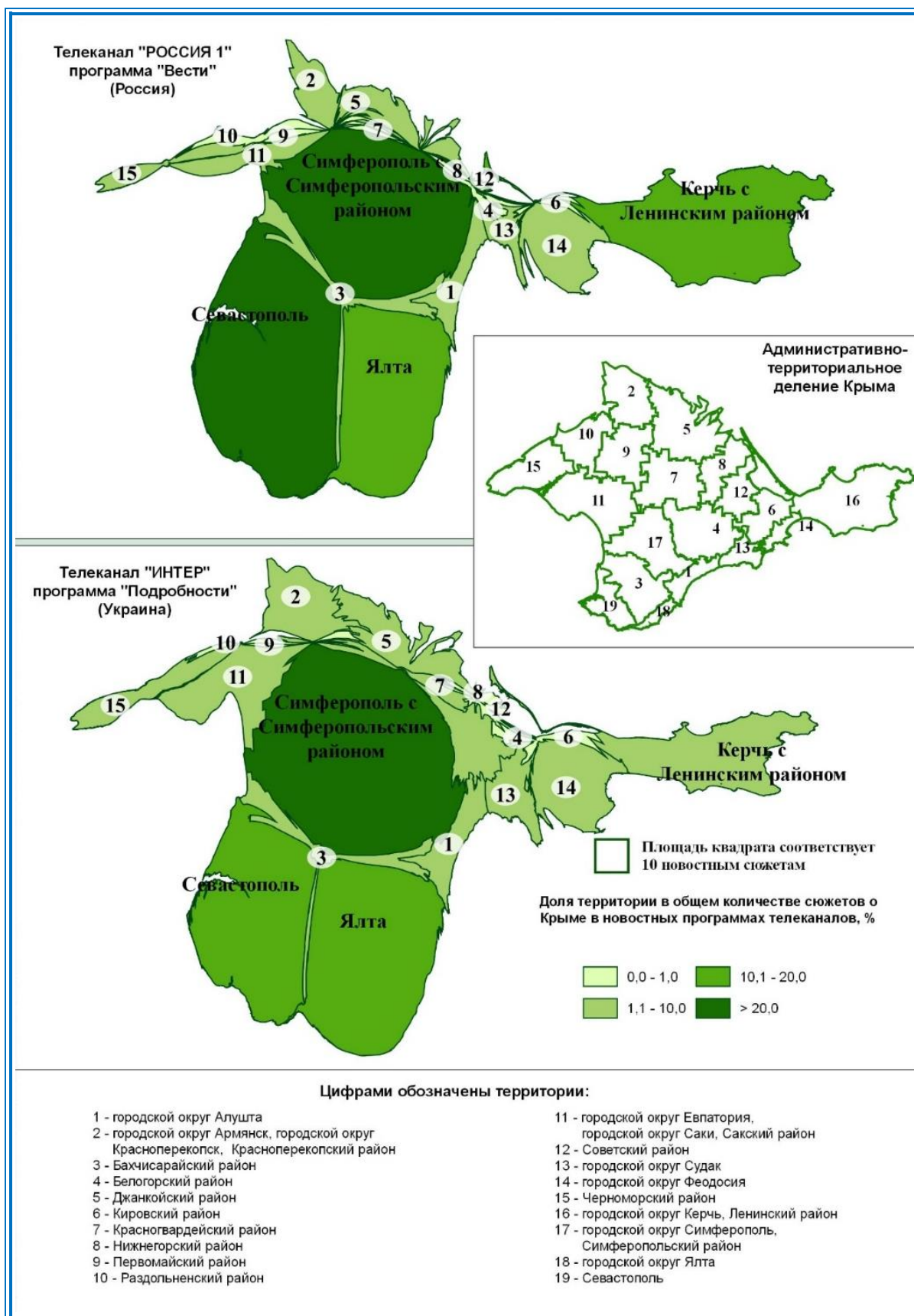

Рис. 1.3. Информационное внимание ведущих телеканалов России и Украины к событиям в различных административных территориях Крыма, 2009–2016 гг.

Для комплексной оценки имиджа Крыма важно выяснить представления о Крыме в среде крымчан и жителей других регионов России. Опрос общественного мнения, описанный выше, был сфокусирован на выявлении следующих характеристик: степень проявленности существующих образов/имиджей Крыма, представления о факторах туристкой привлекательности полуострова, географической основе и территориальной структуре образа региона.

Экспертным путём были сформулированы десять образных характеристик Крыма, которые наиболее часто используются в различных источниках информации для создания имиджа региона (табл. 1.2). В целом большинство респондентов-крымчан (68%) и молодых респондентов из других регионов России (52%) отметили, что в их представлениях «Крым — музей природы под открытым небом».

Несмотря на то, что описания природы Крыма — редкость в новостном контенте ведущих СМИ России, в массовом сознании жителей страны прочно закреплены представления о богатом природном наследии полуострова. Выявленная особенность была подтверждена в ответах респондентов на вопрос о том, что в Крыму туристов привлекает более всего. Свыше 75% респондентов из Крыма и других регионов страны в качестве главных аттракторов для крымских туристов предсказуемо выбрали море, пляжи, живописную природу и целебный климат, этот показатель существенно превышает частоты таких вариантов, как культурно-историческое наследие, отсутствие языковых барьеров, наличие родственных связей, транспортная доступность и др.

Возвращаясь к образным характеристикам Крыма, отметим существенные отличия в разрезе сопоставляемых групп респондентов по остальным позициям, указанным в таблице 1.2.

Для опрошенных крымчан всех возрастных категорий второй по популярности образ Крыма связан с его курортной функцией (его выбрали 38% респондентов), тогда как 51% респондентов из числа крымской молодёжи на второе место в иерархии образов региона поставили его санкционное положение. На наш взгляд, так молодое поколение региона, являясь более мобильной и открытой к различного рода зарубежным инновациям когортой населения, подчёркивает высокую значимость для их благополучного развития наличие внешних связей Крыма с зарубежными странами, которых регион лишился после введённых санкций и блокад.

Молодёжь других регионов страны отметила высокую значимость геополитической роли Крыма: 35% опрошенных этой категории населения представляют Крым как регион столкновения интересов России и других государств. Этот же образ крымская молодёжь поддержала в каждом четвёртом ответе, поместив его на третье место по полярности. Примечательно, что только каждый четвёртый респондент среди крымской и «не крымской» молодёжи России видит Крым в образе «всероссийской здравницы» и это на фоне пандемии Covid-2019, когда роль отечественных курортов существенно возросла в рейтинге туристских предпочтений

россиян. Возможно, для этой категории жителей страны важны факторы отдыха, которые имеют ограниченное распространение в Крыму, поэтому для них привлекательны иные туристские регионы. Другие образные характеристики Крыма отличаются слабой степенью проявленности в представлениях опрошенных жителей страны.

Т а б л и ц а 1.2. Ответы респондентов на вопрос: «Какой из предложенных вариантов в наибольшей степени характеризует современный образ Крыма?»

Образные характеристики Крыма	Частота ответов (ранг), %		
	Крымчане всех возрастных когорт	Крымчане в возрасте 18–30 лет	Жители др. регионов РФ в возрасте 18–30 лет
«Крым — музей природы под открытым небом»	68 (1)	68 (1)	52 (1)
«Крым — всероссийская здравница»	38 (2)	26 (4)	27 (3)
«Крым — регион под санкциями»	37 (3)	51 (2)	22 (4)
«Крым — регион столкновения интересов России и др. государств»	20 (4)	28 (3)	35 (2)
«Крым — динамично развивающийся регион России»	19 (5)	14 (5)	18 (5)
«Крым — неприступная военная крепость»	17 (6)	12 (8)	17 (6)
«Крым — проблемный регион»	11 (7)	13 (6/7)	7 (10)
«Крым — финансовое бремя России»	10 (8)	13 (6/7)	11 (8/9)
«Крым — регион позитивных межэтнических взаимодействий»	9 (9)	7 (9)	12 (7)
«Крым — регион межэтнических напряжений»	4 (10)	6 (10)	11 (8/9)
Другое	2 (11)	3 (11)	4 (11)

Интересно отметить, что широко распространённый в информационном поле оппозиционных и либеральных СМИ России образ Крыма, как проблемного региона и финансового бремени России, отметили не более 13% опрошенных. С другой стороны, менее 20% респондентов представляют Крым в образе динамично развивающегося региона России.

Для выявления географической основы и территориальной структуры образа крымского региона респондентам было предложено назвать природные и культурно-исторические объекты, с которыми у них ассоциируется Крым. Картографическая интерпретация ответов крымских респондентов показана на рисунке 1.4, который создавался совместными усилиями И. М. Яковенко и автора.

Крым в причерноморском секторе Евразии

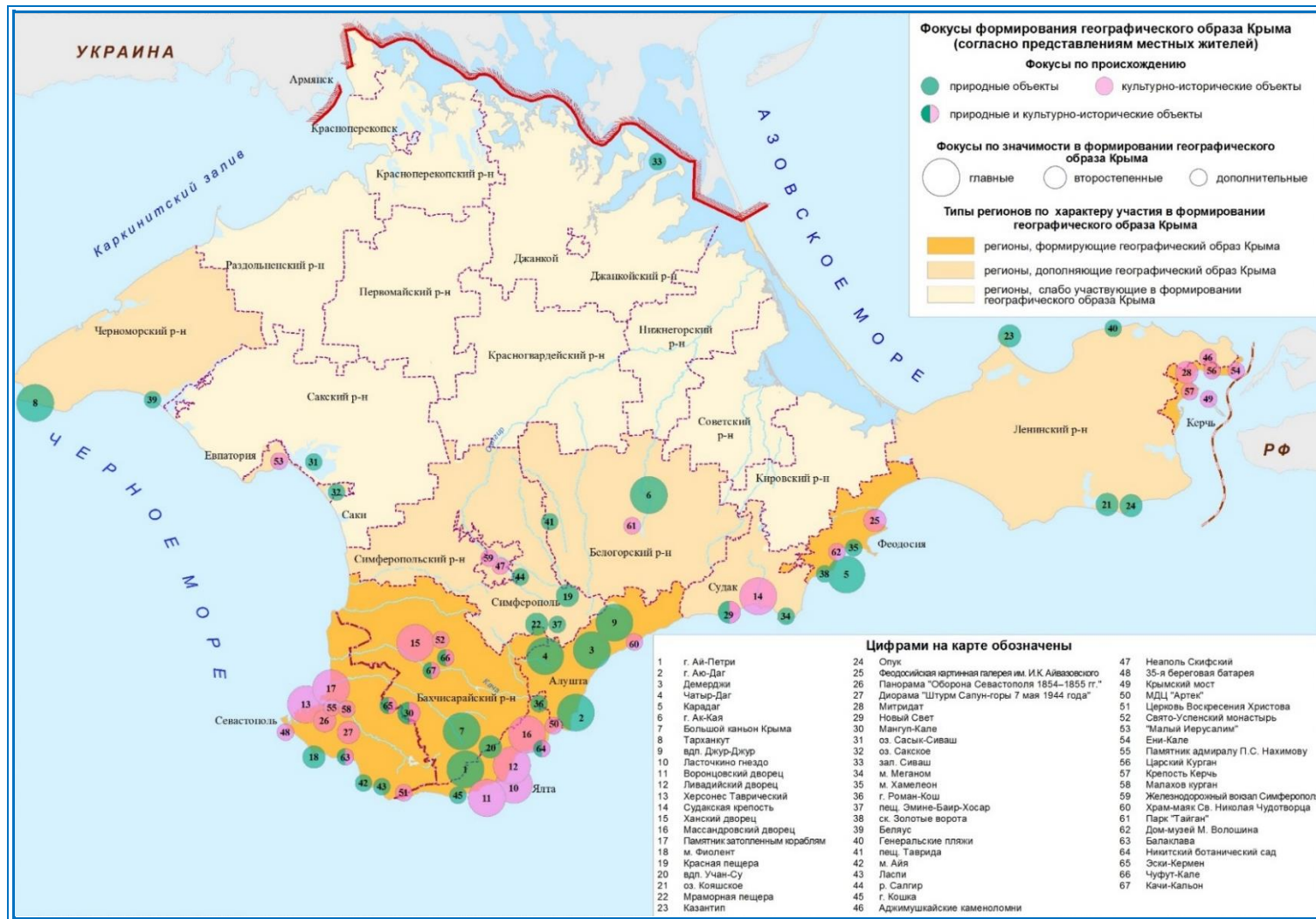

Рис. 1.4. Территориальная структура географического образа Крыма согласно представлениям местных жителей

Вполне ожидаемо, главными фокусами географического образа Крыма по частоте ответов респондентов стали наиболее известные объекты в регионе: среди природных объектов — горные вершины и массивы Ай-Петри (лидер с частотой, более 32%), Аю-Даг, Демерджи, Чатыр-Даг и Кара-Даг, Большой каньон Крыма, Тарханкут и водопад Джур-Джур; среди культурно-исторических объектов — дворцы Ласточкино Гнездо (абсолютный лидер с частотой ответов более 40%), Ливадийский, Воронцовский и Массандровский, а также Херсонес Таврический, Судакская генуэзская крепость, Ханский дворец в Бахчисарае, Памятник затопленным кораблям в Севастополе. Часто респонденты ассоциировали Крым с общегеографическими понятиями «море» и «горы». Прочие, менее значимые, фокусы формирования географического образа Крыма размещены в горно-предгорной и приморской полосе полуострова.

Таким образом, все территории Крыма по характеру их участия в формировании географического образа региона можно дифференцировать следующим образом. Регионами, формирующими географический образ Крыма, согласно представлениям местных жителей, являются: город федерального значения Севастополь, городские округа Ялта, Алушта, Феодосия и Керчь, а также Белогорский район. Степень вовлечённости территорий Крыма в формирование его образных характеристик в целом убывает в северном направлении от выше названных административных единиц. Аналогичная образно-географическая картина Крыма была выявлена при изучении представлений молодёжной аудитории других регионов России. Сравнивая и обобщая результаты исследования имиджевых и образных характеристик Крыма в СМИ-информационном пространстве и представлениях жителей России, можно сделать ряд выводов. Для Крыма характерно практически полное совпадение территориальных особенностей формирования его образа/имиджа в СМИ и в массовом сознании, а для их смыслового наполнения, напротив, свойственна высокая вариативность.

Поэтому выделенная территориальная структура имиджа Крыма, формирующаяся по модели «центр-периферия», является более устойчивой конструкцией, в отличие от смысловой составляющей имиджа региона.

Негативные свойства имиджа Крыма, особенно во внешнем информационном пространстве, являются рисками социокультурного развития региона, компонентами его внешнеполитической неопределённости и маркером проблем регионального развития. В результате повышенного внимания к крымским событиям со стороны иностранных СМИ имиджевые проблемы Крыма распространяются на имидж всей России.

Поскольку крымский регион находится в фокусе информационного противостояния России и других стран, для него целесообразно разработать и реализовать разновекторную во внутреннем и внешнем информационных пространствах имиджевую политику.

Главными направлениями имиджевой политики Крыма в России должны стать интеграция периферийных территорий полуострова в медиапространство страны и гармонизация имиджевых характеристик

региона с его географическим и социокультурным пространствами. Создание региональных центров информационного влияния во внутрисоссийском и внешнем медийных пространствах ближнего и дальнего зарубежья. В международной имиджевой политике необходимо усилить информационную поддержку внешней легитимации российского Крыма.

Литература

1. *Арешев А. Г.* Конфликт на Ближнем Востоке: вызовы для ситуации в Причерноморье. — Выступления участников круглого стола «Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика» (8 июня 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/review/Sbornik-08062016.pdf> — (дата обращения: 3.03.2017).
2. *Багров Н. В.* Региональная геополитика устойчивого развития. — Киев: «Либідь». 2002. 253 с.
3. *Багров Н. В.* Крым: время осмысления пройденного. — Симферополь: СОНАТ, 2003. 286 с.
4. *Багров Н. В., Горленко И. А., Палиенко В. П., Руденко Л. Г.* Основные положения концепции государственной региональной политики Украины и участие географов в её реализации // Известия РАН, серия географическая. 2009. № 3. С. 18–23.
5. *Багров Н. В.* Устойчиво-ноосферное развитие региона. Проблемы. Решения. — Симферополь: Издательство ДОЛЯ, 2010. 207 с.
6. *Баранов А. В.* Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть, 2015. Т. 0, № 1. С. 209–212.
7. *Баранов А. В.* Современный конфликт идентичностей на Украине: влияние на дезинтеграцию общества // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4 (12). С. 18–24.
8. *Большая Игра* [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> — (дата обращения: 23.06.2021)
9. *Бортник С., Олещенко В.* X съезд Украинского географического общества // Известия РАН, серия географическая, 2008. № 6. С. 103–104.
10. *Босфор наши?* [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://politota.dirty.ru/bosfor-nash-902706> — (дата обращения: 1.02.2017).
11. *Бунге В.* Теоретическая география. — М.: Прогресс, 1967. 279 с.
12. *Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. 2014. № 5. С. 50–67.
13. *Верховна Рада України* ухвалила Закон «Про визнання таким, що втратив чинність, Закону України «Про засади державної мовної політики», 23 лютого 2014. URL: <http://rada.gov.ua/print/88068.html> - (дата обращения: 13.09.2017).
14. *Волович А.* Военно-политическая активность США и НАТО в Черноморском регионе после августа 2008 года. [Электронный ресурс]. — 2009. URL: http://flot.com/nowadays/concept/opposite/caspian_activities.htm (дата обращения: 25.02.2017).

15. *Вольхин Д. А., Шарко Е. Ю.* Пространственно-временная асимметрия современного имиджа Крыма // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 23–37.
16. *Вольхин Д. А.* Крым в фокусе информационного взаимодействия государств Причерноморского региона // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 2. С. 40–46.
17. *Вольхин Д. А.* Морское хозяйство Крыма в интеграционно-дезинтеграционных процессах в Причерноморье // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 5–21.
18. *Вольхин Д. А.* Крым в информационном пространстве России и Украины. Распределение сюжетов о Крыме в новостях телеканалов России и Украины (2009–2016 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas-crimea.ru/all/razdel-2/2-5-krym-v-informacionnom-prostranstve-rossii-i-ukrainy-raspredelenie-sjuzhetov-o-kryme-v-novostyah-telekanalov-rossii-i-ukrainy-2009-2016-gg/> — (дата обращения: 29.06.2021).
19. *Вольхин Д. А., Яковенко И. М.* Географический образ Крыма: местные жители. [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas-crimea.ru/all/razdel-6/6-1-geograficheskij-obraz-kryma-mestnye-zhiteli/> — (дата обращения: 29.06.2021).
20. *Габриелян О.А.* Политические процессы в Крыму. Последнее десятилетие XX века. — Симферополь: Таврия, 2000. 160 с.
21. *Гравер А. А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 29–45.
22. *Григорьянц В. Э.* К вопросу о государственно-церковных отношениях в Украине и АР Крым // Пилигримы Крыма. Крымский Архив, 2003. 2 (7). С. 244–269.
23. *Гудев П.* Азово-Черноморский регион: новые политико-правовые реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 10. С. 91–102.
24. *Данилевский Н. Я.* Война за Болгарию // Сборник политических и экономических статей. — Санкт-Петербург: Типография братьев Пантелеевых, 1890. С. 31–138.
25. *Дергачёв В. А.* Создание зон комплиментарного развития на социокультурных рубежах // Вестник Московского университета. Сер. 5, геогр. 1996. № 4. С. 11–14.
26. *Дергачев В. А.* Раскалённые рубежи. — Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
27. *Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б.* Регионоведение. — 2014. 2-е изд. — М.: ЮНИТИ-ДАНА. 519 с.
28. *Договор* между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24.12.2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901888664> — (дата обращения: 17.05.2021).
29. *Жильцов С. С., Ишин А. В., Мальгин А. В.* Федерализация Украины: к единству через многообразие. — М.: Восток — Запад, 2011. 227 с.
30. *Закон* України від 3 липня 2012 р., № 5029-VI «Про засади державної мовної політики», 2012, Відомості Верховної Ради України, 2013. № 23. С. 218.
31. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. 448 с.
32. *Киселев С. Н., Киселева Н. В.* Геополитические аспекты истории Крыма // Ученые записки ТНУ, серия «География». 2004. Т. 17 (56). № 3. С. 74–81.
33. *Киселёв С. Н.* Политико-географические и геополитические образы Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Вып. 2. С. 153–155.

34. *Киселев С. Н.* «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: сборник материалов. — Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 68–78.
35. *Киселёв С. Н.* Крымская идея: сб. ст. / авт.-сост. С. Н. Киселёв. Симферополь: ООО «Антиква», 2019. 208 с.
36. *Киселёв С. Н.* Пять постулатов крымского регионализма // Крымская идея: сб. ст. / авт.-сост. С. Н. Киселёв. — Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. С.118–123.
37. *Киселёва Н. В.* Язык до выборов доведёт, или Обещать — не значит выполнить // Крымское время, 03.09.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://time4news.org/content/yazyk-do-vyborov-dovedet-ili-obeshchat-ne-znachit-vypolnit> — (дата обращения: 15.09.2017).
38. *Колосов В. А., Туровский Р. Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 106–113.
39. *Колосов В. А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: учебник для вузов. — М.: Аспект-Пресс, 2002. — 479 с.
40. *Колосов В. А.* Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСГА. Серия 1. Гуманитарные науки. 2008. № 1 (1). С. 72–91.
41. *Кондаков Н. И.* Введение в логику. — М.: Наука, 1967. 466 с.
42. *Кучма Л. Д.* Украина — не Россия. — М.: Время, 2003. 560 с.
43. *Левада-Центр²* Украинский кризис: внимание, участие России, будущее. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2014/08/29/ukrainskij-krizis-vnimanie-uchastie-rossii-budushhee> — (дата обращения: 29.06.2021).
44. *Леонтьев М.* Большая Игра. — М.: АСТ; Санкт-Петербург: Апрель-Спб, 2008. 319 с.
45. *Мальгин А. В.* Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова 1989-1999. — Симферополь: «Новый Крым», 2000. 160 с.
46. *Мальгин А. В.* Украина: соборность и регионализм. — Симферополь: СОНАТ, 2005. 280 с.
47. *Мальгин А. В.* Русская Ривьера. — Симферополь: СОНАТ, 2006. 352 с.
48. *Мальшев Д. В.* Керченский кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 982–989.
49. *Мироненко В. И.* Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. — М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С.19–26.
50. *Нарочницкая Н. А.* Ключ к Евразии на дне Чёрного моря. — 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm> — (дата обращения: 28.02.2017 г.).
51. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. — М.: Международные отношения, 2005. 536 с.

² АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

52. *Никифоров А. Р.* Специфика Крымского региона в политическом пространстве Украины // *Регіональні проєкції державної політики*. — Симферополь: Таврія, 2003. Т. I. С. 28–41.
53. *Никифоров А. Р.* Культурно-исторический анализ украинского политического пространства // *Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*, 2012. т.24 (65), 4. С. 244–253.
54. *Новая Большая игра* [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org> — (дата обращения: 28.04.2020).
55. *Новая Большая игра: международная борьба за влияние в Центральной Азии* [Электронный ресурс]. URL: http://iimp.kz/default.aspx?article_id=781 — (дата обращения: 28.04.2020).
56. *Олифир Д. И.* Этнокультурный регионализм Украины: федерализация или раскол? // *Обозреватель*, 2014. 8 (295). С. 68–75.
57. *Олифир Д. И.* Эволюция современного регионализма Украины: экономический и этнокультурный контексты: автореф. ... дис. кан. геогр. наук: 25.00.24. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 2015. 24 с.
58. *Пхаладзе Т.* Черноморский регион — место столкновения европейского и неосоветского мировоззрений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/29987> — (дата обращения: 13.06.2021).
59. *Резолюция* Генеральной Ассамблеи ООН «О поддержке территориальной целостности Украины» от 27.03.2014 № 68/262, п. 5, п. 6.
60. *Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства* / отв. ред. В. А. Колосов и О. И. Вендина. — М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
61. *Ротов А. С.* Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Северо-Кавказской акад. гос. службы, Ростов-на-Дону, 2007. 138 с.
62. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Район и страна. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 312 с.
63. *Славина А.* Олигархи хотят пить: кто и зачем просит воду для Крыма [Электронный ресурс]. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20180727/242842217.html> — (дата обращения: 14.09.2018).
64. *Тисдолл С.* Столкновение интересов и устремлений в регионах «замороженных» конфликтов [Электронный ресурс] URL: <http://www.inosmi.ru/translation/217015.html> — (дата обращения: 13.06.2021).
65. *Указ* Президента України від 25 травня 2001 р. № 341-2001. «Концепція державної регіональної політики», 2001 // *Офіційний вісник України*, 2001. № 22 ст. 983.
66. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. — М.: Прогресс, 1979. 684 с.
67. *Хеденсхог Я.* Черноморский регион – форпост европейской и мировой борьбы против «новых» угроз [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/31384> — (дата обращения: 13.06.2021).
68. *Хопкирк П.* Большая Игра против России: Азиатский синдром. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 640 с.
69. *Швец А. Б.* География неустойчивого развития в Крыму // *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2007. № 3 (2). С. 123–130.

70. Швец А. Б. Паспортизация социокультурных противоречий в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2008. № 4 (1–2). С. 72–80.
71. Швець О. Б. Географічний зміст вивчення соціокультурних конфліктів // Український географічний журнал, 2011. 3. С. 52–56.
72. Швец А. Б., Воронин И. Н. Проблема трансформации социокультурных рубежей в Причерноморском секторе Евразии. «Геополитические процессы в современном Евразийском пространстве»: сборник работ международной научной конференции, Баня Лука, Республика Сербская, 31 мая – 3 июня 2017 г. Баня Лука, 2017. С. 317–331.
73. Швец А. Б., Яковлев А. Н. О новых трендах «Нового Крыма» // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований: Материалы международной конференции (Шестая Ежегодная научная ассамблея АРГО). — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 520–525.
74. Швец А. Б., Яковлев А. Н., Вольхин Д. А. Проблема пространственного анализа социокультурных противоречий в Крыму // Материалы к истории Причерноморья в Новое время: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2016. С. 100–109.
75. Шевчук А. Г. Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму, 3. — Симферополь: Антиква, 2013. С. 64–75.
76. Язькова А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. — М., Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–19.
77. Язькова А. Черноморский регион: эволюция геополитического измерения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/31481> — (дата обращения: 13.06.2021).
78. Якушенкова О. Женщина на американском фронтире. — Астрахань: АГУ, 2012. 215 с.
79. Яковлев А. Н. Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму — Симферополь: Антиква, 2013. С. 43–50.
80. Esipova N. Russian and Western Media: Battle for Influence. [Electronic resource]. URL: http://www.gallup.com/opinion/gallup/189164/russian-western-media-battle-influence.aspx?g_source=Crimea&g_medium=search&g_campaign=tiles — (дата обращения: 29.06.2021).
81. Moles Abraham A. Sociodynamique de la culture. Paris: Mouton & Cie, 1971. 342 p.

Глава 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В КРЫМУ

2.1. Особенности крымской геодемографической ситуации

Исследование демографических процессов — неотъемлемый элемент решения комплекса задач социально-экономического развития Республики Крым и города Севастополя. Поступательное социально-экономическое развитие Крыма невозможно без изучения демографических процессов, так как от их скорости, основных характеристик и особенностей регионального проявления во многом зависит степень решения задач, направленных, в том числе, и на устранение диспропорций в уровне социально-экономического развития регионов. Объективная оценка сложившейся демографической ситуации в регионе служит основой для принятия эффективных управленческих решений во всех сферах жизнедеятельности населения.

Под *геодемографической ситуацией* понимается состояние населения, сформировавшееся в результате воспроизводства территориальной общности людей под влиянием внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов и определяющее его структуру, качество, динамику и условия дальнейшего развития [69].

Количественные и качественные характеристики населения — это основа стратегического планирования и демографической политики в регионе. Успешность развития Крыма во многом зависит от численности и качественных характеристик его населения, проживающего в разных географических условиях Крымского полуострова. Специфика проживания населения в различных географических районах Крыма — приморских или глубинных (степных) — оказывает влияние на скорость и направление многих демографических процессов, преобразуя их тем самым в геодемографические.

В число главных факторов, влияющих на демографические процессы в Крыму, следует отнести: уровни экономического развития региона в целом и его социальной сферы и медицинского обслуживания в частности, размер доходов населения, особенности его этнической структуры населения и др.

В 1970–1980-е годы численность населения Крыма и, в первую очередь, городского, стабильно росла благодаря динамичному развитию санаторно-курортного комплекса, промышленного производства, требовавшего постоянного притока рабочей силы. В результате означенные выше годы характеризовались увеличением численности населения полуострова, более чем на 500 тыс. человек.

Определяющую роль в изменении показателей динамики численности населения Крыма играет его естественное и механическое воспроизводство. Уже с конца 1960-х годов наметилась тенденция сокращения естественного прироста населения Крыма при сохранении достаточно высоких показателей

рождаемости. Однако, с конца 1980-х годов демографическая ситуация осложняется, хотя темпы депопуляции или уменьшения общей численности населения в результате превышения смертности над рождаемостью сохраняли невысокие показатели. Это было связано с тем, что Крым сохранял миграционную привлекательность. Жить в Крыму было престижно, особенно для военных пенсионеров, что создавало региону не только привлекательный имидж, но и положительную разность между количеством въезжавших и выезжавших из него, именуемую *сальдо миграционного баланса*. В период административной принадлежности Крыма Украине сальдо его миграционного баланса по абсолютным значениям уступало только Киеву, и формировалось за счёт внутри украинских перемещений и репатриации крымскотатарского населения, расселяемого преимущественно в сельских территориях. Демографическая ситуация в крымских городах имела в этот период более острый характер.

В 1990-е годы в Крыму, как и в целом по Украине, начала складываться кризисная демографическая ситуация. Её основными характеристиками стали устойчивое сокращение рождаемости, средней продолжительности жизни и относительно высокие показатели смертности. Уже к середине 1990-х годов в Крыму сформировался отрицательный естественный прирост населения (рис. 2.5). Причем, в сельской местности убыль населения происходила в 2,5–3 раза медленнее, чем в городской, благодаря более высокому уровню рождаемости, который был в 1,5 раза выше уровня рождаемости среди городских жителей.

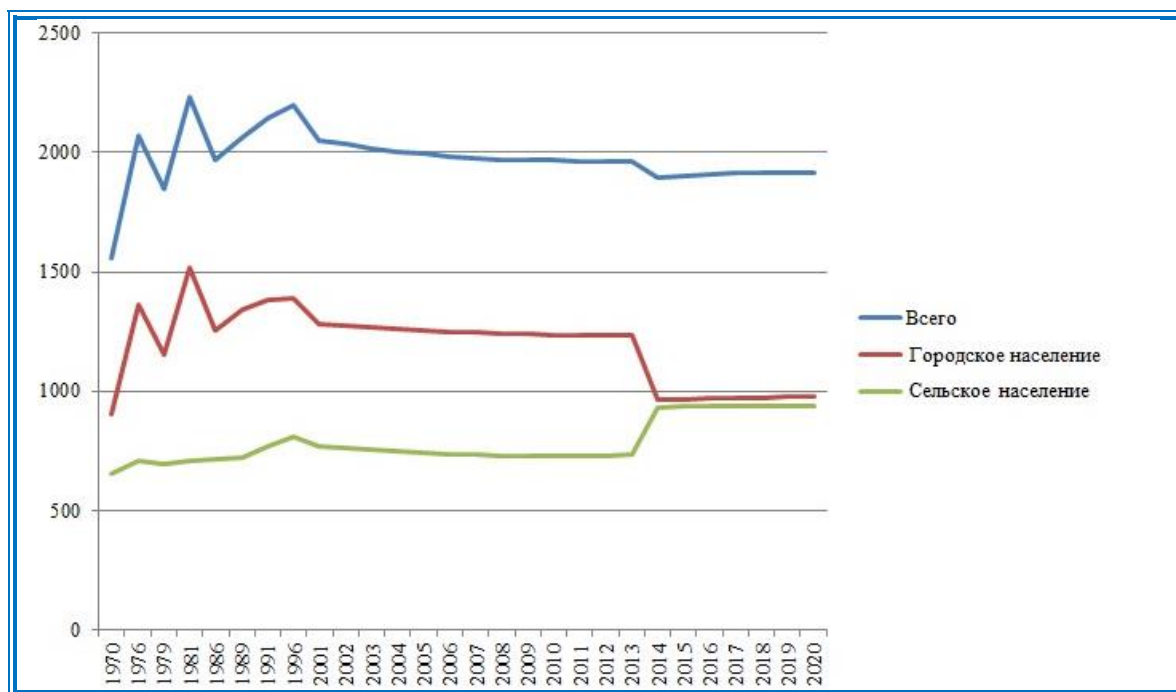

Рис. 2.5. Динамика численности населения Крыма, 1970–2020 гг. (тыс. чел.).
Источники: [33; 52; 55].

Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав России в 2014 г. позволило региону включиться в реализацию «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации 09.10.2007. Демографическая политика в нашей стране направлена на «...увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране» [41].

На изменение численности населения любой территории влияют естественное и механическое движение населения.

В 2014 г. в Крыму общее число родившихся составляло 29,2 тыс. чел., а к 2020 г. — сократилось до 18,8 тыс. чел. В Республике Крым пик рождаемости пришёлся на 2014 г. (24,3 тыс. чел.), а в г. Севастополе — 2015 г. (5,5 тыс. чел.). После этого, начался спад, в результате которого количество родившихся ежегодно снижалось на 5–9% в год (рис. 2.6).

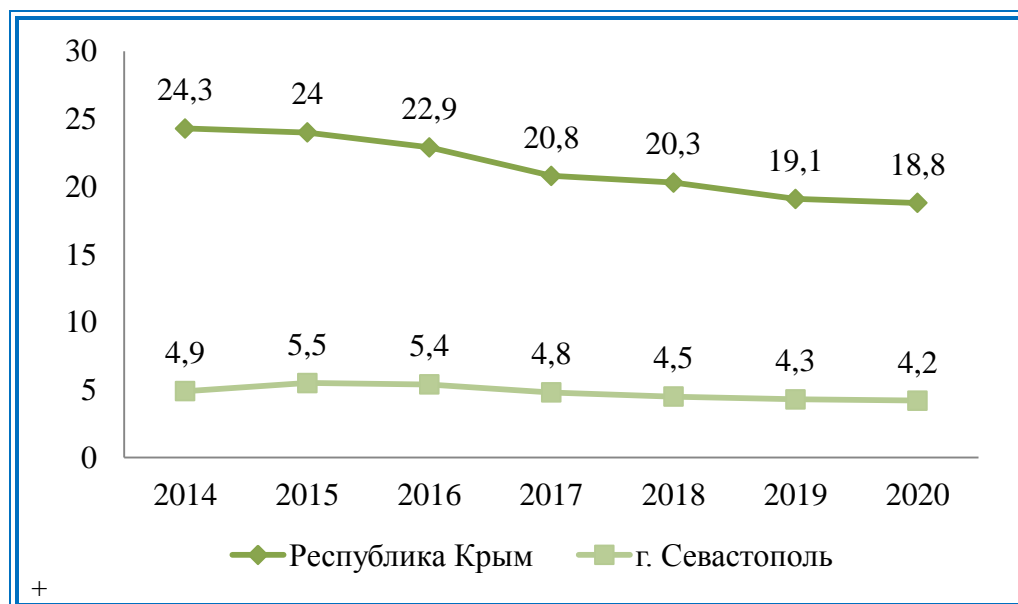

Рис.2.6. Динамика числа родившихся в Республике Крым и г. Севастополь, 2014–2020 гг. (тыс. чел.).

Источники: [32;51;54].

В 2020 г. численность родившихся в Крыму составила 92,9% к 2018 году. По количеству родившихся в 2020 г. безусловными лидерами в Крыму являлись Симферопольский городской округ (4 409 чел.) и город Севастополь (4 223 чел.), а также Ялтинский (1 110 чел.) городской округ, Симферопольский (1 560) и Бахчисарайский (1 114) районы. Наименьшие показатели числа родившихся были зарегистрированы в Армянском (204 чел.) городском округе, а также в Краснопереконском (236) Раздольненском (298) и Черноморском (296) муниципальных районах. Общее

количество родившихся в целом коррелирует с численностью населения данных регионов.

Динамика показателей рождаемости в Крыму меняется в соответствии с общероссийскими тенденциями, практически не отставая от них. Так, если в 2014 г. коэффициент рождаемости в Республике Крым составил 12,9‰, а в г. Севастополь — 12,6‰, что немного ниже среднего показателя рождаемости по России в целом (13,3‰), то в 2020 г. — 19,9 и 9,4‰ соответственно при общероссийском показателе в 9,8‰ (рис. 2.7)

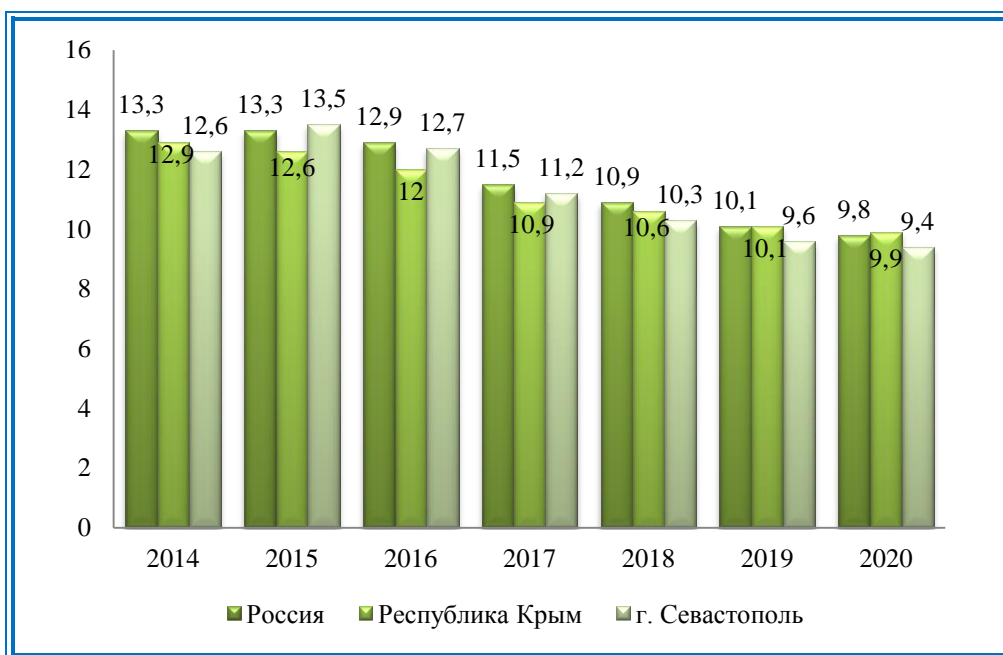

Рис. 2.7. Динамика коэффициентов рождаемости в России, Республике Крым и г. Севастополь, 2014–2020 гг., ‰.

Источники: [32; 51; 54].

Однако, в региональном разрезе выделяется ряд районов-лидеров, сохраняющих более высокие коэффициенты рождаемости. Так, в 2020 г. наиболее высокие показатели коэффициентов рождаемости были характерны для таких муниципальных районов, как Белогорский (13,2‰), Бахчисарайский (12,2‰), Советский (11,5‰), имеющих высокую долю сельского многонационального населения, сохранившего традиции многодетности, а также Симферопольского (11,8‰) и Джанкойского (11,6‰) городских округов. Минимальные показатели коэффициента рождаемости были зафиксированы в Сакском (8,9‰) и Ленинском (8,7‰) муниципальных районах, а также в городском округе Керчь (7,7‰).

В ближайшее время ожидать роста рождаемости в Крыму не приходится по многим причинам, основными из которых, являются:

- 1) демографический спад в 1990-х гг., повлекший за собой снижение числа женщин репродуктивного возраста;
- 2) увеличение числа бесплодных пар;

3) экономическая нестабильность, усугубившаяся общемировым спадом производства из-за эпидемии COVID-19 и др.

Демографическая ситуация в Крыму осложняется и тем, что показатель смертности, начиная ещё с середины 1990-х, превышает показатель рождаемости, что обусловило депопуляцию населения полуострова. В 2018 году наметилась положительная тенденция — незначительное снижение общего числа умерших (с 34,3 тыс. чел. в 2014 г. до 32,7 тыс. чел. в 2018 г.). Но в 2020 количество умерших на полуострове вновь начало увеличиться (до 36 тыс. чел.).

Показатели коэффициента смертности в Крыму за весь рассматриваемый период были выше, чем в среднем по Российской Федерации, примерно на 2 промилле при общей тенденции к снижению как по Республике Крым, так и по Севастополю. Так в 2020 году средний показатель коэффициента смертности населения в Республике Крым составил 16,1 ‰ (по России в целом — 14,5‰).

Увеличение коэффициента смертности происходит на территории Крымского полуострова в направлении с юга на север (рис. 2.8). Этот показатель выше в периферийных муниципальных районах, где преобладает сельское население. Так, самые высокие показатели коэффициента смертности в 2020 г. были зафиксированы Краснопереконском (17,7‰) и Нижнегорском (17,5‰) муниципальных районах.

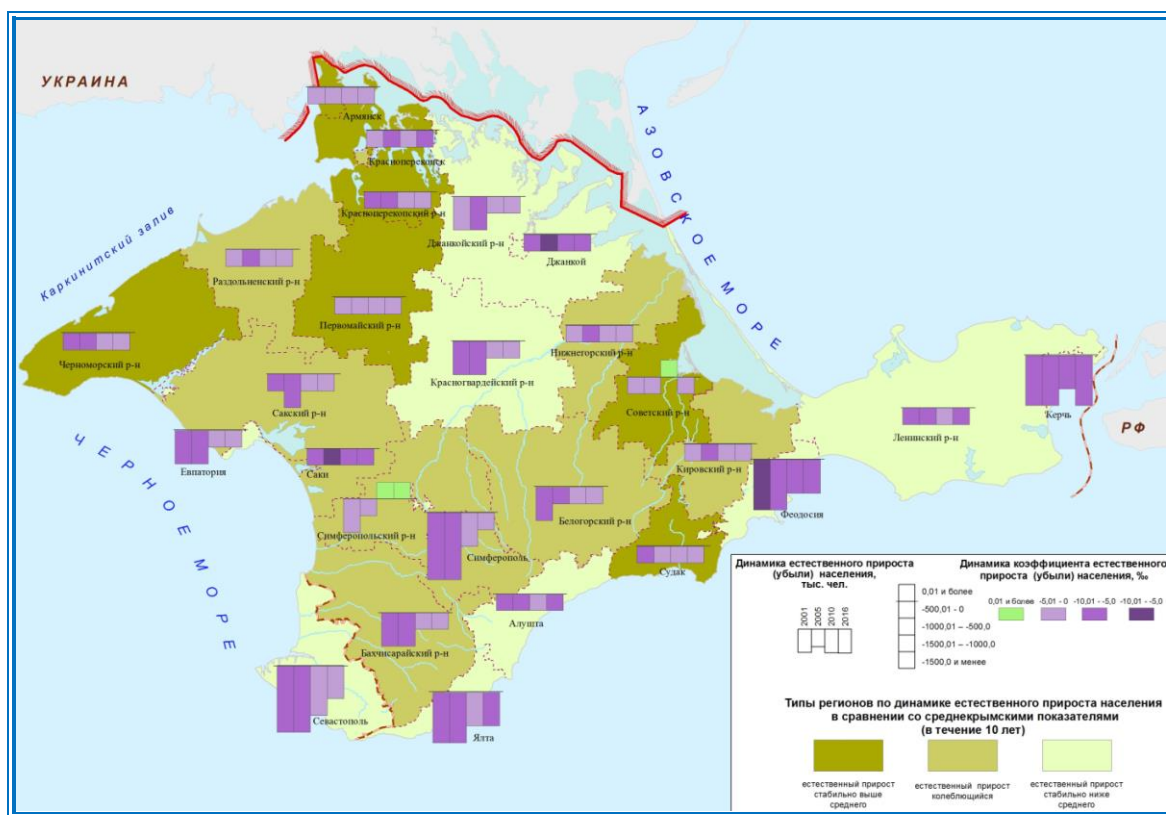

Рис. 2.8. Динамика показателей естественного движения населения Крыма, 2001–2016 гг.

Источники: [32;51;54; 63; 65].

Основными причинами смертности в Республике Крым и г. Севастополь являлись болезни системы кровообращения, новообразований, пищеварительной системы и органов дыхания.

Положительной тенденцией для Крыма стало ежегодное уменьшение младенческой смертности. По сравнению с 2005 г., коэффициент младенческой смертности в Республике Крым и г. Севастополе уменьшился по данным 2017 г. в 1,7 и 1,5 раза соответственно и составил 5,3 и 4,1 ‰. Однако в 2020 г. уровень младенческой смертности в Крыму вырос до 5,4‰, превысив средние показатели и для Южного федерального округа (ЮФО), и для Российской Федерации.

Отметим, что по предварительным данным Росстата за 2020 г., Республика Крым сохранит последнее место в ЮФО по ожидаемой продолжительности жизни (71,2) при средней по ЮФО 72,1. Город Севастополь, напротив, повысит возрастной рейтинг до 73,6, став по показателю продолжительности жизни лидером ЮФО, превысившим его среднероссийский уровень (71,5).

Негативная динамика показателей рождаемости и незначительное снижение смертности обусловили ухудшение показателей естественного прироста населения полуострова. В целом для Крыма характерен отрицательный естественный прирост населения и в 2020 г. его величина составляла «рекордные» — 6,2 ‰.

Частично отрицательный естественный прирост населения Крыма компенсируется за счёт мигрантов. Миграционное движение населения в настоящее время во многом связано с изменением политического статуса Крыма. Крымская миграционная активность носит преимущественно трудовой характер [62; 78]. Разница в уровне заработных плат на полуострове и материковой части Российской Федерации формирует трудовые потоки крымчан в соседние регионы — Краснодарский край и Ростовскую область. Одновременно растёт привлекательность Крыма для мигрантов из других регионов страны и ближнего зарубежья. Основу внешнего миграционного оборота Крыма в настоящее время составляет внутрироссийская миграция. Среди потока прибывающих международных мигрантов преобладают выходцы из государств-участников СНГ.

Однако миграционная ситуация в Крыму не является стабильной и прирост населения за счёт прибывающих из-за пределов Крыма людей имеет ряд пространственно-временных особенностей.

Одним из факторов привлечения внешних мигрантов в Крым следует считать неравномерность его социально-экономического развития, характеристики уровня которого изменяются в целом с севера на юго-запад полуострова. Регионы высокого миграционного прироста — столичный Симферополь и Симферопольский муниципальный район. Отток населения характерен для северных сельских территорий — Первомайского, Джанкойского, Нижнегорского и Советского муниципальных районов — (рис. 2.9).

В Крыму сохраняется миграционное перемещение населения по направлению «село-город», что совпадает с общероссийской тенденцией, унаследованной с советского периода. Миграционным исключением стал г. Саки. Здесь отток населения выше, чем количество вновь прибывающих людей.

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации резко увеличило приток межгосударственных мигрантов. Это характерно для территории Ялтинского и Алуштинского городских округов и г. Севастополь — главных фокусов рекреационного развития в приморской части Крыма.

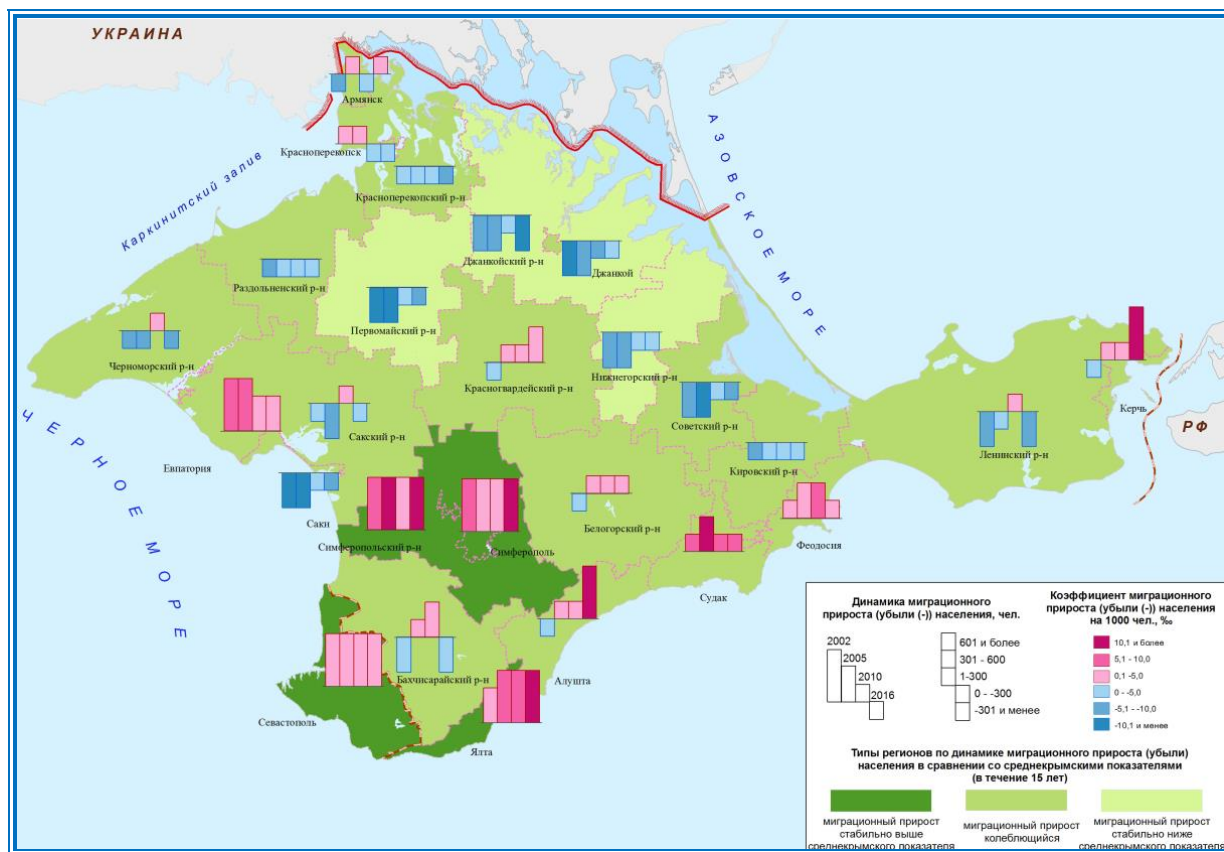

Рис. 2.9. Динамика показателей миграционного движения населения Крыма, 2002–2016 гг.

Источники: [54; 63; 65].

Для Севастополя характерен самый высокий в Крыму коэффициент миграционной активности населения (57‰ при среднем крымском показателе в 26,8‰). За счёт увеличения количества мигрантов в Севастополе постоянно растёт численность жителей. Но и в этом населённом пункте увеличение миграционной активности в 2014–2016 гг. сменилось в 2018–2020 гг. некоторым спадом.

Анализ миграционной активности в Крыму показывает, что наиболее привлекательными для мигрантов являются те районы полуострова, где есть возможность дифференциации занятости в высокий курортный сезон, либо с

гарантированным внесезонным трудоустройством, связанным с реализацией крупных инфраструктурных проектов.

Брачность и разводимость — важнейшие показатели устойчивости геодемографических процессов в регионе. Абсолютное количество заключённых браков коррелирует с показателем численности населения. Для Крыма характерно повышенное количество заключаемых браков в крупнейших городах полуострова — Симферополе и Севастополе (в 2016 г. — 2 718 и 4 001 соответственно). 2014 и 2015 годы стали пиковыми по количеству заключённых браков (рис. 2.10).

С 2016 г. в Крыму наблюдается стабильное сокращение числа заключённых браков, что совпадает с общероссийской тенденцией. Характерной особенностью Крыма становится сокращение ранних браков, когда возраст вступающих в брак жениха или невесты не превышает 18 лет.

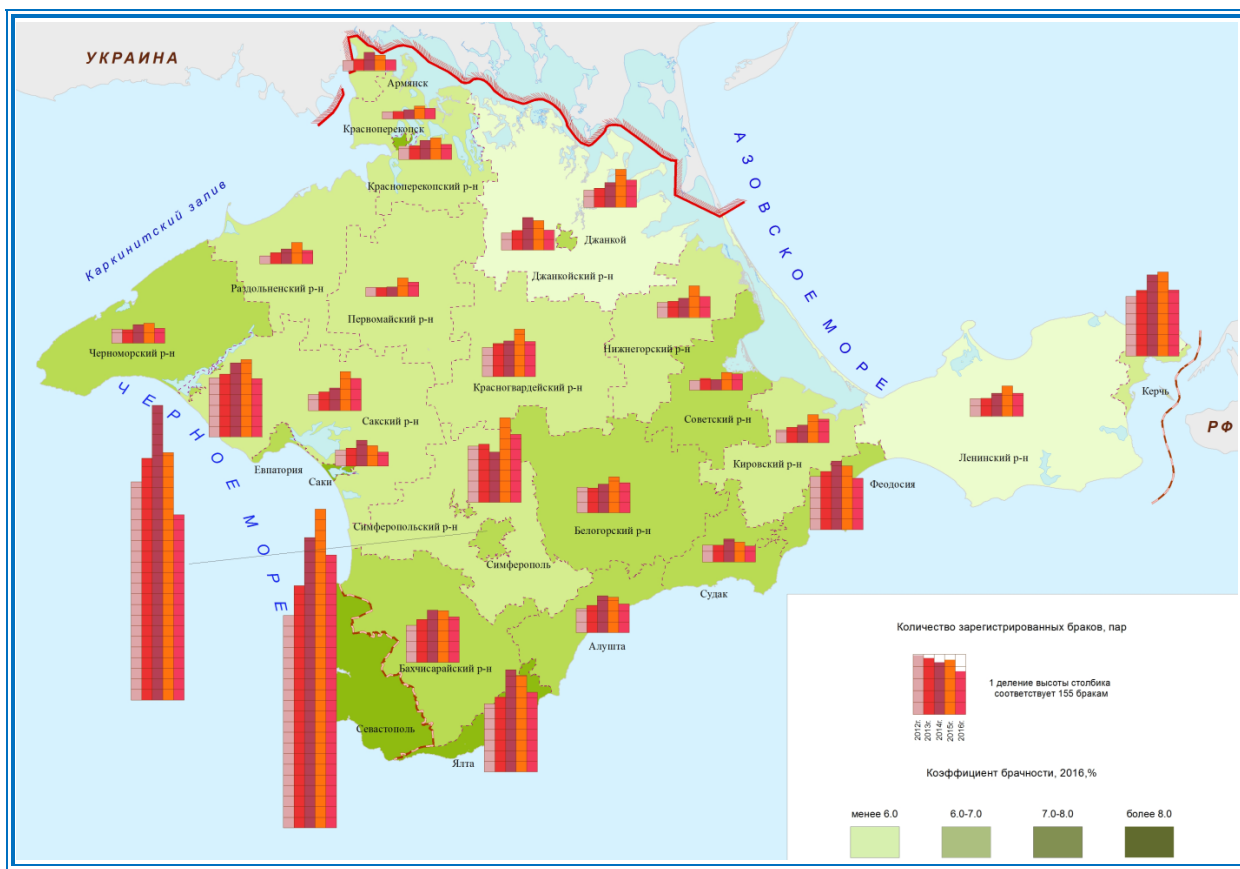

Рис. 2.10. Динамика брачности в Крыму, 2012–2016 гг.

Источник: [59].

В брак стараются вступить в возрасте от 25 до 34 лет и старше 35 лет. Повышение брачного возраста особенно распространено среди мужчин. Взросление браков в Крыму соответствует общероссийской тенденции.

Активность брачности выражается *коэффициентом брачности*. Этот показатель имеет тенденцию к росту с северо-востока на юго-запад Крымского полуострова, что соотносится с общими показателями социально-

экономического развития регионов Крыма и половозрастной структурой населения его муниципальных образований. Минимальный показатель брачности — в Джанкойском районе (в 2016 г. — 5,9‰), а максимальный — в г. Севастополе (9,5‰). В структуре населения, заключающего браки (как среди мужчин, так и женщин), преобладают лица, ранее никогда не состоявшие в браке. Причём, у женщин, по сравнению с мужчинами, этот показатель выше. Но среди женщин выше и доля разведённых и вдовых.

Высокие показатели разводов фиксируются практически во всех муниципальных образованиях Крыма, что негативно влияет как на отдельные семьи, так и на общество в целом. Одним из последствий изменения брачного поведения в Крыму является широкое распространение официально незарегистрированных браков. Это маркер ослабления ценности семьи для современного поколения молодых людей и одна из причин расторжения браков. Развод влияет на воспитание детей, формируя у них негативную окраску ценности брака, которая закрепляется в поведенческих стереотипах молодёжи.

Абсолютное количество разводов коррелирует с количеством заключённых браков и достигает максимальных показателей в крупных городах Крыма. Коэффициент разводимости в Крыму, подобно аналогичному показателю брачности, выше в городских округах и ниже в сельских районах (рис. 2.11).

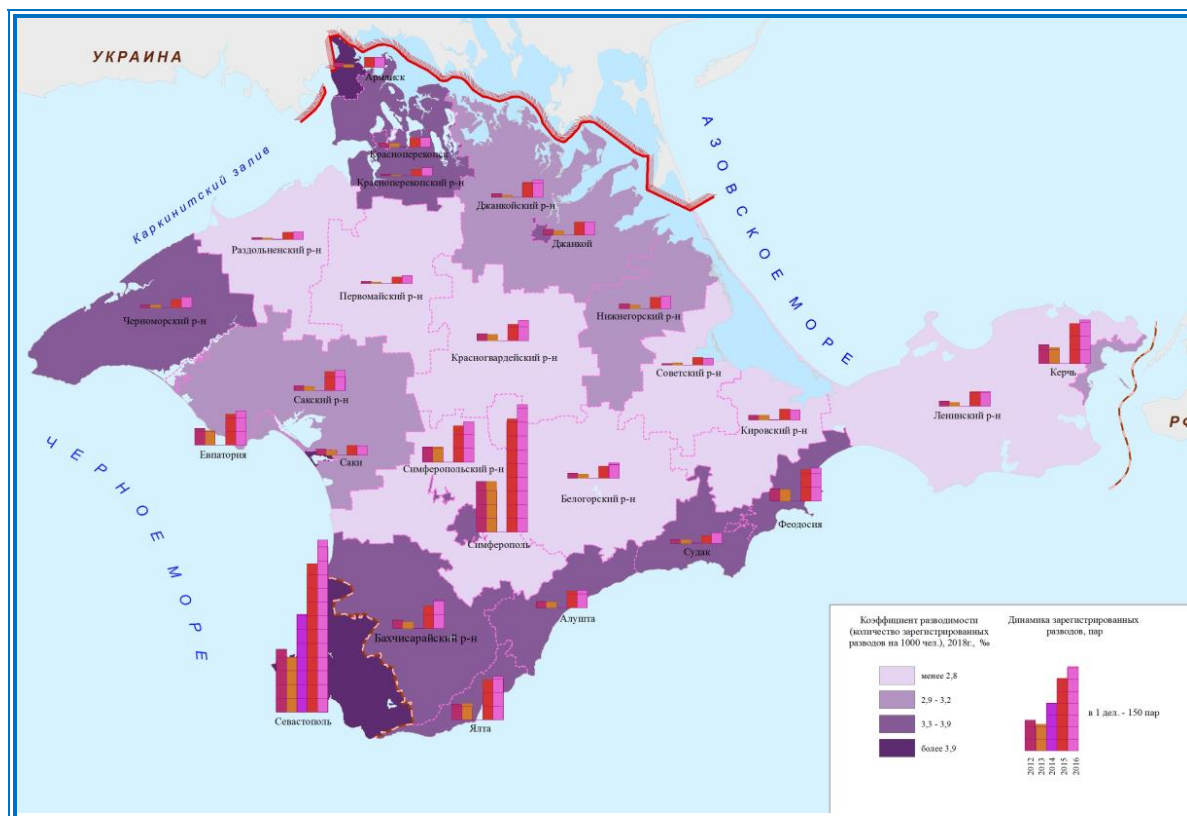

Рис. 2.11. Динамика разводов в Крыму, 2012–2016 гг.

Источник: [59].

Минимальный показатель разводимости отмечен в Кировском районе (2,2‰), а самый высокий — в г. Севастополе (4,5‰). В среднем на 2 заключаемых брака в Крыму приходится 1 развод. Подобный социальный процесс характерен для полуострова уже на протяжении нескольких десятилетий и вероятно сохранится в будущем.

В настоящее время в Крыму сложилась довольно сложная геодемографическая ситуация, которая отражает последствия демографических процессов, начавшихся в начале 1990-х гг. Для региона характерна депопуляция населения, обусловленная преобладанием показателей смертности над показателями рождаемости. Положительной тенденцией в современной демографической ситуации полуострова является незначительное снижение показателей смертности. Миграционная ситуация на полуострове в целом характеризуется положительной динамикой (за исключением северных регионов).

В современном демографическом развитии Крыма основными социокультурными процессами, требующими постоянного мониторинга и корректировки, следует считать: естественную убыль населения, снижение рождаемости, замедление внешнего миграционного прироста населения. Эти процессы в Крыму территориально неоднородны и нередко имеют разный характер протекания в степных и приморских районах Крыма, в его городах и сельских поселениях. Для устойчивого социально-экономического развития полуострова необходим учёт пространственной мозаики геодемографических процессов, разной степени их выраженности и укоренённости в регионах Крымского полуострова.

2.2. Этнокультурные характеристики Крыма

В настоящее время этнокультурное пространство Крыма формируют 175 народов [80]. Это этническое многообразие сравнимо с общероссийской картиной полиэтничности. Федеральная перепись населения 2010 года выделила на территории Российской Федерации 193 народа [81]. Среди народов Крыма доминируют четыре этнические группы: русские, украинцы, крымские татары и татары (последняя группа сформирована не только этническими, но и крымскими татарами, назвавшими себя во время переписи 2014 года «татарами»). Вместе перечисленные выше этносы составляют 96,2% общей численности населения Крыма, указавшего свою национальную принадлежность. Доминирующими эти этносы считаются по признаку их устойчивого численного преобладания на фоне иных этнических групп и стремлению к повсеместному расселению.

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации изменило славяно-тюркский баланс на Юге России (в границах Южного федерального округа), с отдельными регионами которого у Крыма сохраняется множество общих характеристик полиэтничности. К примеру, в соседнем с Крымом кубанском регионе также существует доминирование славян и тюрков. С Кубанью у

Крыма имеются также черты общности этнической истории. В 1783 году по указу Екатерины II Правобережная Кубань, Таманский и Крымский полуострова были присоединены к Российской империи, изменив приоритеты развития её южных окраин. Этот исторический фрагмент пребывания Крыма в пределах территории с общероссийской государственностью позволяет определять его современное воссоединение с Россией как реинтеграцию, формирующую в пределах южно-российского порубежья новую «внутригосударственную общность — Черноморский историко-культурный регион» в составе Крыма, Краснодарского края и «в определённой мере Республики Адыгея» [6].

После реинтеграции Крыма с Россией славянская составляющая её южных регионов увеличилась на 1,9 млн человек, причем, 1,5 млн человек составили русские. На фоне существующей в южнороссийских территориях (Астраханская область, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Чечня) тенденции «динамичного сокращения доли русских в населении перечисленных субъектов региона» [30, с. 53] крымское приращение русского компонента в этнической структуре Юга России следует считать положительным фактором укрепления её устойчивости.

Крым стал регионом России, в котором сохраняется постсоветское доминирование не только русского, но в целом славянского компонента в совокупной численности населения. Обе переписи — Всеукраинская 2001 года и крымская 2014 года — зафиксировали суммарно доминантное положение трёх славянских этносов в совокупной численности населения Крыма соответственно на уровне 85,9 и 84,5% [35; 70;]. Незначительное сокращение удельного веса славян в 2014 году связано с их естественной убылью, которая началась ещё в начале 1990-х годов и в настоящее время не восполняется миграционным притоком населения в Крым.

Сравнение итогов украинской и крымской переписей, упомянутых выше, обнаруживает не только рост численности русского населения Крыма, но и снижение доли украинцев (табл. 2.3). Число украинцев в Республике Крым сократилось на 41%, а в г. Севастополь — на 37%. Уменьшение количества украинцев отмечено практически во всех административных единицах Крыма. Если сравнить это сокращение с приростом численности русских, которое также произошло во всех административных единицах Крыма, то уменьшение количества крымских украинцев можно объяснить наличием у них двойной идентичности, которую они изменили, по сравнению с 2001 годом, а также незначительными миграциями украинцев за пределы Крымского полуострова.

Аналогичная динамика прослеживается и для белорусского населения полуострова, доля которого к 2014 г., по сравнению с 2001 г., сократилась как в целом по Крыму, так и по двум его субъектам всем административно-территориальным единицам РК (табл. 2.3).

Численность русских и украинцев в этническом пространстве Крыма находилась и до событий 2014 г. в состоянии постоянного изменения

(рис. 2.12). Так, значительное уменьшение числа русских в 2001 г. (на 11%), по сравнению с 1989 г., сменилось ростом их численности в 2014 г. Последняя перепись населения зафиксировала в Крыму 67,9% русских (Республика Крым — 65,2%, Севастополь — 81,1%) и 15,7% украинцев.

Иные этносы Крыма составляют 3,8%, среди которых наиболее многочисленны белорусы (1%) и армяне (0,5%). Среди малых народов Крыма следует упомянуть о бережно сохраняющих свою идентичность 535 чел. караимов и 228 чел. крымчаков. Эти народы чаще иных относят к местным или автохтонным по происхождению. По итогам переписи 2014 года 14 тыс. человек опрошенных отказались указывать свою национальную принадлежность.

Т а б л и ц а 2.3. Динамика удельного веса основных славянских этносов Крыма, по материалам переписей населения 2001 и 2014 гг. (в % от общей численности населения)

Административные единицы (сельские р-ны, городские территории)	Русские 2001 г.	Русские 2014 г.	Украинцы 2001 г.	Украинцы 2014 г.	Белорусы 2001 г.	Белорусы 2014 г.
Бахчисарайский	54,3	56,5	19,6	12,9	1,25	0,83
Белогорский	49,2	52,6	16,2	10,1	0,94	0,54
Джанкойский	38,9	46,1	33,8	23,5	1,72	1,09
Кировский	50,5	51,9	17,6	10,7	1,65	1,03
Красногвардейский	48,7	54,3	27,3	19,0	2,20	1,43
Красноперекоский	33,2	41,3	43,4	32,5	1,25	0,98
Ленинский	54,8	64,1	15,5	15,2	1,28	0,91
Нижегородский	50,4	56,6	16,0	19,5	1,77	1,33
Первомайский	35,1	45,7	37,9	28,6	1,72	1,22
Раздольненский	41,1	49,8	40,1	30,3	1,41	1,04
Сакский	45,2	52,2	31,5	21,5	2,18	1,46
Симферопольский	49,4	56,1	23,5	15,0	1,37	0,88
Советский	48,5	53,6	22,1	13,5	1,33	0,82
Черноморский	52,8	63,1	29,3	18,9	1,50	1,04
Алуштинский гс/го	67,1	78,9	23,0	16,5	1,42	1,03
Армянский гс/го	55,7	61,3	36,2	29,5	1,11	0,73
Джанкойский гс/го	59,8	68,0	25,9	16,9	1,54	1,09
Евпаторийский гс/го	64,9	73,8	23,3	14,9	1,46	1,08
Керченский гс/го	78,7	87,3	15,4	8,5	1,13	0,70
Красноперекоский гс/го	51,0	60,5	40,9	30,5	1,18	0,95
Сакский гс/го	65,1	72,2	24,3	16,6	1,85	1,49
Симферопольский гс/го	66,7	72,4	21,3	13,1	1,15	0,83
Судакский гс/го	59,2	59,9	17,6	12,4	1,31	0,78
Феодосийский гс/го	72,2	79,7	18,8	12,2	1,79	1,18
Ялтинский гс/го	65,6	74,0	27,6	19,3	1,58	1,06
Республика Крым	58,2	65,3	24,3	16,0	1,45	0,95
г. Севастополь	71,6	81,1	22,4	14,2	1,56	0,96
Крым в целом	60,4	67,9	24,1	15,7	1,46	0,95

гс/го — городской совет/городской округ

Составлено по: [35; 70].

Обогащение этнокультурной палитры Юга России крымским компонентом произошло не только в его славянском, но и в тюркском

сегменте. Общая численность тюркоязычных народов, проживающих в Крыму и вошедших в сферу российской государственности в 2014 году, составила 292 тыс. человек (2,3% суммарной численности тюркоязычных народов Российской Федерации по результатам Всероссийской переписи 2010 года) [75]. Среди тюркоязычных народов Крыма перепись населения 2014 года зафиксировала представителей всех 24 тюркских этносов, проживающих, по мнению А. Г. Дружинина, в современной России [29].

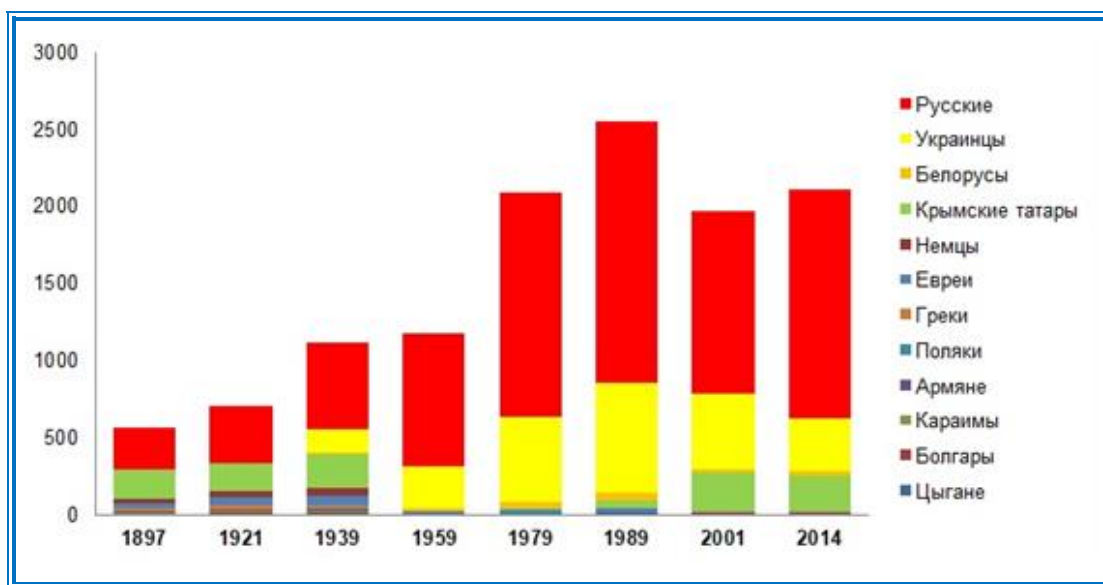

Рис. 2.12. Динамика численности основных этнических групп Крыма, 1897–2014 гг., тыс. чел.

Составлено по: итогам переписей населения.

Дифференциация численности тюркоязычных народов Крыма весьма масштабна: от единичных представителей долган или тувинцев (1 и 8, соответственно) до группы крымских татар, численность которых достигла в 2014 году 232,3 тыс. человек, что соответствует 10,6% общей численности населения полуострова, указавшего свою национальную принадлежность. Воссоединившись с Крымом, Россия впервые с середины XVI столетия прирастила пространственные пределы тюркоязычного мира не на востоке, а на западном фланге своей государственной территории.

В географии этносов Крыма отмечаются пространственные закономерности. Численность русских увеличивается с севера полуострова на юг. Русские значительно преобладают в приморских городских округах и столице Республики Крым. В Керчи и Севастополе доля русских превышает 80% населения — в Керчи 87,3%, в Севастополе 81,1% от общей численности населения, указавших национальность. В столице Крыма и остальных приморских городских округах (кроме Судака) доля русского населения составляет более 70%.

География расселения украинцев по результатам переписи 2014 года не изменилась. Относительное большинство представителей этого этноса проживает в северных приграничных с Украиной районах полуострова, в т. ч.: Джанкойском, Красноперекопском, а также в Первомайском и Раздольненском и городах Армянск и Красноперекопск. В перечисленных административных единицах доля украинцев в структуре населения составляет 28–41%. География расселения украинцев в Крыму обратна рисунку размещения русских: их численность уменьшается с севера на юг полуострова.

Третий по численности славянский этнос Крыма — белорусы, составляющий в структуре населения по результатам переписи 2014 года около 1%, не имеет четко выраженных территориальных закономерностей размещения. С 1989 года происходит сокращение удельного веса данного этноса в общей структуре населения.

Крымские татары расселены по территории Крыма весьма неравномерно (рис. 2.13). Как в 2001, так и в 2014 году наблюдалось увеличение доли крымских татар в общей структуре населения сельской местности. В городских округах Крыма крымскотатарский этнос представлен менее широко. В городах Керчь и Севастополь последняя перепись зафиксировала минимальные показатели удельного веса данного этноса в структуре населения. Лишь г. Судак можно назвать городской территорией с высокой концентрацией крымскотатарского населения (21,48% от общей численности населения, указавшего национальность). Среди муниципальных районов Крыма высокий удельный вес крымских татар отмечен в Белогорском и Кировском районах. Здесь этот этнос составляет почти треть населения. И тенденция увеличения численности крымских татар в этих муниципальных единицах стойко сохраняется.

В некоторых муниципальных районах крымские татары стали вторым по численности этносом. В число этих территорий вошли: городской округ Судак и Бахчисарайский, Белогорский, Кировский, Красногвардейский, Симферопольский и Советский муниципальные районы. Причем, несмотря на уменьшение численности крымских татар в других районах Крыма, в перечисленных выше территориях, по сравнению с 2001 годом, удельный вес и общее количество крымских татар постоянно увеличивались.

Репатриация крымских татар и других депортированных народов, повлекла значительные изменения в этническом пространстве Крыма. Произошло восполнение утраченной в период депортации этнической мозаичности полуострова. Смысл этнической мозаичности раскрывается как «плотность» различных народов в пределах муниципальных единиц. Этническую мозаичность Крымского полуострова была рассчитана авторами при помощи индекса Б. М. Эккеля (P_j). Индекс этнической мозаичности территории тем выше, чем «пестрее» её национальный состав.

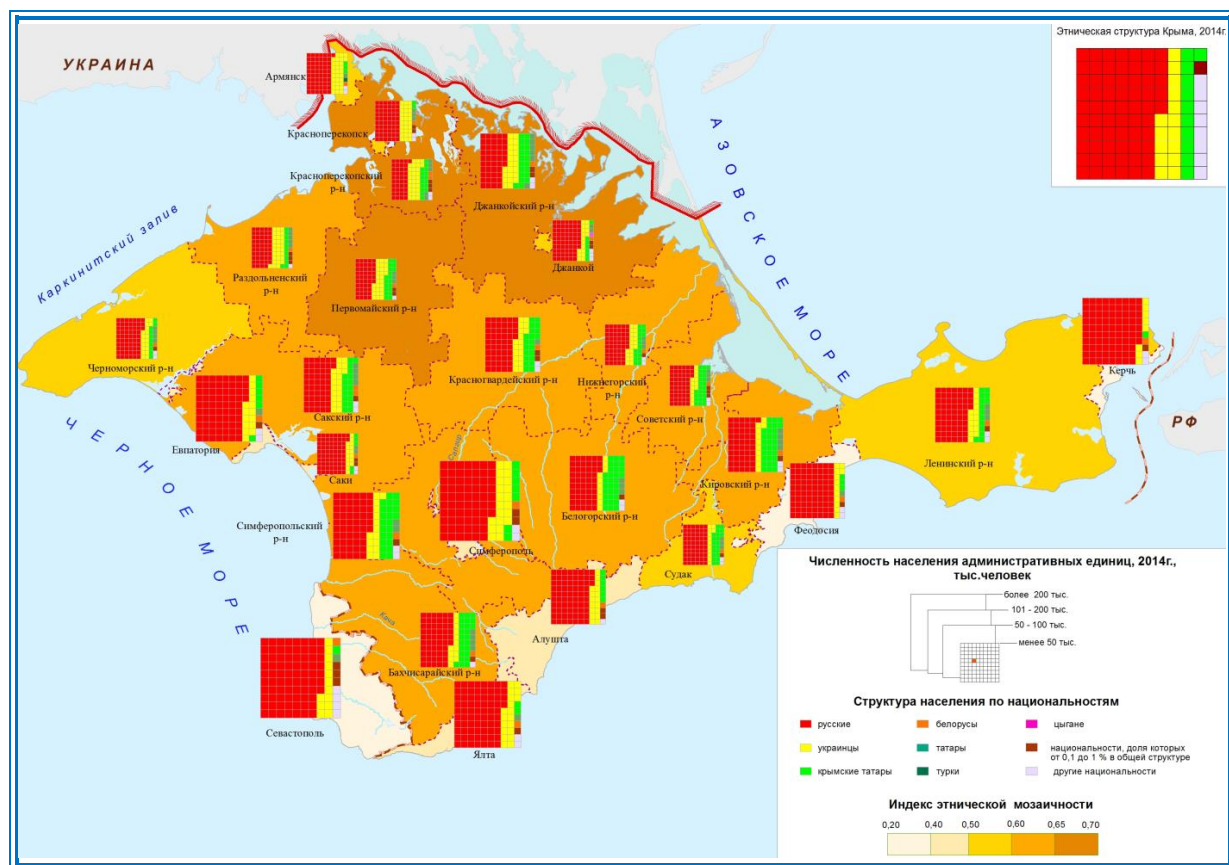

Рис. 2.13 Этническая структура населения Крыма.

Составлено по: итогам переписи в Крымском федеральном округе и г. Севастополе, 2014 год.

Расчёт индекса этнической мозаичности показал, что в период между переписями населения 2001 и 2014 гг. полиэтничность Крыма стабилизировалась с практически повсеместным трендом уменьшения указанного индекса к 2014 году (табл. 2.4).

Впервые эта стабилизация не была связана с усилением миграционной подвижности тюркской или славянской части населения, а была, вероятно, обусловлена сокращением потока репатриантов из-за пределов Крыма и затуханием внутрорегиональной миграции крымских татар, которая к 2001 году приняла для этого народа характер трансформации ландшафтной среды его расселения.

Исторически сложилось так, что различные народы Крымского полуострова культурно доминировали в пределах определенных ландшафтных зон. Крымские татары к началу XX века территориально укоренились в наиболее комфортных в климатическом и гидрографическом отношении участках Крымского полуострова — предгорье и горном южном берегу. Лишившись этих территорий в результате депортации 1944 г. и последующего искусственного сдерживания крымской властью в начале 1990-х годов процесса расселения репатриированных народов в густонаселенных приморских районах, крымские татары, проявив высокую

степень этнической мобилизации, сумели в течение 1989–2014 гг., осуществить передислокацию из степных регионов Крыма, куда их направляли в начале 1990-х годов, в предгорные и горно-приморские территории. К 2014 году в пределах предгорных муниципальных территорий Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского, Кировского районов и городских округов Симферополя и Судака сформировался *ареал устойчивого роста территориального присутствия тюркского компонента*, представленный крымскими татарами и теми, кто во время проведения переписи 2014 года назвал себя «татарами» (табл. 2.5).

Т а б л и ц а 2.4. **Изменение индекса этнической мозаичности населения Крыма (2001–2014 гг.)**

№	Административные единицы (сельские районы, городские территории)	Индекс мозаичности 2001 г.	Индекс мозаичности 2014 г.	Динамика индекса мозаичности 2001–2014 гг.
1	Бахчисарайский	0,620	0,606	- 0,014
2	Белогорский	0,645	0,613	-0,032
3	Джанкойский	0,687	0,686	-0,001
4	Кировский	0,647	0,633	-0,014
5	Красногвардейский	0,659	0,625	-0,034
6	Красноперекопский	0,670	0,693	+0,023
7	Ленинский	0,620	0,546	-0,074
8	Нижнегорский	0,636	0,609	-0,027
9	Первомайский	0,685	0,673	-0,012
10	Раздольненский	0,652	0,645	-0,007
11	Сакский	0,664	0,646	-0,018
12	Симферопольский	0,650	0,609	-0,041
13	Советский	0,665	0,627	-0,038
14	Черноморский	0,618	0,553	-0,066
15	Алуштинский гс/го	0,493	0,438	-0,055
16	Армянский гс/го	0,556	0,534	-0,022
17	Джанкойский гс/го	0,568	0,519	-0,049
18	Евпаторийский гс/го	0,518	0,430	-0,088
19	Керченский гс/го	0,356	0,230	-0,126
20	Красноперекопский гс/го	0,571	0,539	-0,032
21	Сакский гс/го	0,512	0,447	-0,065
22	Симферопольский гс/го	0,504	0,457	-0,047
23	Судакский гс/го	0,586	0,582	-0,004
24	Феодосийский гс/го	0,440	0,348	-0,092
25	Ялтинский гс/го	0,493	0,414	-0,079
26	г. Севастополь	0,436	0,388	-0,048
27	В среднем по РК	0,589	0,508	-0,042
28	В среднем по Крыму	0,583	0,542	-0,043

гс/го — городской совет/городской округ

Рассчитано по: [35; 70].

Т а б л и ц а 2.5. Динамика удельного веса крымских татар в Крыму по итогам переписей 2001 и 2014 гг.(в % от всего населения)

№	Административные единицы (сельские районы,городские территории)	2001 г.	2014 г.*	Изменение удельного веса крымских татар %
1	2	3	4	5
1	Бахчисарайский район	21,3	27,6	+6,3
2	Белогорский район	29,2	34,3	+5,1
3	Джанкойский район	21,6	26,1	+4,5
4	Кировский район	25,5	33,2	+7,7
5	Красногвардейский район	16,7	21,7	+5,0
6	Краснопереконский район	17,2	21,5	+4,3
7	Ленинский район	29,2	17,2	-12,0
8	Нижегорский район	28,8	20,2	-8,6
9	Первомайский район	21,5	22,2	+0,7
10	Раздольненский район	13,3	15,9	+2,6
11	Сакский район	17,5	21,8	+4,3
12	Симферопольский район	22,2	25,3	+3,1
13	Советский район	22,2	28,6	+6,4
14	Черноморский район	12,7	14,8	+2,1
15	Алуштинский гс/го	5,9	7,0	+1,1
16	Армянский гс/го	3,5	4,5	+1,0
17	Джанкойский гс/го	8,1	9,6	+1,5
18	Евпаторийский гс/го	6,9	7,4	+0,5
19	Керченский гс/го	1,9	1,8	-1,9
20	Краснопереконский гс/го	3,0	4,5	+1,5
21	Сакский гс/го	5,8	7,4	+1,6
22	Симферопольский гс/го	7,0	9,9	+2,9
23	Судакский гс/го	17,4	24,7	+7,3
24	Феодосийский гс/го	4,6	4,3	-0,3
25	Ялтинский гс/го	1,3	2,6	+1,3
26	г. Севастополь	0,5	0,7	+0,2
27	Республика Крым	12,0	14,9	+2,9
28	Крым (с г.Севастополь)	10,2	12,6	+2,4

*Крымские татары и татары учтены суммарно.
гс/го — городской совет/городской округ

Составлено по: [35; 70].

Для ареала устойчивого доминирования тюркского компонента отмечается сохранение высоких значений индекса этнической мозаичности, характерных для районов с сельским населением, но в упомянутых территориях значение индекса превышает среднекрымский уровень.

Ареалами перечисленные выше территории мы называем по причине диффузности административных границ муниципальных образований в отношении расселения этносов.

На основании индекса этнической мозаичности, его динамики и соотношения доли основных этнических групп нами выделены 3 типа районов:

«Районы слабой этнической смешанности населения и снижающейся полиэтничности с существенным преобладанием русских в этнической структуре населения»;

«Районы средней этнической смешанности населения, стабильной этнической структурой и пиком проявленности полиэтничности в 2001 году за счет возвращения крымских татар. Среди доминирующих этносов существенно преобладают славяне, доля тюрков не превышает 10%»;

«Районы с этнически сильно смешанным населением, ростом до 2001 года и последующей стабилизацией полиэтничности, слабо выраженным снижением этнической мозаичности. В этнической структуре населения возрастает доля крымских татар и украинцев, присутствуют малые этносы (греки, армяне, узбеки, корейцы, цыгане и др.)» (рис. 2.14.).

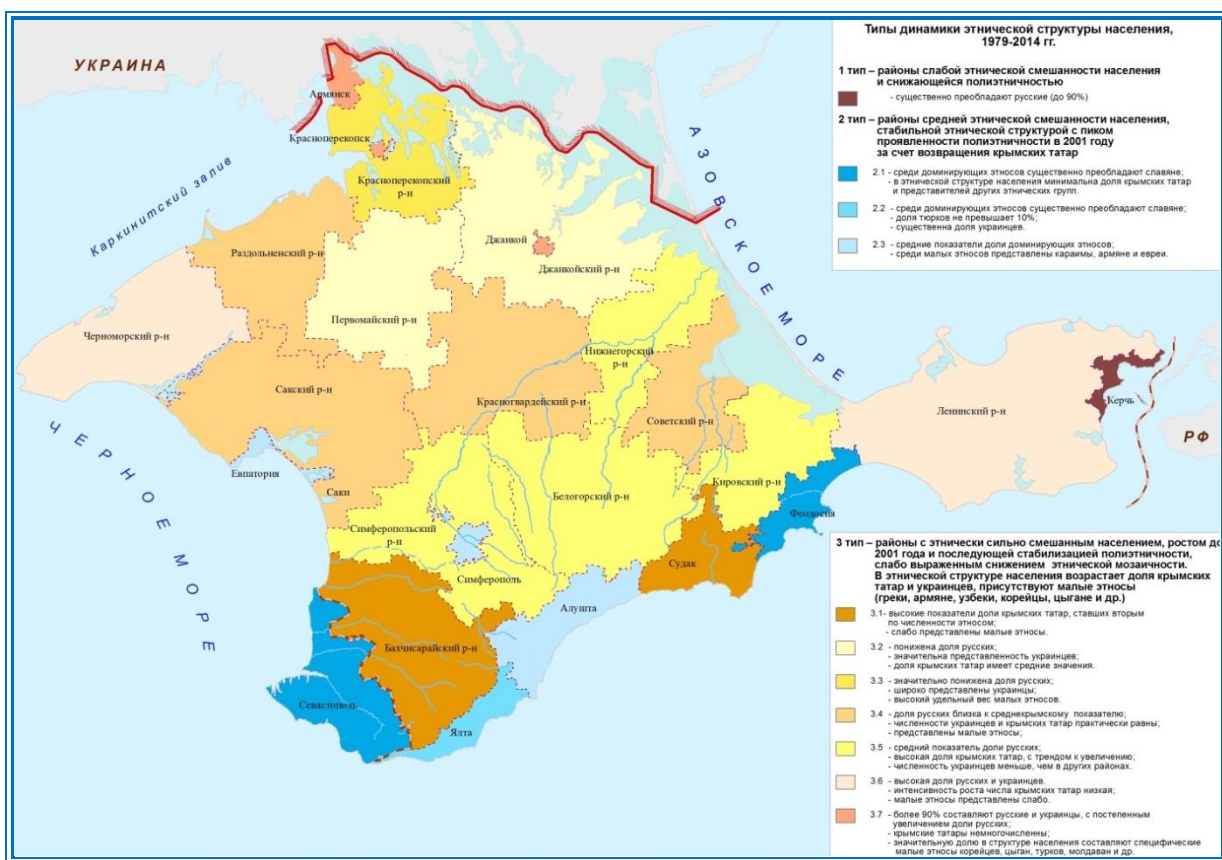

Рис. 2.14. Типы динамики этнической структуры населения, 1979–2014 гг.

В Крыму имеются территории, где сохраняется моноэтничность с преобладанием славянского (русского) компонента. В число моноэтничных территорий нами отнесены городские муниципалитеты Керчи, Севастополя и Феодосии. Показатель этнической мозаичности в этих городах ниже среднекрымского уровня почти более чем в полтора раза.

Таким образом, большая часть Крыма — полиэтнична с доминированием славянского и увеличивающегося количественно тюркского

компонента, меньшая часть — моноэтнична с преобладанием славянского (русского) компонента.

Все малые народы Крыма, в той или иной степени, испытывают процесс ассимиляции. Статистически отмечается ускорение процесса ассимиляции и старение караимов и крымчаков. Ассимиляционные процессы затронули крымских греков, немногочисленных немцев, болгар, белорусов, поляков. Представители этих малых этносов не указывают свой язык как родной, чаще относят себя к русскоговорящим, утрачивая этническую самобытность.

Единственным малым этносом Крыма, численность представителей которого увеличивалась либо оставалась стабильной, стали армяне. Армянский этнос проживает в Крыму на протяжении многих столетий. Несмотря на свою малочисленность и сложные испытания он демонстрирует этническую устойчивость к ассимиляции. Чаще всего армяне Крыма компактно расселяются в городах. Наибольшие по численности армянские общины находятся в Симферополе, Ялте, Феодосии и Евпатории. В сельской местности расселение армянского этноса не имеет четко выраженных ареалов и центров локализации.

Еврейский этнос, составлявший в прошедшем двадцатилетии значительную долю в структуре населения Крыма, в настоящее время крайне малочисленен и расселён в основном по городам. В целом по Крыму удельный вес евреев составляет 0,13%.

В северных районах Крыма отмечаются места компактного проживания цыган. В структуре населения Джанкойского городского округа, Краснопереконского и Красногвардейского муниципальных районов цыгане составляют более 1%. Одна из причин локализации цыганского населения в обозначенных выше территориях заключена в их близости к объектам транспортной инфраструктуры. В городском округе Армянска транспортный фактор повлиял на появление в его населении турок и молдаван.

В аграрных районах Крыма — Джанкойском, Советском, Кировском, Красногвардейском, Раздольненском — в этническом пространстве присутствуют корейцы, что определяется их широкой занятостью в различных сферах сельскохозяйственного труда. Привлекательность почвенного покрова в предгорном и степном Крыму стала историко-географическим фактором появления и развития в этих регионах сельского хозяйства, которое организовали в начале XIX в. переселенцы из Германии, Швейцарии, Болгарии. В настоящее время крымские немцы, швейцарцы и болгары практически не представлены в структуре населения Крыма, составляя в ней менее 0,1%.

В некоторых городах Крыма присутствуют немногочисленные азербайджанские и молдавские общины.

В Нижнегорском, Кировском и Белогорском муниципальных районах сохранились греческие общины.

Этническое пространство Крымского полуострова интегрирует общность языка межэтнической коммуникации. В общем количестве учтенного населения Крыма перепись 2014 г. зафиксировала 2,26 млн чел., владеющих русским языком, что составило 98,9%. Вне зависимости от национальной принадлежности своим родным языком назвали русский — 1,84 млн чел. или 84,1%. Родным русский язык является для 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 97,7% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, 73% молдаван. Среди армян русский язык назвали родным 47%, а также 37% цыган, 32% азербайджанцев, 8,7% крымских татар и татар. В остальных случаях представители перечисленных народов родным языком указывали язык своего этноса [77].

Этнокультурное пространство Крыма представлено не только этническим, но и конфессиональным компонентом. Изменения в конфессиональной структуре населения Крыма также оказали определенное влияние на его этническое пространство. После 2014 года изменились условия регистрации религиозных организаций. Многие из них до сих пор не прошли регистрационную процедуру в Крыму. Среди незарегистрированных общины Украинской православной церкви Киевского патриархата и мусульманские общины, не примкнувшие к Духовному управлению мусульман Республики Крым и г. Севастополя. В результате в конфессиональной структуре населения Крыма до сих пор не восстановлена численность религиозных организаций, количество которых на 1 июля 2014 года составляло 1 409 единиц. Но следует отметить, что на момент возвращения полуострова в состав России в РФ на 10 тыс. человек приходилось 1,8 религиозных организаций, а в Крыму аналогичный показатель составлял 10,4, т. е. превышал среднероссийский практически в 6 раз [40].

Важнейшими событиями в религиозной жизни Крыма стало восстановление Александро-Невского кафедрального собора в столице Республики Крым и строительство Симферопольской соборной мечети, создание которой в период административной принадлежности Крыма Украине имело характер фактора политической манипуляции сознанием мусульман полуострова.

В религиозном отношении Крым характеризуется как поликонфессиональная территория, где более четверти религиозных организаций созданы по этноконфессиональному признаку. Наиболее показательным в этом отношении является ислам, который по количеству религиозных общин занимает второе после христианства место среди религиозных конфессий Крыма. На этноконфессиональной основе в Крыму действуют религиозные общины иудеев, армян, немцев, караимов и крымчаков.

Основным процессом в конфессиональном пространстве российского Крыма следует считать усиление стабилизирующей роли государства в преодолении рисков межконфессионального противостояния, заложенных в

прошлом. Происходит взаимная адаптация мусульманской и православной общин к новым реалиям совместного развития в Крыму.

Крым сохраняет статус священной территории для представителей разных религий. По преданию, в Крыму проповедовал в I в. н.э. святой апостол Андрей Первозванный, а в древнем Херсонесе в 988 году принял крещение равноапостольный киевский князь Владимир Святославич, после чего христианство стало активно распространяться на Руси. Крымскотатарский фольклор сохраняет предание о двух последователях пророка Мухаммеда — арабах Гази Мансуре и Малике Аштере, которые через несколько лет после возникновения ислама в VII веке прибыли в Крым с миссионерскими целями.

По состоянию на 2019 год в Республике Крым и городе Севастополе зарегистрировано 847 религиозных организаций, относящихся к различным религиям и направлениям, в том числе два религиозных центра: (Централизованная религиозная организация «Духовное Управление мусульман Республики Крым и города Севастополь» и Централизованная религиозная организация «Духовное Управление караимов Республики Крым»).

Доминирующими религиями Крыма остаются православие (49,5% зарегистрированных в 2019 году организаций), ислам (26%) и протестантизм различных течений (20%). Представлены и другие религии: католицизм, иудаизм, армянская апостольская церковь, караимизм и другие (3,5%). В православии Крыма сохранилось каноническое единство с Украинской православной церковью Московского патриархата, которая представлена в Крыму тремя епархиями: Симферопольской и Крымской епархией, а также Джанкойской и Феодосийской.

Главные особенности конфессионального пространства Крыма:

- преобладание во всех муниципальных образованиях полуострова православных общин;
- за счет роста доли крымских татар и других этносов, исповедующих ислам, происходит постоянное увеличение количества исламских общин, число которых в некоторых районах Крыма сопоставимо с православными;
- появление в конфессиональном пространстве Крыма различных направлений протестантизма не совпадает с территориальным рисунком расселения основных этносов полуострова;
- в конфессиональном пространстве Крыма сохраняется небольшая доля общин малых народов Крыма (караимов, армян), многие из них возрождены и являются важными объектами культурного наследия полуострова;
- с 1997 года значительно увеличилось количество православных и мусульманских культовых сооружений, среди них имеются как вновь построенные, так и восстановленные храмы и мечети;

• в 2019 году наблюдалось сокращение количества религиозных общин всех конфессий, вызванное процессом их перерегистрации по законам Российской Федерации.

На основании коэффициента конфессиональной мозаичности в Крыму определены 3 типа районов согласно особенностям течения конфессиональных процессов, а также представленности конфессий (рис. 2.15):

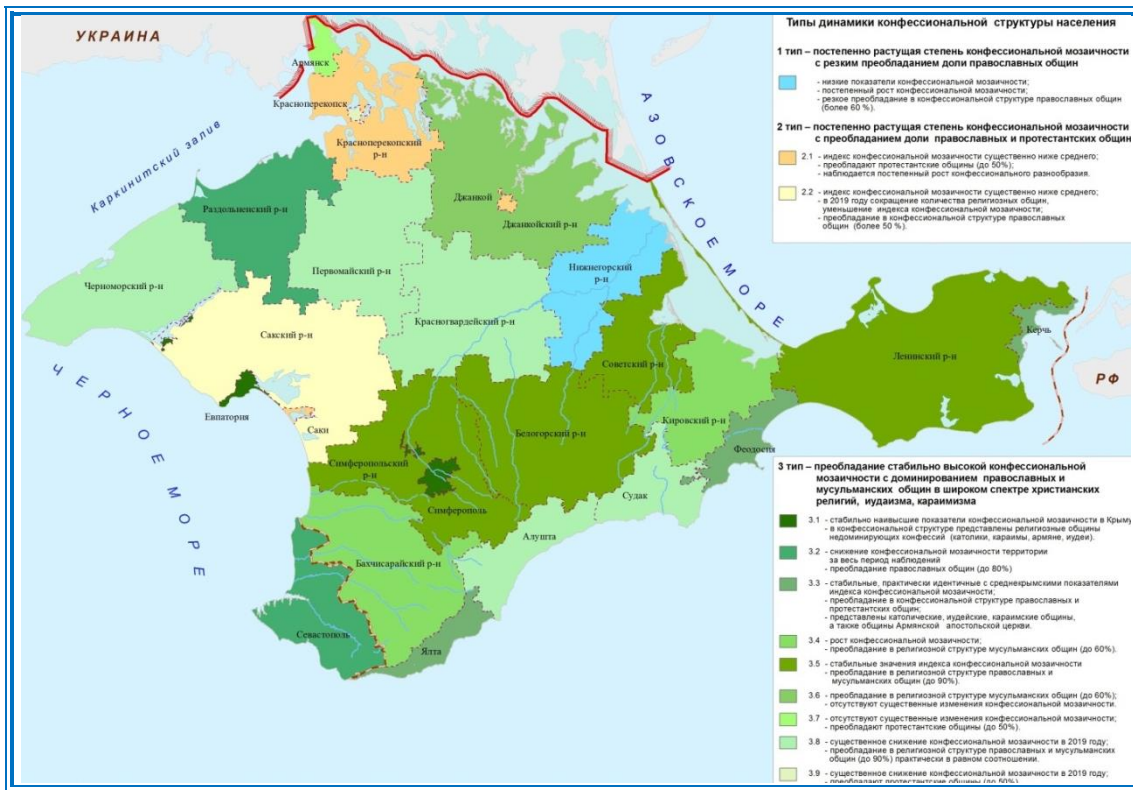

Рис. 2.15. Типы динамики конфессиональной структуры населения, 1997–2019 гг.

I тип — районы с постепенно растущей степенью конфессиональной мозаичности и резким преобладанием доли православных общин;

II тип — районы с постепенно растущей степенью конфессиональной мозаичности и преобладанием доли православных и протестантских общин;

III тип — районы с преобладанием стабильно высокой конфессиональной мозаичности и доминированием православных и мусульманских общин в широком спектре христианских религий, иудаизма, караимизма.

Таким образом, современное этноконфессиональное пространство Крыма, сохраняет поликультурность в условиях новой политической субъектности территории. Но многообразие этнической структуры сужается, происходит некоторое перераспределение населения между основными славянскими этносами полуострова, наиболее активно процессы ассимиляции протекают среди малых народов Крыма.

Динамика этнических и конфессиональных процессов слабо коррелирует между собой: основной причиной этого явления следует считать появление на территории полуострова религиозных общин таких конфессий, которые ранее не были характерны для Крыма.

2.3. Электоральное поведение населения Крыма

Выборы региональных парламентов в 2014 и 2019 гг. Интеграция Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации предполагала вхождение регионов не только в политико-правовую и социально-экономическую сферу, но и в электоральное пространство. В первое пятилетие после возвращения в Россию жители Республики Крым и Севастополя, обладающие избирательным правом, «прошли» полный электоральный цикл, принимая участие в выборах регионального парламента в 2014 и 2019 гг., депутатов Государственной Думы РФ в 2016 г. и в президентских выборах в 2018 г.

В соответствии с законами «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» [34] и «О выборах депутатов Законодательного Собрания города Севастополя» [33], выборы депутатов региональных парламентов проходят в обоих регионах по смешанной избирательной системе, как и в подавляющем большинстве других субъектов Российской Федерации. При этом большинство депутатов избираются по пропорциональной системе (в Республике — Крым 50 из 75, в Севастополе — 16 из 24), а меньшинство — по мажоритарной (в Республике Крым 25 депутатов, в Севастополе 8 депутатов).

На территории Республики Крым образовано 25 одномандатных избирательных округов, количество которых совпадает с числом муниципальных образований, но в связи с требованием сопоставимости избирательных округов по численности избирателей границы округов не всегда совпадают с границами административно-территориальных единиц.

Одномандатные избирательные округа Республики Крым, по соотношению их территории с территорией административно-территориальных единиц, можно разделить на 5 групп.

1) В первую группу можно включить округа, границы которых полностью совпадают с границами муниципальных образований. В эту группу входят всего два округа — Бахчисарайский и Белогорский, полностью совпадающие с границами одноименных муниципальных районов.

2) В следующую группу включены одномандатные избирательные округа, которые расположены в границах одного муниципального образования, но, в связи с большой численностью избирателей, на территории этих образований создано несколько избирательных округов. В эту группу входят 5 округов, образованных на территории Симферополя (Железнодорожный, Центральный, Объединенный, Московский и

Таврический), 2 округа (Гвардейский и Добровский) — на территории Симферопольского района и 2 округа (Войковский и Аршинцевский) — на территории Керчи.

3) В третью группу включены избирательные округа, образованные на территории нескольких муниципальных образований, целиком входящих в эти округа. Такую структуру имеют 4 избирательных округа: Красноперекопский, включающий городские округа Армянск и Красноперекопск, а также Красноперекопский муниципальный район; Нижнегорско-Советский избирательный округ, образованный на территории двух одноименных муниципальных районов; Раздольненско-Черноморский избирательный округ, также охватывающий территории двух одноименных районов; Судакско-Кировский избирательный округ, занимающий территорию Судакского городского округа и Кировского муниципального района.

4) В четвертой группе находятся избирательные округа, находящиеся на территории одного муниципального образования, но не охватывающие целиком его территорию. В эту группу входят 4 округа — Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский и Красногвардейский одномандатные избирательные округа, расположенные на части Евпаторийского, Феодосийского и Ялтинского городских округов, и Красногвардейского муниципального района, соответственно.

5) В границы остальных 6 избирательных округов входят частично или полностью и частично территории нескольких муниципальных образований. Такую структуру имеют Алуштинский округ, в границы которого входит полностью Алуштинский городской округ и часть Ялты; Джанкойский городской избирательный округ, включающий полностью территорию г. Джанкой и часть Джанкойского района; Джанкойский районный избирательный округ, занимающий часть территории Джанкойского и Красногвардейского муниципальных районов; Ленинский избирательный округ, в составе которого полностью входит Ленинский район и часть г. Феодосия; Сакский избирательный округа, охватывающий частично два городских округа (Сакский и Евпаторийский), а также часть Сакского района; Сакско-Первомайский округ, включающий полностью Первомайский район и частично территории г. Саки и Сакского района.

В связи с полиструктурным характером избирательных округов Республики Крым, авторы проводили сравнительный анализ электорального поведения населения в рамках её муниципальных образований. Результаты голосования в Севастополе приводятся в целом для города федерального значения.

На выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым и Законодательного Собрания Севастополя в 2014 г., согласно данным опросов общественного мнения, большинство избирателей ассоциировали партию власти с президентом Российской Федерации и делали свой выбор, опосредованно отдавая голоса Владимиру Путину, с личностью которого

жители полуострова персонифицируют возвращение на Родину. Действие «эффекта Крымской весны» оказало влияние и на уровень электоральной активности. В выборах первых составов региональных парламентов в среднем приняли участие более 50% избирателей Крыма и немногим менее половины избирателей Севастополя (рис. 2.16)³.

В Республике Крым явка менее 50% была зафиксирована в 6 из 25 муниципальных образований — в четырех городских округах (Краснопереконском, Симферопольском, Судакском и Феодосийском) и двух муниципальных районах (Кировском и Краснопереконском). В трех сельских районах (Ленинском, Первомайском и Сакском) явка превысила 70%. В подавляющем большинстве муниципальных образований (в 16 из 25) уровень электоральной активности превысил 50%. Минимальный показатель явки зафиксирован в Феодосийском городском округе (46,1%), максимальный — в Ленинском муниципальном районе (64,9%).

Средний показатель электоральной активности на выборах депутатов региональных парламентов в 2019 г. в Республике Крым составил 33,2%, а в Севастополе — 29,1% (рис. 2.16). В большинстве городских округов Крыма (в 6 из 11), как и в Севастополе, явка избирателей не превышала 30%. В четырех городских округах (Алушта, Армянск, Саки, Судак) явка избирателей варьировала в пределах от 30 до 40%. Явка свыше 40% в 2019 г. была зафиксирована только в одном городском округе (Краснопереконск).

В 5 из 14 сельских районов явка избирателей в 2019 г. не превышала 40%. В единственном сельском районе — Первомайском — на избирательные участки пришли более 50%. В остальных 8 сельских районах удельный вес участников голосования варьировал в диапазоне от 40 до 50% (рис. 2.16).

Сравнение данных по электоральной активности избирателей на выборах депутатов региональных парламентов первого и второго созывов в Республике Крым и Севастополе свидетельствует о снижении показателей явки в 2019 году. В качестве основных причин такой динамики эксперты отмечают рост критических оценок избирателей в адрес региональной власти и снижение влияния «эффекта Крымской весны».

В Севастополе электоральная активность избирателей в 2019 г. снизилась на 19,5%, в Республике Крым — на 20,4%. При этом в городских округах Республики Крым явка упала в среднем на 23,2%, а в сельских районах — в среднем на 17,2%⁴.

Минимальный показатель отрицательной динамики отмечен в Краснопереконске (-3,3%), еще в двух муниципальных районах (Раздольненском и Черноморском) явка снизилась менее, чем на 10%. В

³ Здесь и далее данные рассчитаны по итогам выборов депутатов Государственного Совета Республики Крым и Законодательного собрания г. Севастополя в 2014 г. [15; 16]

⁴ Здесь и далее данные рассчитаны по итогам выборов депутатов Государственного Совета Республики Крым и Законодательного собрания г. Севастополя в 2019 г. [17; 18]

большинстве сельских районов (в 10 из 14) диапазон снижения электоральной активности составил от 10 до 20%, в трех районах (Бахчисарайском, Ленинском и Сакском) — превысил 20%.

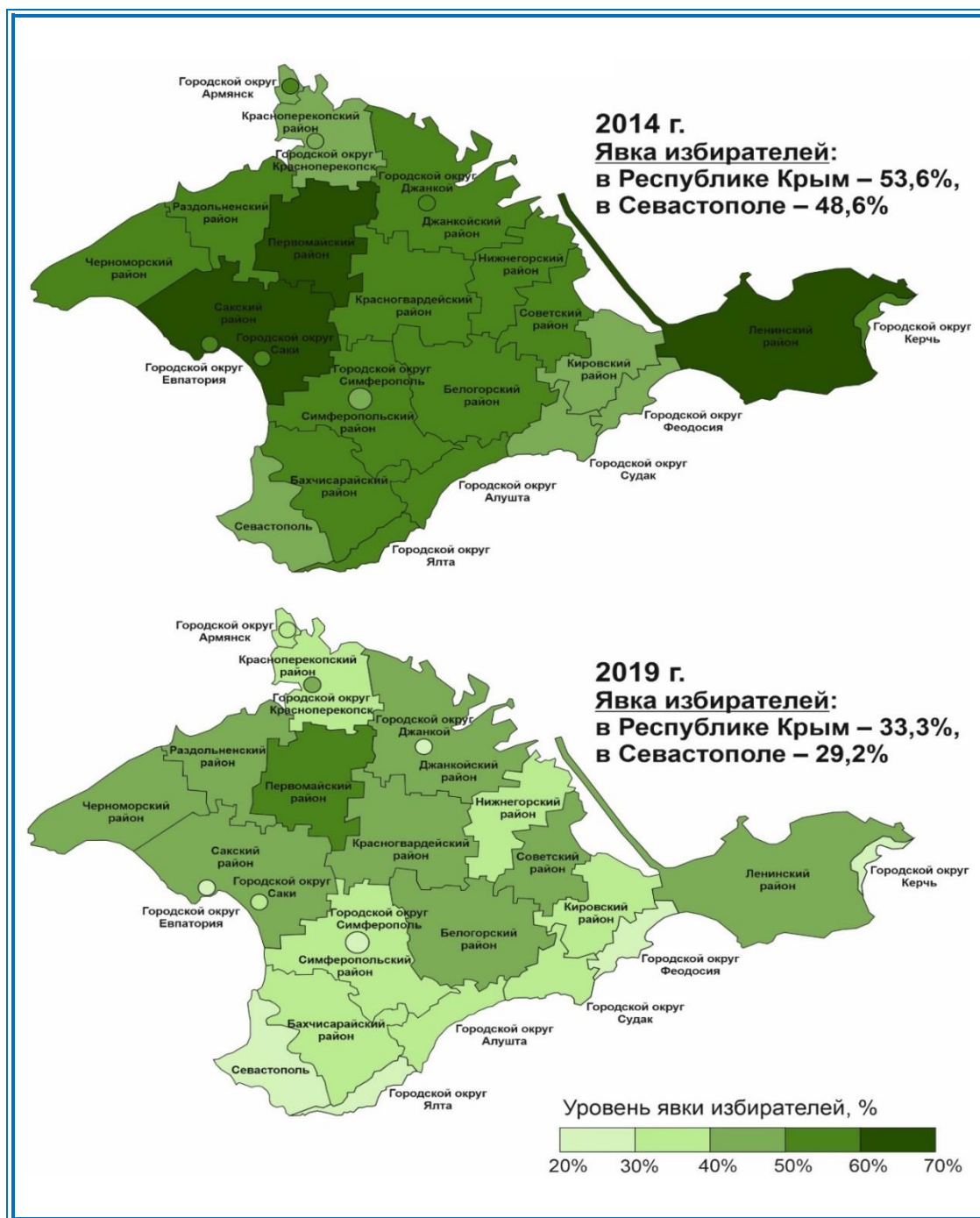

Рис. 2.16. Уровень явки избирателей в Республике Крым и Севастополе на выборах региональных парламентов в 2014 и 2019 гг.

Источники: [15; 16; 17; 18].

В двух городских округах (Судак и Феодосия) диапазон снижения электоральной активности составил от 10 до 20%, в большинстве городских округов (в 7 из 11) явка снизилась более, чем на 20%, а в Евпатории

зафиксирован максимальный показатель снижения электоральной активности — 33,2%.

Следует отметить, что в Крыму на обоих выборах зафиксирована традиционная для России разница в электоральной активности городских и сельских жителей. В сельских районах явка обычно выше, чем в городских.

В 2014 г. явка в сельских районах была выше явки в городских округах на 6,9%, в 2019 г. — на 12,9%. Средний показатель явки в 2014 году в сельских районах составлял 57,5%, а в городских округах — 50,6%. В 2019 г. средний показатель явки в сельских районах составил 40,3%, а в городских — 27,4%.

Показатели электоральной активности ниже средних показателей в сельских районах в 2014 г. были зафиксированы в 5 из 14 районов: Кировском, Краснопереконском, Нижнегорском, Симферопольском и Черноморском. В 2019 г. в 6 из 14 сельских районов явка была ниже среднего показателя: Бахчисарайском, Кировском, Краснопереконском, Нижнегорском, Сакском, Симферопольском.

В 2014 г. в четырех городских округах показатели явки были ниже среднего значения электоральной активности в городах (Краснопереконск, Симферополь, Судак, Феодосия). В 2019 г. в списке таких городов были Евпатория, Симферополь и Ялта.

В 2014 г. избирательный порог в многомандатных округах Республики Крым и Севастополе преодолели по две партии — «Единая Россия» и ЛДПР. Партия «Единая Россия» (ЕР) в обоих региональных парламентах получила большинство мандатов, при этом в Крыму за партийный список ЕР проголосовали 70,2% избирателей, принявших участие в голосовании, в Севастополе — 76,7%. За партийный список ЛДПР — 8,5% и 7,4%, соответственно.

Электоральный рейтинг остальных парламентских партий в 2014 г. не превысил 5%. За список КПРФ в Крыму проголосовали 4,5% принявших участие в голосовании, в Севастополе — 3,7%. На третьем месте электорального рейтинга и в Республике Крым, и в Севастополе оказалась партия «Родина», за которую в обоих регионах проголосовали по 2,7% избирателей из числа принявших участие в голосовании. За партийный список «Справедливой России» на выборах региональных парламентов 2014 года и в Крыму, и в Севастополе проголосовали 1,8% избирателей, но в Севастополе «Справедливая Россия» в рейтинге электоральной поддержки заняла 4-е место, тогда как в Республике Крым — только 7-е место, уступив Коммунистам России и Партии пенсионеров.

В большинстве муниципальных образований Республики Крым (в 15 из 25) электоральный рейтинг «Единой России» превысил 70%, в остальных 10 за список ЕР проголосовали от 60 до 70% избирателей, принявших участие в выборах (рис. 2.17). Минимальный показатель электорального рейтинга партии «Единая Россия» был зафиксирован в Ялте (64,2%), максимальный — в Раздольненском районе (76,5%).

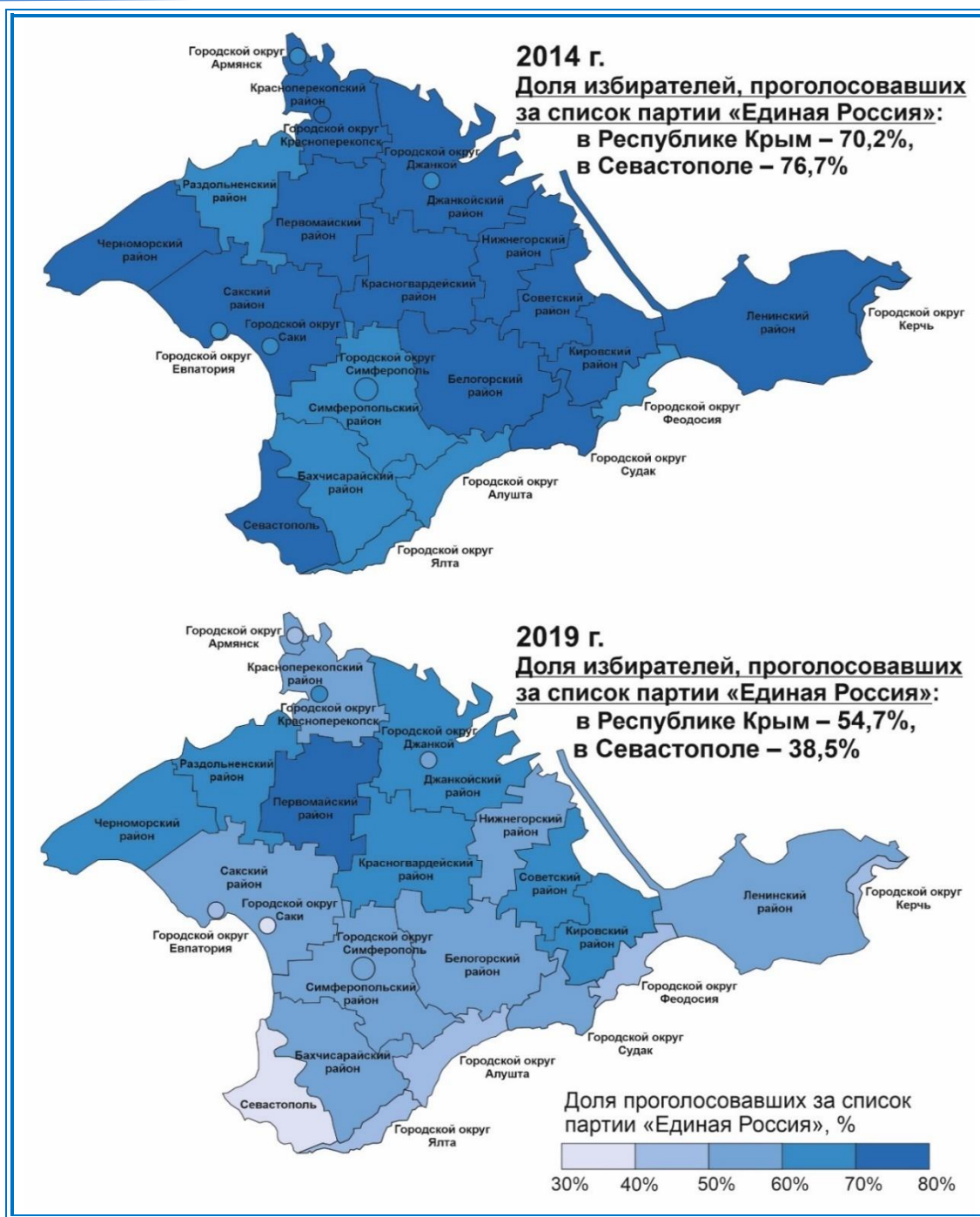

Рис. 2.17. Электоральный рейтинг партии «Единая Россия» на выборах депутатов региональных парламентов в Республике Крым и Севастополе в 2014 и 2019 гг.

Источники: [15; 16; 17; 18].

ЛДПР получила поддержку более 5% избирателей в подавляющем большинстве муниципальных образований Республики Крым, кроме четырех сельских районов (Джанкойского, Кировского, Ленинского, Советского). При этом в трех городских округах (Симферополь, Феодосия, Ялта) и одном муниципальном районе (Симферопольском) за список ЛДПР проголосовали

более 10%, в остальных городах и районах диапазон электоральной поддержки партийного списка ЛДПР составил от 5 до 10% (рис. 2.18).

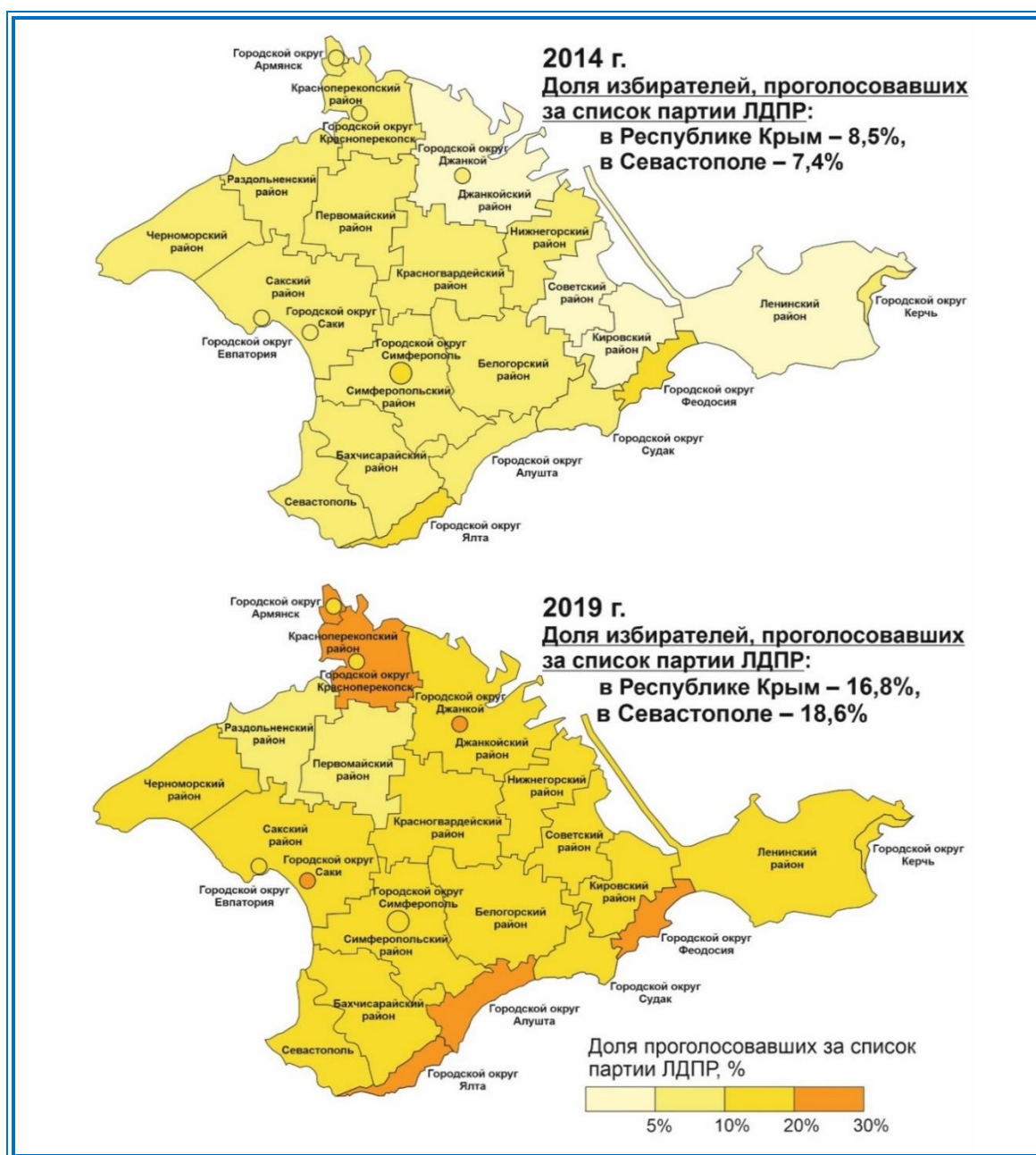

Рис. 2.18. Электоральный рейтинг партии ЛДПР на выборах депутатов региональных парламентов в Республике Крым и Севастополе в 2014 и 2019 гг.

Источники: [15; 16; 17; 18].

Остальные партии, принимавшие участие в избирательной кампании, не преодолели проходной барьер. За список КПРФ проголосовали 4,5%. При этом в большинстве городских округов (кроме Керчи, Симферополя, Судака и Ялты) коммунистам удалось набрать более 5% голосов, но во всех сельских районах их партийный рейтинг был ниже этого значения (рис. 2.19).

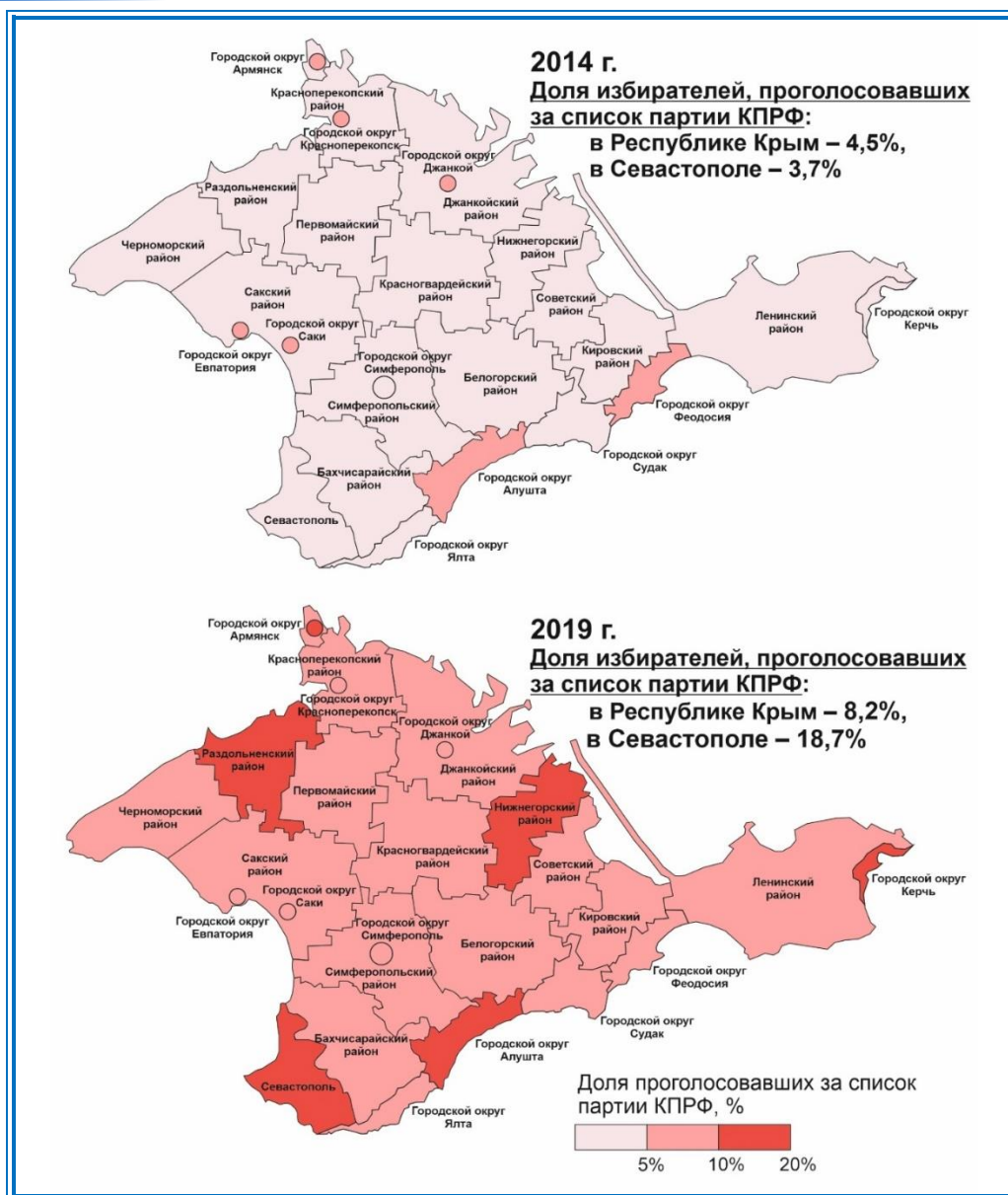

Рис. 2.19. Электоральный рейтинг партии КПрФ на выборах депутатов региональных парламентов в Республике Крым и Севастополе в 2014 и 2019 гг.

Источники: [15; 16; 17; 18].

За список «Справедливой России» более 5% проголосовали только в Раздольненском районе. Список партии «Родина» более 5% избирателей поддержали только в Армянске и Бахчисарайском районе. Всем остальным партиям не удалось набрать более 5% голосов ни в одном из муниципальных образований Республики Крым.

В большинстве городских округов Республики Крым в 2019 г. за список «Единой России» проголосовали от 40 до 50% избирателей. Более половины избирателей от числа участников выборов проголосовали за список партии в Джанкое, Симферополе и Судаче. В Красноперекопске за

список партии власти отдали голоса более 60% избирателей, принявших участие в выборах.

При этом минимальный показатель партийного рейтинга ЕР был зафиксирован в г. Саки 34,7%, а максимальный в Первомайском районе 71,1%.

В сельских районах Республики Крым рейтинг партии власти традиционно выше, чем в городских округах. В половине муниципальных районов в 2019 году за список «Единой России» проголосовали от 50 до 60% избирателей, в 6 сельских районах (Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Раздольненский, Советский, Черноморский) партийный рейтинг ЕР превысил 60%, а в одном (Первомайском) 70% (рис. 2.17).

Партийный рейтинг КПРФ на выборах 2019 г. в большинстве муниципальных образований Республики Крым (в 14 из 25) колебался в диапазоне от 5 до 10%, а в трех городских округах (Алушта, Армянск, Керчь) и двух сельских районах (Нижнегорский, Раздольненский) превышал 10% (рис. 2.8). Диапазон партийного рейтинга ЛДПР на выборах 2019 г. варьировал в пределах от минимального значения в Первомайском районе (4,47%) до максимального в Армянске (15,25%).

Партийный рейтинг ЛДПР в Крыму на выборах регионального парламента в 2019 г. превышал рейтинг коммунистов вдвое.

В подавляющем большинстве муниципальных образований Республики Крым (в 15 из 25) за партийный список либеральных демократов проголосовали более 10% избирателей от числа участников выборов. В двух сельских районах (Первомайском и Раздольненском) электоральный рейтинг ЛДПР был ниже 10%, а почти в половине городских округов превысил 20%. Среди сельских районов более 20% избирателей проголосовали за список ЛДПР в Красноперекопском муниципальном районе (рис. 2.18.). Минимальный показатель партийного рейтинга ЛДПР на выборах 2019 г. был зафиксирован в Раздольненском районе (8,6%), максимальный — в Феодосии (23,9%).

За партийный список «Справедливой России» на выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым в 2019 г. более 5% избирателей проголосовали только в 6 из 25 муниципальных образований региона — в городских округах Евпатория, Керчь, Саки, Симферополь, Феодосия, Ялта. При этом в Сакском городском округе был зафиксирован максимальный показатель электоральной поддержки «Справедливой России» — 11,5%.

В Алуште в 2019 г. более 5% избирателей проголосовали за партию «Коммунисты России», а в Бахчисарайском и Белогорском районах — за партийный список «Родины» проголосовали 6,8 и 7,9% избирателей, соответственно.

В Севастополе в 2019 г. за список партии «Единая Россия» проголосовали 38,5%, за КПРФ — 18,7%, за ЛДПР — 18,6%, за список «Справедливой России» — 8,8%, за список Партии пенсионеров — 6,9%.

Таким образом, партийное представительство в Государственном Совете Республики Крым в 2019 г., по сравнению с депутатским корпусом 2014 г., расширилось с двух до трех партий, а в Законодательном Собрании Севастополя — с двух до шести партий (за счет одного депутата от партии «Зеленых», получившего мандат в одном из одномандатных округов).

На выборах 2019 г. снизилась не только явка избирателей в Крыму и в Севастополе, но также электоральный рейтинг партии власти. К причинам такой отрицательной динамики, по мнению экспертов, относится, кроме обозначенных выше факторов, повлиявших на электоральную активность, принятие в 2018 г. закона о пенсионной реформе.

Рейтинг партии «Единая Россия» в Республике Крым снизился в среднем на 15,5% (с 70,2 до 54,7%), в Севастополе — на 38,2% (с 76,7 до 38,5%). При этом электоральная поддержка практически всех остальных партий, участвовавших выборах, выросла. Электоральный рейтинг ЛДПР в Севастополе увеличился на 11,2%, в Республике Крым — на 8,4%, КПРФ — на 15,0 и 3,7%, соответственно.

Положительная динамика голосования за списки партии «Справедливая Россия» (с 1,8% в 2014 г. до 3,9% в 2019 г.) тем не менее, не привела к преодолению проходного барьера в Крыму. При этом в Севастополе партийный рейтинг «Справедливой России» вырос с 1,8 до 8,8%. Более 5% избирателей проголосовали в Севастополе в 2019 г. и за список Партии пенсионеров (6,9%).

В 2019 г., по сравнению с предыдущими выборами регионального парламента, во всех муниципальных образованиях Республики Крым было зафиксировано снижение электорального рейтинга партии «Единая Россия». В подавляющем большинстве муниципальных образований (в 20 из 25) падение рейтинга превысило показатель 10%, из них в 6 муниципальных образованиях (в 5 городских округах: Алушта, Евпатория, Керчь, Феодосия, Ялта, и в Нижнегорском районе) падение рейтинга превысило 20%, а в одном городском округе (Сакском) зафиксирован максимальный показатель снижения партийного рейтинга ЕР — 36,3%.

Падение партийного рейтинга «Единой России» свыше 10% зафиксировано и в большинстве городских округов, и в большинстве сельских районов. Только в одном городском округе (Краснопереконском) и в четырех сельских районах (Красногвардейском, Первомайском, Раздольненском и Черноморском) партийный рейтинг «Единой России» снизился менее чем на 10% (табл. 2.6). В Севастополе партийный рейтинг «Единой России» снизился почти на 40%, в Республике Крым — на 15,5% (табл. 2.6).

Т а б л и ц а 2.6. Динамика партийного рейтинга «Единой России» на выборах региональных парламентов Республики Крым и Севастополя в 2019 г.

	Динамика рейтинга в %			
	до -10	-10–20	-20–30	-30–40
Севастополь				-38,2
Республика Крым		-15,5		
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	20	52	24	4

Рассчитано авторами.

Партийный рейтинг КПРФ на выборах Государственного Совета Республики Крым в 2019 г. вырос практически во всех муниципальных образованиях региона, кроме Джанкоя. При этом рост партийного рейтинга коммунистов в подавляющем большинстве муниципальных образований не превысил 10%. Исключением стали г. Армянск и Нижнегорский район, где рейтинг КПРФ вырос более, чем на 10% (табл. 2.7).

Т а б л и ц а 2.7. Динамика партийного рейтинга КПРФ на выборах региональных парламентов Республики Крым и Севастополя в 2019 г.

	Динамика рейтинга в %		
	до -10	до +10	+10–20
Севастополь			+15,0
Республика Крым		+3,7	
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	4	88	8

Рассчитано авторами.

В Севастополе партийный рейтинг КПРФ на выборах депутатов Законодательного Собрания второго созыва увеличился на 15%, в Республике Крым — на 3,7% (табл. 2.7). В 2019 г. рост партийного рейтинга ЛДПР более, чем на 10%, отмечен в 40% муниципальных образований Республики Крым. В этот список вошли 6 из 11 городских округов (Алушта, Джанкой, Евпатория, Керчь, Саки и Феодосия) и 4 из 14 сельских районов (Джанкойский, Кировский, Красноперекоский и Ленинский).

В остальных муниципальных образованиях региона также отмечена положительная динамика электорального рейтинга либеральных демократов, но не превысившая 10% (табл. 2.8). В Севастополе рост электорального рейтинга ЛДПР в 2019 г. составил 11,2%, в Республике Крым — 8,3%.

Т а б л и ц а 2.8. Динамика партийного рейтинга ЛДПР на выборах региональных парламентов Республики Крым и Севастополя в 2019 г.

	Динамика рейтинга в %	
	до +10	+10–20
Севастополь		+11,2
Республика Крым	+8,3	
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	60	40

Рассчитано авторами.

По мнению многих экспертов, такая динамика партийных рейтингов в Республике Крым обусловлена рядом факторов, среди которых основными являются: рост критических оценок избирателей в адрес региональной власти, снижение влияния «эффекта Крымской весны» и принятие закона о пенсионной реформе, оказавшее воздействие на электоральное поведение избирателей практически во всех регионах Российской Федерации.

Выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации в Республике Крым и Севастополе. Избиратели Республики Крым и г. Севастополя после возвращения в состав Российской Федерации дважды принимали участие в выборах депутатов Государственной Думы.

В соответствии с законами «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «Об утверждении схемы одномандатных округов для проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», на территории Севастополя образован один одномандатный округ (ОИК № 219 Севастопольский), а на территории Республики Крым — три одномандатных округа:

1. ОИК № 19 Симферопольский,
2. ОИК № 20 Керченский,
3. ОИК № 21 Евпаторийский.

Границы Севастопольского избирательного округа полностью совпадают с границами субъекта Российской Федерации, а в одномандатных округах на территории Республики Крым находятся муниципальные образования, полностью попадающие в границы одномандатных избирательных округов и два муниципальных образования (городской округ Симферополь и Симферопольский муниципальных район) входят в каждый из трех ОИК частично.

Численность избирателей в 2021 г., по сравнению с 2016 г., в Севастополе увеличилась более чем на 25 тыс., а в Крыму рост численности избирателей за этот же период не превысил 10 тыс. чел. (табл. 2.9).

Т а б л и ц а 2.9. Динамика численности избирателей в Крыму и Севастополе с 2016 г. по 2021 г.

	1 июля 2016 г.	1 июля 2021 г.	Рост	
			чел.	%
г. Севастополь	301 257	326 485	+25 228	+8,4
Республика Крым	1 474 151	1 484 093	+9 942	+0,7

Рассчитано по: [71; 72; 73; 74]

Рост численности избирателей к 2021 г., по сравнению с 2016 г., в большинстве муниципалитетов Республики Крым, кроме Симферопольского района, не превысил 5% (табл. 2.10).

Т а б л и ц а 2.10. Динамика численности избирателей в муниципальных образованиях Республики Крым с 2016 по 2021 г.

		2016	2021	Рост/падение	
	Городские округа			чел.	%
1	Алуштинский	39 878	41 258	+1 380	+3,4
2	Армянский	20 132	19 559	-573	-2,8
3	Джанкойский	33 267	32 460	-807	-2,4
4	Евпаторийский	84 925	85 335	+410	+0,5
5	Керченский	108 175	104 631	-3 544	-3,3
6	Красноперекопский	22 078	21 515	-563	-2,6
7	Сакский	20 958	20 570	-388	-1,9
8	Симферопольский	273 959	279 967	+6 008	+2,2
9	Судакский	24 343	24 602	+259	+1,1
10	Феодосийский	79 244	79 463	+219	+0,3
11	Ялтинский	100 065	102 149	+2 084	+2,1
	Муниципальные районы			Кол-во чел.	%
12	Бахчисарайский	72 581	72 795	+214	+0,3
13	Белогорский	47 709	47 264	-445	-0,9
14	Джанкойский	55 038	53 628	-1 410	-2,6
15	Кировский	40 667	40 375	-292	-0,7
16	Красногвардейский	66 252	64 737	-1 515	-2,3
17	Красноперекопский	20 916	20 230	-686	-3,3
18	Ленинский	47 842	47 012	-830	-1,7
19	Нижнегорский	38 242	37 730	-512	-1,3
20	Первомайский	24 899	24 003	-896	-3,6
21	Раздольненский	25 485	25 137	-348	-1,4
22	Сакский	60 042	62 103	+2 061	+3,4
23	Симферопольский	116 449	127 165	+10 716	+9,2
24	Советский	26 061	25 281	-780	-3,0
25	Черноморский	24 944	25 124	+ 180	+ 0,7

Рассчитано по: [71; 72; 73; 74].

При этом в большинстве городских округов отмечено увеличение численности избирателей, а в большинстве сельских районов, наоборот, снижение. Максимальный рост зафиксирован в Симферопольском районе (+9,2%), максимальное падение — в Первомайском районе (-3,6%).

В 2016 г. показатели голосования в Крыму и Севастополе были сопоставимы с общероссийскими средними данными, отличаясь от последних не более, чем на пару процентов, что доказывает интеграцию двух регионов в электоральное пространство России.

Явка в Севастополе в 2016 г. была чуть ниже общероссийской (47%), а в Крыму немногим выше (49,1%)⁵. В среднем по РФ в 2016 г. электоральная активность избирателей составила 47,9% (рис. 2.20).

На выборах депутатов ГД РФ в 2021 г. явка избирателей повысилась на 3,8% — до 51,7%⁶. По мнению многих экспертов, повышению электоральной активности способствовал трехдневный формат голосования и возможность дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в отдельных регионах (рис. 2.20).

В Республике Крым в 2021 г. за счет пролонгированного порядка голосования удалось сохранить явку избирателей на уровне предыдущих выборов (49,7%), а в Севастополе, который вошел в список 7 регионов с возможностью дистанционного электронного голосования, явка выросла на 1,9% и составила 48,9%. При этом в обоих регионах показатели электоральной активности не превысили 50%.

В большинстве городских округов Крыма (в 8 из 11) на выборах 2016 г. явка избирателей не превышала 50%. В двух городских округах (Алушта, Армянск) явка избирателей варьировала в пределах от 50 до 60%. Явка свыше 60% в 2016 г. была зафиксирована только в одном городском округе (Красноперекоепск).

В 4-х из 14 сельских районов явка избирателей в 2016 г. не превышала 50%. В трех сельских районах (Первомайском, Раздольненском, Черноморском) на избирательные участки пришли более 60%. В половине сельских районов удельный вес участников голосования варьировал в диапазоне от 50 до 60% (рис. 2.9). Максимальный показатель электоральной активности в 2016 г. среди городских округов Республики Крым зафиксирован в Красноперекоепске (62,3%), среди сельских районов — в Раздольненском (68,2%).

В 2021 г. в подавляющем большинстве городских округов Крыма (в 7 из 11) уровень явки избирателей не превысил 50%. В 4 из 14 сельских районов явка избирателей также не превышала 50%, как и на выборах 2016 г. Число сельских районов, в которых электоральная активность превысила 60%, также осталось на уровне 2016 г., только список таких

⁵ Здесь и далее данные рассчитаны по итогам выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации в Республике Крым и г. Севастополе в 2016 г. [19, 20]

⁶ Здесь и далее данные рассчитаны по итогам выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации в Республике Крым и г. Севастополе в 2021 г. [21, 22]

муниципалитетов изменился — к Черноморскому району в этой группе добавились Советский и Красноперекопский, а в Первомайском и Раздольненском районах электоральная активность упала ниже 50% (рис. 2.9).

Максимальный показатель электоральной активности в 2021 г. среди городских округов Республики Крым зафиксирован в Алуште (57,9%), среди сельских районов — в Черноморском (65,2%).

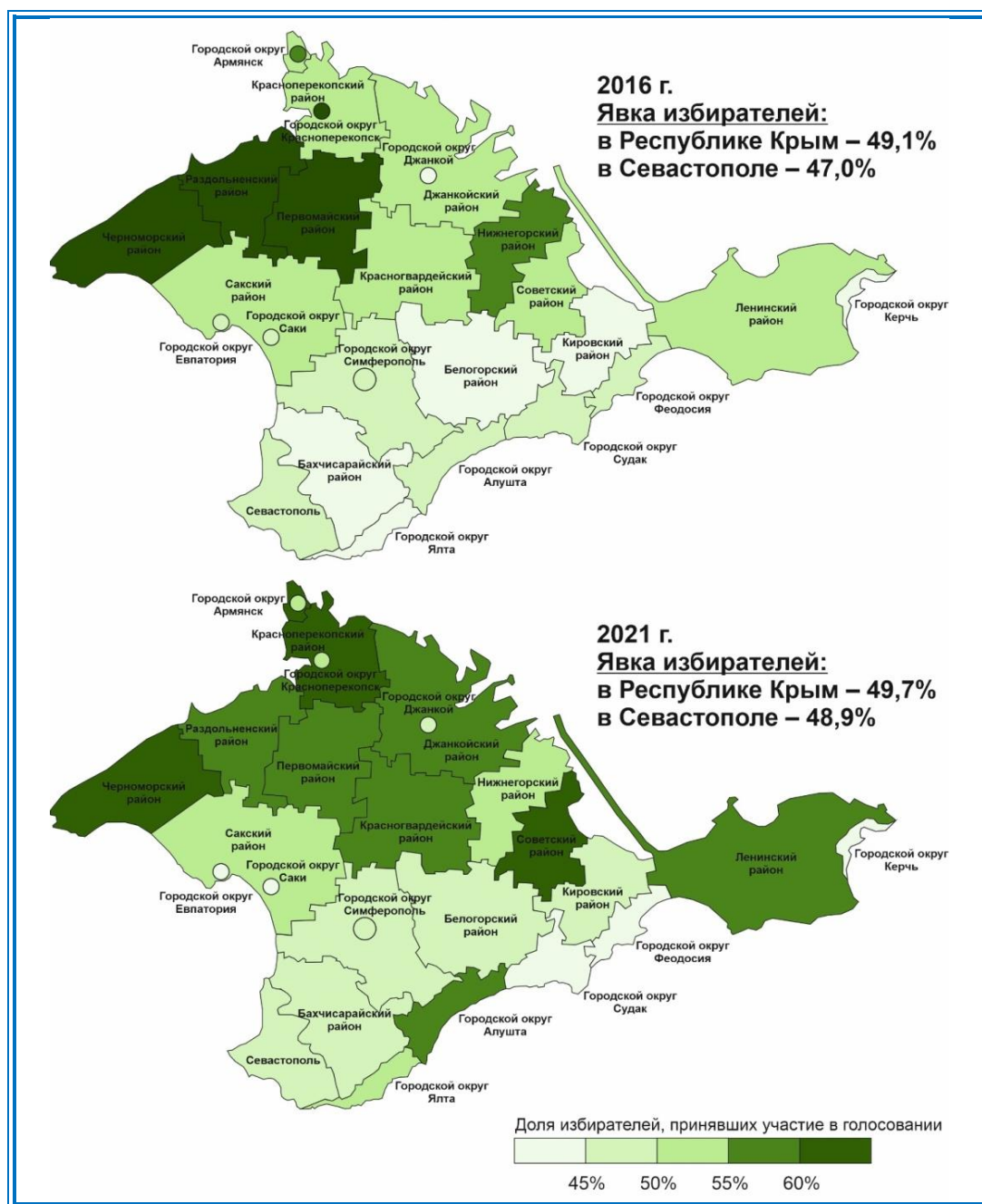

Рис. 2.20. Электоральная активность избирателей Республики Крым и Севастополя на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 и 2021 гг.

Источники: [19; 20; 21; 22].

Сравнение данных по электоральной активности избирателей на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 и 2021 гг. в Республике Крым свидетельствует о снижении показателей явки в большинстве городских округов (в 8 из 11). В большинстве сельских районов (в 9 из 14) в 2021 г. наоборот отмечена положительная динамика электоральной активности (рис. 2.20).

Минимальные показатели отрицательной динамики — менее 1% — отмечены в столице Крыма Симферополе (-0,4%) и Симферопольском районе (-0,2%). Еще в пяти городских округах (в Евпатории, Саках, Судаче и Феодосии) и в двух муниципальных районах (Первомайском и Сакском) явка снизилась менее, чем на 5%. Снижение электоральной активности в 2021 г. в диапазоне от 5 до 10% отмечено в г. Красноперекоск и Нижнегорском районе (рис. 2.9). Максимальный показатель снижения электоральной активности (-11,5%) зафиксирован в Раздольненском районе, в котором на выборах 2016 г. был самый высокий показатель явки избирателей среди всех муниципалитетов Республики Крым.

Следует отметить, что в Крыму на обоих выборах зафиксирован традиционная для России разница в электоральной активности городских и сельских жителей. В сельских районах явка обычно выше, чем в городских.

В 2016 г. явка в сельских районах была выше явки в городских округах на 5,3%, в 2021 г. — на 7,9%. Средний показатель явки в 2016 году в сельских районах составлял 54,1%, а в городских округах — 48,8%. В 2021 г. средний показатель явки в сельских районах составил 55,6%, а в городских — 47,7%. Такая динамика позволяет сделать вывод, что сохранить в 2021 г. в Крыму явку практически на уровне 2016 г. позволила электоральная активность сельских избирателей, показатели явки которых выросли на 1,5%, тогда как в городских округах, наоборот, снизились на 1,1%.

На выборах депутатов Госдумы в 2016 г. более 5% избирателей Республики Крым проголосовали за три партии: «Единую Россию» (72,8%), ЛДПР (11,1%) и КПРФ (5,6%), а в Севастополе — за списки четырех партий: «Единой России» (53,8%), ЛДПР (15,4%), КПРФ (12,1%) и «Справедливой России» (5,1%). При этом иерархия партийных предпочтений в обоих регионах отличалась от средней по РФ и совпадала с субъектами РФ, где 2-е место в партийном рейтинге заняла ЛДПР, а не КПРФ.

В большинстве муниципальных образований Республики Крым (в 18 из 25) в 2016 г. электоральный рейтинг «Единой России» превысил 70%, причем в Первомайском районе — даже 80%, в остальных 7 муниципалитетах за список ЕР проголосовали от 60 до 70% избирателей, принявших участие в выборах (рис. 2.21).

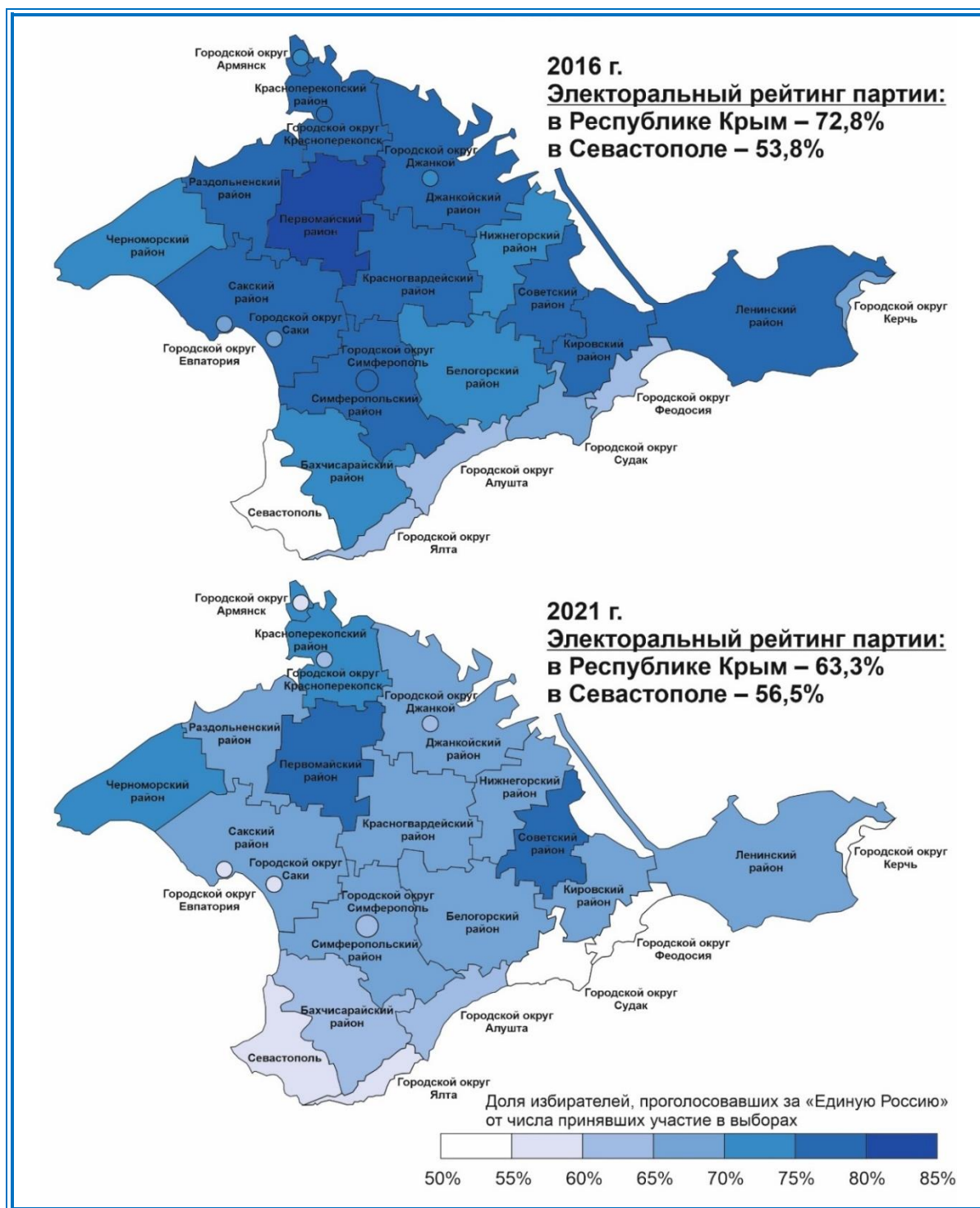

Рис. 2.21. Электоральный рейтинг партии «Единая Россия» в Республике Крым и Севастополе на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 и 2021 гг.

В большинстве городских округов Республики Крым (в 7 из 11) на выборах 2016 г. электоральный рейтинг «Единой России» изменялся в пределах от 60 до 70%, в подавляющем большинстве сельских районов — от 70 до 80%. В одном из сельских районов (Первомайском) был зафиксирован

максимальный показатель партийного рейтинга ЕР — 81,8%. Минимальный показатель электорального рейтинга ЕР на выборах 2016 г. был зафиксирован в Ялте — 62,9%.

Средний уровень электоральной поддержки партийного списка «Единой России» на выборах 2016 г. в городских округах Республики Крым составил 68,8%, в сельских районах — 77,3%.

На выборах 2021 г. аналогичные показатели снизились до 58,0 и 69,3%, соответственно.

В 2021 г. электоральный рейтинг «Единой России» снизился во всех городских округах Республики Крым (в среднем на 10,8%) и почти во всех сельских районах (в среднем на 8%), кроме Советского района, где он вырос на 0,2%.

Максимальное падение партийного рейтинга ЕР среди городских округов зафиксировано в Керчи (-16,4%), среди сельских муниципалитетов — в Джанкойском районе (-12,2%). Максимальное значение электоральной поддержки «Единой России» в Крыму на выборах 2021 г. зафиксировано в Советском районе (76,6%), минимальное — в Феодосии (52,7%).

В большинстве городских округов Республики Крым (в 7 из 11) электоральный рейтинг ЕР на выборах депутатов Госдумы РФ варьировал в диапазоне от 50 до 60%, в большинстве сельских районов — от 60 до 70% (рис. 2.21).

Т а б л и ц а 2.11. Динамика партийного рейтинга «Единой России» на выборах депутатов Государственной Думы РФ в Республике Крым и Севастополе в 2021 г.

	Динамика рейтинга в %			
	до +5	до -5	-5–10	-10–15
Севастополь	+2,7			
Республика Крым			-9,5	
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	4	12	32	52

Рассчитано авторами.

ЛДПР в 2016 г. получила поддержку более 5% избирателей во всех муниципальных образований Республики Крым, при этом почти во всех городских округах (кроме Красноперекоска) за партийный список ЛДПР проголосовали более 10% участников выборов. В подавляющем большинстве сельских районов (в 11 из 14) электоральный рейтинг партии варьировал в пределах от 5 до 10%, в трех районах (Бахчисарайском, Нижнегорском, Симферопольском) — превышал 10% (рис. 2.22).

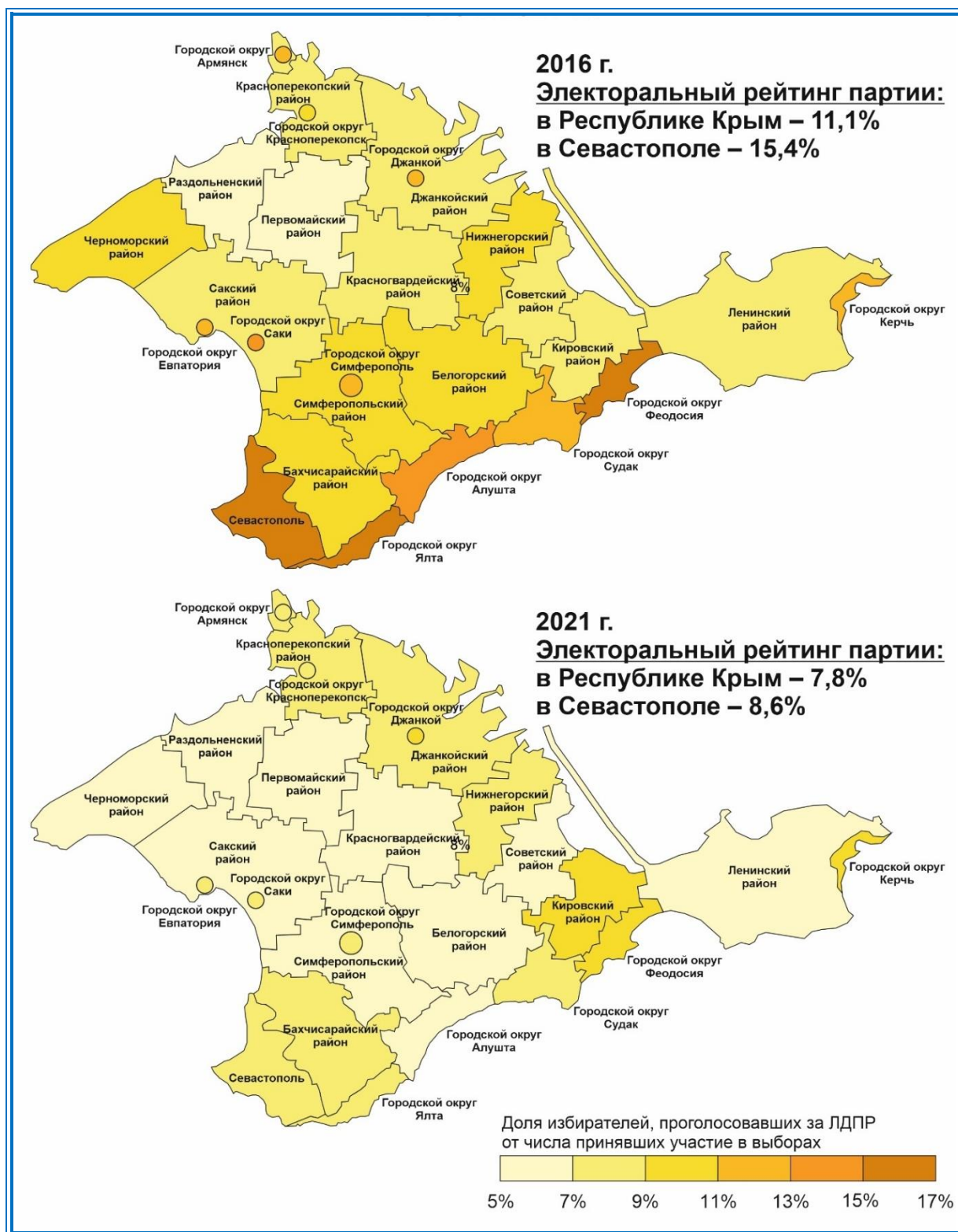

Рис. 2.22. Электоральный рейтинг ЛДПР в Республике Крым и Севастополе на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 и 2021 гг.

В Севастополе партийный рейтинг ЛДПР на выборах 2016 г. составил 15,4%.

Максимальный уровень электоральной поддержки партийного списка ЛДПР в 2016 г. в Республике Крым был зафиксирован в Феодосии (16,2%), минимальный — в Раздольненском районе (6,1%).

Среднее значение электорального рейтинга ЛДПР в городских округах Республики Крым в 2016 г. составляло 13,0%, в сельских районах — 8,5%, в 2021 г. аналогичные показатели снизились до 8,6 и 7,0%, соответственно.

Уровень электоральной поддержки ЛДПР на выборах 2021 г. снизился во всех без исключения городских округах Республики Крым, в среднем на 4,5%, и в большинстве сельских районов (в 12 из 4) в среднем на 1,5%. Исключением из этого правила стали только два муниципальных района (Джанкойский и Кировский), где партийный рейтинг ЛДПР на выборах 2021 г. незначительно, но повысился (на 1,2 и 1,6%, соответственно).

Т а б л и ц а 2.12. Динамика партийного рейтинга ЛДПР на выборах депутатов Государственной Думы РФ в Республике Крым и Севастополе в 2021 г.

	Динамика рейтинга в %		
	до +5	До -5	-5–10
Севастополь			-6,8
Республика Крым		-3,3	
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	8	76	16

Рассчитано авторами.

В большинстве городских округов (в 8 из 11) и во всех сельских районах Республики Крым на выборах 2021 г. электоральный рейтинг ЛДПР изменялся в пределах от 5 до 10%.

Максимальный уровень электоральной поддержки партийного списка ЛДПР в 2021 г. в Республике Крым был зафиксирован в Керчи (10,4%), минимальный — в Первомайском и Раздольненском районах (5,8%).

В Севастополе партийный рейтинг ЛДПР на выборах 2021 г. снизился до 8,6%.

Электоральный рейтинг КПРФ в Республике Крым в 2016 г. на уровне 5% и более зафиксирован во всех городских округах региона и в 2-х из 14 сельских районов (Кировском и Раздольненском). В остальных сельских районах Крыма за партийный список коммунистов проголосовали менее 5% участников выборов (рис. 2.23).

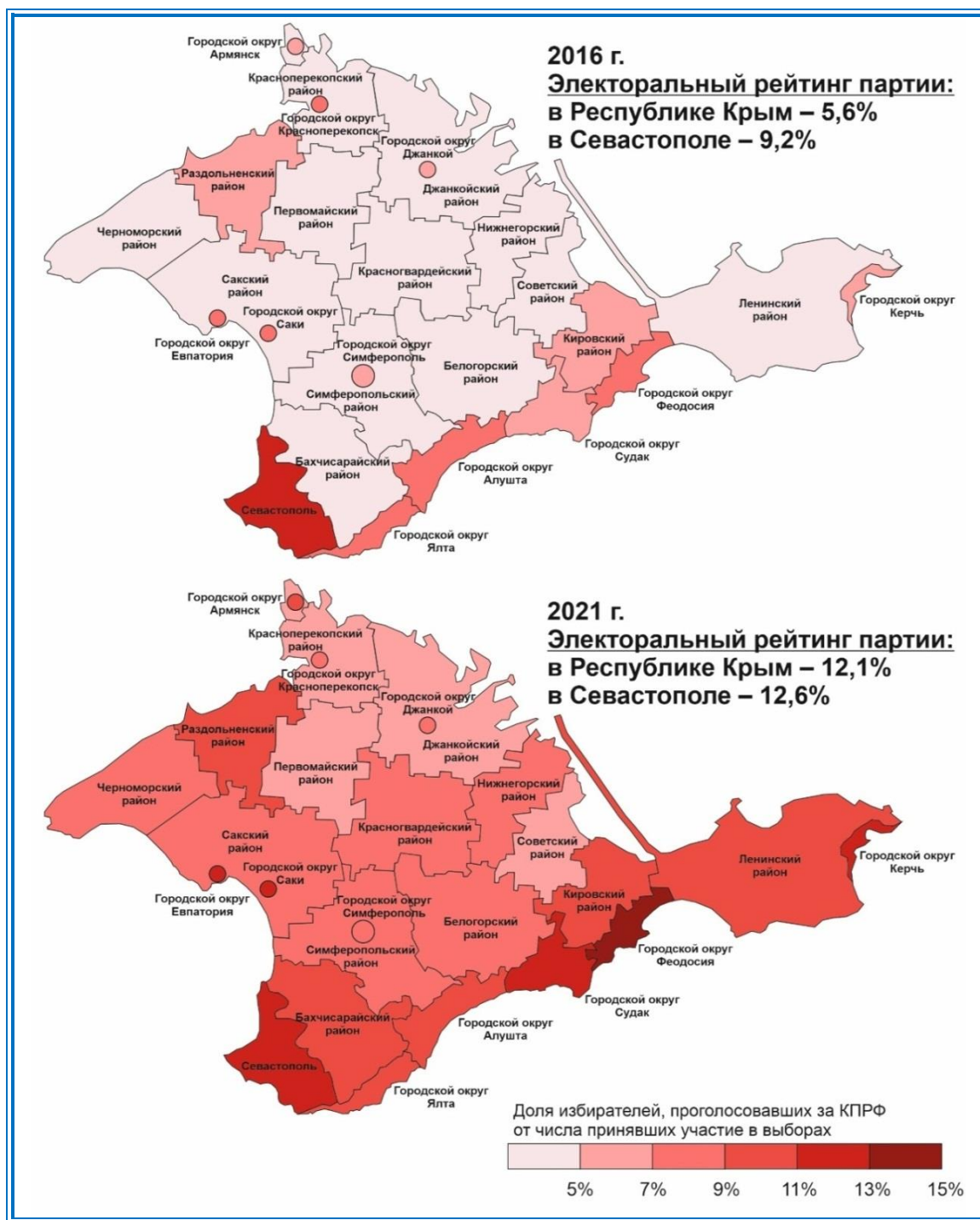

Рис. 2.23. Электоральный рейтинг КПРФ в Республике Крым и Севастополе на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 и 2021 гг.

В Севастополе партийный рейтинг КПРФ на выборах 2016 г. составил 12,1%

Максимальный уровень электоральной поддержки партийного списка КПРФ в 2016 г. в Республике Крым был зафиксирован в г. Саки (8,9%), минимальный — в Первомайском районе (3,6%).

Средний показатель электорального рейтинга КПРФ в городских округах Республики Крым в 2016 г. составлял 6,9%, в сельских районах —

4,4%, в 2021 г. аналогичные показатели повысились до 10,6 и 8,0%, соответственно.

На выборах 2021 г. электоральный рейтинг КПРФ, по сравнению с результатами выборов 2016 г., вырос и в Республике Крым, и в Севастополе.

Уровень электоральной поддержки КПРФ на выборах 2021 г. увеличился практически во всех без исключения сельских районах и почти во всех городских округах Республики Крым (кроме Краснопереконска). Средний рост электоральной поддержки партийного списка коммунистов в городских округах Крыма на выборах 2021 г. составил 3,7%, в сельских районах — 3,6%.

Т а б л и ц а 2.13. Динамика партийного рейтинга КПРФ на выборах депутатов Государственной Думы РФ в Республике Крым и Севастополе в 2021 г.

	Динамика рейтинга в %		
	до -5	до +5	от +5 до +10
Севастополь		+0,5	
Республика Крым		+3,6	
в т.ч. в муниципальных образованиях РК (доля МО в % с указанной динамикой от общего числа МО)	4	72	24

Рассчитано авторами.

В большинстве городских округов (в 8 из 11) и в двух из 14 сельских районов Республики Крым на выборах 2021 г. электоральный рейтинг КПРФ изменялся в пределах от 10 до 20%, в остальных муниципалитетах — от 5 до 10%.

Максимальный уровень электоральной поддержки партийного списка КПРФ в 2021 г. в Республике Крым был зафиксирован в Феодосии (13,1%), минимальный — в Советском районе (5,3%). В Севастополе партийный рейтинг КПРФ на выборах 2021 г. повысился незначительно — на 0,5% (с 12,1 до 12,6%).

В 2016 г. средний уровень электоральной поддержки партийного списка «Справедливой России» в Республике Крым не превысил 5% ни в одном из муниципальных образований, тогда как в Севастополе за список партии проголосовали 5,1% участников выборов.

На выборах 2021 г. электоральный рейтинг «Справедливой России», объединенной с двумя партиями («Патриоты России» и «За правду»), вырос и в Республике Крым (с 2,1 до 5,9%), и в Севастополе (с 5,1 до 7,6%). Более 5% участников выборов проголосовали в 2021 г. за партийный список «Справедливая Россия — За правду» во всех городских округах Республики Крым и в двух сельских районах (Бахчисарайском и Сакском).

Максимальный уровень поддержки партии зафиксирован в городе Саки (9,8%).

На выборах депутатов Госдумы РФ 2021 г. отмечена следующая динамика партийных рейтингов в двух регионах Крымского полуострова. В Республике Крым уровень электоральной поддержки снизился у двух партий: «Единой России» - почти на 10% (с 72,8 до 63,3%) и ЛДПР — на 3,3% (с 11,1 до 7,8%). Электоральный рейтинг остальных парламентских партий повысился: КПРФ — на 3,1% (с 5,6 до 9,2%), «Справедливой России», объединенной с двумя партиями «Патриоты России» и «За правду», — почти в 3 раза (с 2,1 до 5,9%).

В Севастополе на выборах 2021 г. снизился рейтинг только ЛДПР — почти вдвое (с 15,4 до 8,6%). Электоральный рейтинг остальных парламентских партий незначительно, но повысился: «Единой России» — на 2,7% (с 53,8 до 56,5%), КПРФ — на 0,5% (с 12,1 до 12,6%), «эсеров» — на 2,5% (с 5,1 до 7,6%).

В отличие от Республики Крым, в Севастополе более 5% участников выборов проголосовали за партию «Новые люди». В Крыму рейтинг новой партии составил 4,0%, в Севастополе — 5,3%. Таким образом Крым вошел в группу субъектов РФ, где более 5% избирателей в 2021 г. проголосовали за списки только четырех «традиционных» парламентских партий. В эту группу кроме Республики Крым входят еще 8 регионов: Кемеровская, Брянская, Волгоградская, Тюменская, Липецкая и Пензенская области, а также Краснодарский край и Республика Алтай.

Выборы Президента Российской Федерации в Республике Крым и Севастополе. В марте 2018 г. в РФ состоялись очередные президентские выборы, в которых избиратели Республики Крым и Севастополя принимали участие впервые. Исследователи политической системы России отмечают, что президентские выборы для российского социума имеют первостепенное значение [36], чем объясняется и более высокая электоральная активность на выборах главы государства в сравнении с выборами депутатов Государственной Думы РФ (табл. 2.14).

Т а б л и ц а 2.14. Электоральная активность избирателей на выборах депутатов Государственной Думы и Президента РФ

Выборы:	Уровень явки (год)					
	депутатов ГД РФ	64,8% (1995)	61,9% (1999)	55,6% (2003)	63,7% (2007)	60,1% (2011)
Президента РФ	69,4% (1996)	68,7% (2000)	64,4% (2004)	69,8% (2008)	65,3% (2012)	67,5% (2018)

Составлено по: [26].

По мнению экспертов, на электоральную активность избирателей в 2018 году, повлиял Крымский консенсус, связанный с воссоединением

полуострова с Россией, а дополнительным фактором, послужила дата проведения самих выборов, состоявшихся 18 марта — в четвертую годовщину подписания Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [1].

Электоральная активность избирателей на президентских выборах 2018 г. в среднем по России составила 67,54%. Крым и Севастополь вполне прогнозируемо вошли в группу регионов с высокими показателями явки — выше 70%, зафиксированные в более чем трети субъектов Российской Федерации. Среди регионов Южного федерального округа в данную группу вошли Краснодарский край, Республика Адыгея, Республика Крым и Севастополь (табл. 2.15).

Максимальный показатель явки в Крыму в сельской местности зафиксирован в Нижнегорском районе (82,55%), минимальный — в Белогорском районе (63,28%). В городских округах соответствующие рекорды показали Судак (максимум — 79,38%) и Ялта (минимум — 63,95%)⁷.

Среди городских округов Республики Крым явка выше 70% на выборах президента России в 2018 г. зафиксирована в Алуште (78,24%), Красноперекоске (76,35%), г. Саки (71,31%), Симферополе (71,1%), Судаче (79,38%) и Феодосии (70,42%)

Т а б л и ц а 2.15. Электоральная активность на выборах Президента РФ 2018 г. в регионах Южного Федерального округа

	Регионы	Явка
1	Краснодарский край	77,87%
2	Республика Адыгея	74,31%
3	Республика Крым	71,55%
4	Севастополь	71,44%
5	Республика Калмыкия	69,45%
6	Волгоградская область	68,14%
7	Ростовская область	64,77%
8	Астраханская область	60,42%

Составлено по: [25].

На картосхеме, отражающей явку избирателей на полуострове, явно прослеживается пояс электоральной активности, который составляют Черноморский, Раздольненский, Первомайский, Красногвардейский и Нижнегорский районы, где явка превысила 80% (рис. 2.24).

⁷ Здесь и далее данные рассчитаны по итогам выборов Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года в Республике Крым и г. Севастополе [23, 24].

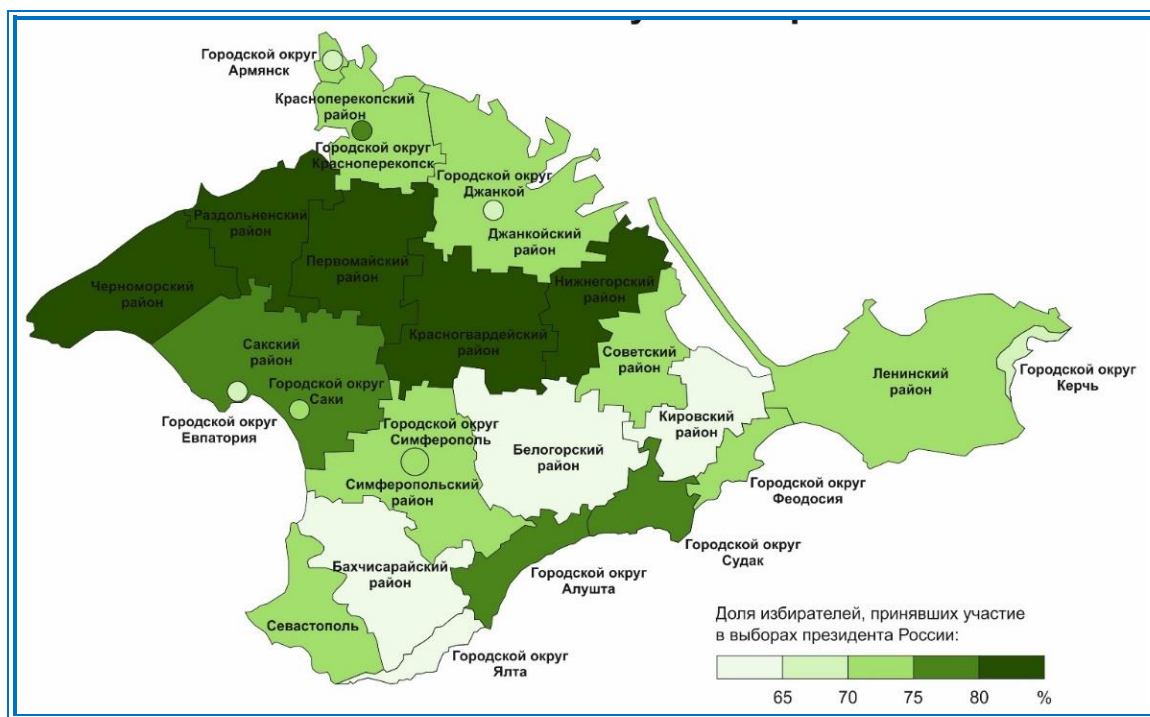

Рис. 2.24. Явка избирателей на выборах президента России в Севастополе и Республике Крым.

Источник: [23; 24].

В список регионов условной электоральной пассивности в Крыму вошли Бахчисарайский, Белогорский и Кировский районы, а также Ялта, где уровень электоральной активности колебался в пределах от 60 до 65%. Но для этих территорий показатели явки свыше 60% — это «их личный своеобразный рекорд», так как на предыдущих выборах депутатов Госдумы РФ именно в этих муниципальных районах и в городском округе Ялта уровень явки был ниже 45%.

В целом по Республике Крым за Владимира Путина проголосовали 92,15%, в Севастополе — 90,19% (в среднем по РФ — 76,69%) (рис. 2.25).

Показатели высокой электоральной поддержки действующего президента (более 90%) вполне объяснимы, т.к. с именем Владимира Путина подавляющее большинство жителей полуострова связывают свое возвращение на Родину.

Максимальные показатели поддержки Владимира Путина среди городских округов Республики Крым отмечены в Джанкое (93,58%), среди сельских территорий — в Симферопольском районе (93,13%). Соответственно минимальные показатели, но также превышающие 90%, зафиксированы в Кировском районе (91,27%) и Ялте (90,09%).

В подавляющем большинстве городских округов Республики Крым (в 7 из 11) электоральная поддержка Владимира Путина на выборах Президента Российской Федерации в 2018 г. превысила 92%, такой же уровень поддержки зафиксирован и в половине муниципальных районов Республики

Крым. Остальных муниципалитетах (в 4-х городских округах и в 7 сельских районах) уровень электоральной поддержки Владимира Путина на выборах 2018 г. варьировал в пределах от 90 до 92% (рис. 2.25).

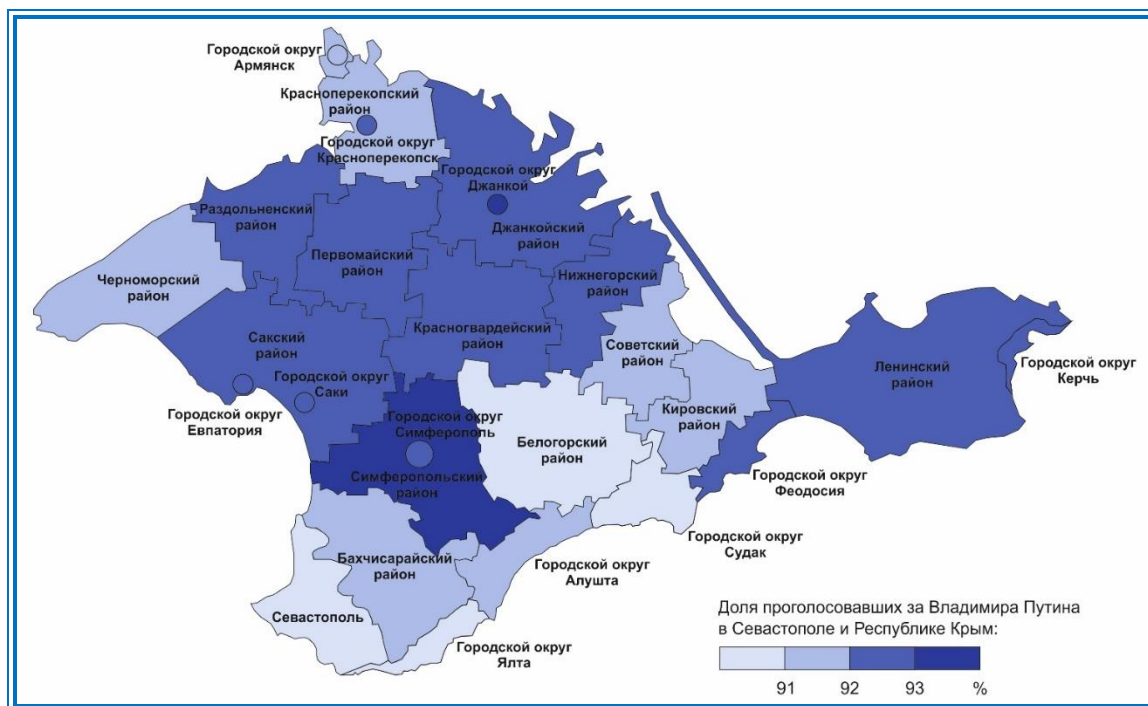

Рис. 2.25. Электоральный рейтинг Владимира Путина в Республике Крым и Севастополе на выборах Президента РФ в 2018 г.

Источник: [23; 24].

География голосования за кандидатов в президенты, получивших 2-е место в рейтинге электоральной поддержки в Севастополе и Республике Крым, не отличается разнообразием (рис. 2.26). Во всех городах, за исключением Джанкоя, «второй утешительный приз» от избирателей получил Павел Грудинин с максимальным показателем в Севастополе — 3,59%. В Республике Крым наибольший удельный вес голосов за Грудинина зафиксирован в Ялте — 2,99%. В целом по Республике Крым у кандидата от КПРФ второй результат поддержки от избирателей зафиксирована в 16 административно-территориальных единицах из 25 при среднем электоральном рейтинге 2,20%.

У Владимира Жириновского второй результат зафиксирован только в Джанкое, с общей электоральной поддержкой в Республике Крым 1,81% и в Севастополе 2,89%. Доля голосов, полученных лидером ЛДПР в Севастополе, является максимальной для полуострова. Максимум голосов за Владимира Жириновского в административно-территориальных единицах Республики Крым отдали избиратели Ялты — 2,61%.

Диапазон электоральной поддержки Ксении Собчак варьирует от минимального показателя в Керчи (0,88%) до максимального — в

Белогорском районе (2,62%). В среднем по Республике Крым электоральный рейтинг Ксении Собчак составил 1,65%, а в Севастополе — 1,27%. В обоих регионах средние значения электоральной поддержки К. Собчак ниже аналогичного общероссийского показателя.

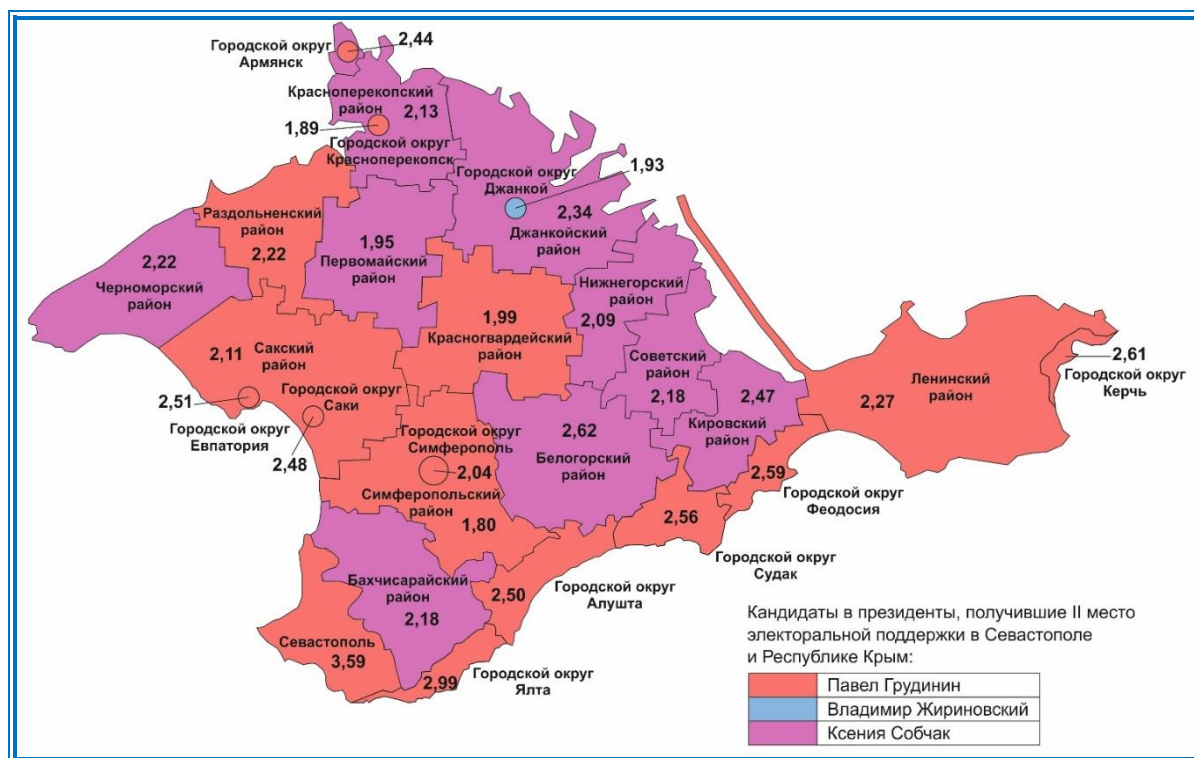

Рис. 2.26. География голосования за кандидатов в президенты, получивших 2-е место в рейтинге электоральной поддержки в Севастополе и Республике Крым, на выборах президента РФ 2018 г.

Источники: [23; 24].

По результатам выборов главы государства 2018 г., Республика Крым и Севастополь вошли в группу субъектов Российской Федерации, где уровень электоральной поддержки Владимира Путина превысил 90%. Кроме Крыма и Севастополя в эту группу в 2018 г. вошли три республики — Республика Дагестан, Чеченская республика и Кабардино-Балкарская республика.

2.4. Рынок труда и качество жизни в Крыму

С 2014 г. в ходе изменений в социально-экономическом развитии Крыма, обусловленных вхождением в 2014 г. в состав Российской Федерации Республики Крым и города Севастополь, произошли значительные политические, экономические, социальные и культурные трансформации в жизни общества. Новые условия стали фактором динамического развития рынка труда и изменения качества жизни населения полуострова.

Республика Крым и город Севастополь демонстрируют динамическое развитие рынка труда в новых политических и социально-экономических

условиях [52]. Существенно изменилось влияние системы региональных факторов формирования трудовых взаимоотношений, сказываются и общероссийские тенденции.

Формирование рынка труда Республики Крым и города Севастополь в современных условиях обусловлено целым комплексом факторов: демографическими, социальными, политическими, культурными и экономическими, и другими.

В 2020 г. численность рабочей силы по Крыму составила 925,3 тыс. чел., среди которых 866,8 тыс. чел. являются занятыми, 58,5 тыс. отнесены к безработным.

По данным Государственного комитета статистики в 2020 г. уровень участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в %) составил 59,2%.

Уровень занятости (отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах) сформировался на уровне 55,5%.

Начиная с 2014 г. на фоне сокращения трудовых ресурсов, сокращался и уровень безработицы. Но в 2020 г., из-за экономических трудностей, вызванных коронавирусными ограничениями, вновь наблюдался рост данного показателя [67].

С момента начала наблюдений (2010 г.) произошли существенные структурные изменения на рынке труда Крыма. Практически во всех регионах вследствие характерных для региона демографических процессов (отрицательные естественный прирост, старение населения и др.) сократилось количество трудовых ресурсов и занятых на 1 000 чел. населения.

Традиционно более высок спрос на рабочую силу в крупных и приморских городах Республики Крым и городе Севастополе.

Практически во всех муниципальных образованиях после 2014 г. численность принятых на работу, увеличилась по сравнению с количеством выбывших, исключение составили города Симферополь, Ялта, Алушта и Керчь, где доля выбывших незначительно преобладает.

В крымских городах преобладает население, занятое в здравоохранении и предоставлении социальных услуг, образовании и государственном управлении (рис. 2.27).

В настоящее время к основным проблемам развития рынка труда на полуострове можно отнести: сокращение трудовых ресурсов, вследствие депопуляционных процессов, занятость населения в «сером» секторе экономики, сложности трудоустройства для определенных групп населения, диспропорции в структуре занятости населения, слабую эффективность работы государственных служб занятости.

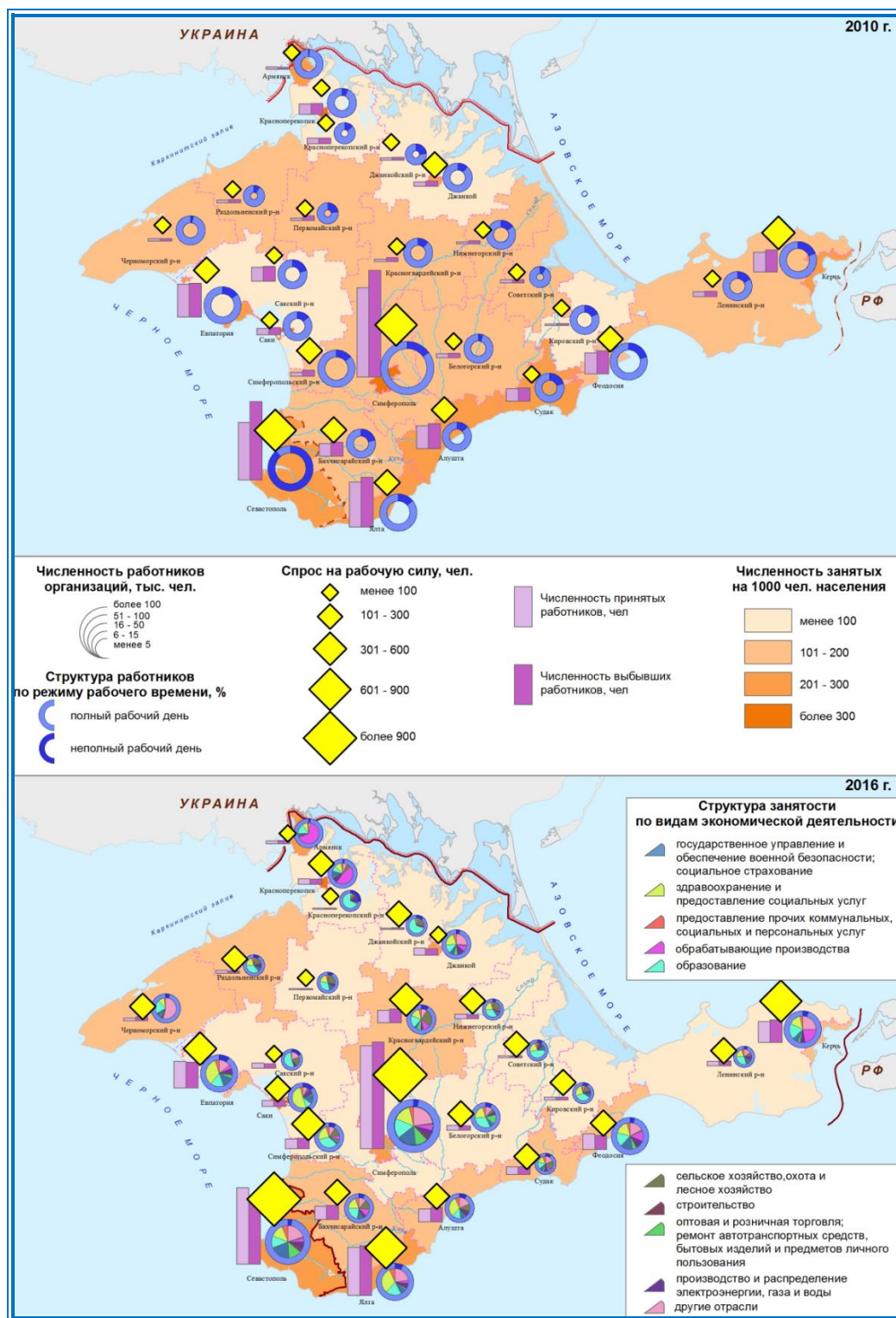

Рис.2.27. Структура изменения занятости населения в Республике Крым и г. Севастополь, 2010–2016 гг.

Источник: [67].

Безработица является одной из важнейших макроэкономических проблем и характеристик рынка труда в Крыму. Уровень безработицы в 2020 году составил 6,3%, повысившись более чем на 1% вследствие спада

экономического развития из-за ограничений, связанных преимущественно с распространением коронавирусной инфекции.

В целом до начала 2019 г. количество безработных сокращалось во всех районах и городах Крыма. С 2010 г. максимальное количество безработных регистрировалось в 2013 году. Минимальный уровень безработицы характерен для городов Симферополь и Севастополь, а также для Симферопольского района. Наивысший уровень безработицы регистрируется в северо-западных районах полуострова, ввиду социально-экономических проблем в этих районах: неблагоприятные трансформационные процессы в сельском хозяйстве, упадок промышленного производства, демографические проблемы (рис. 2.28).

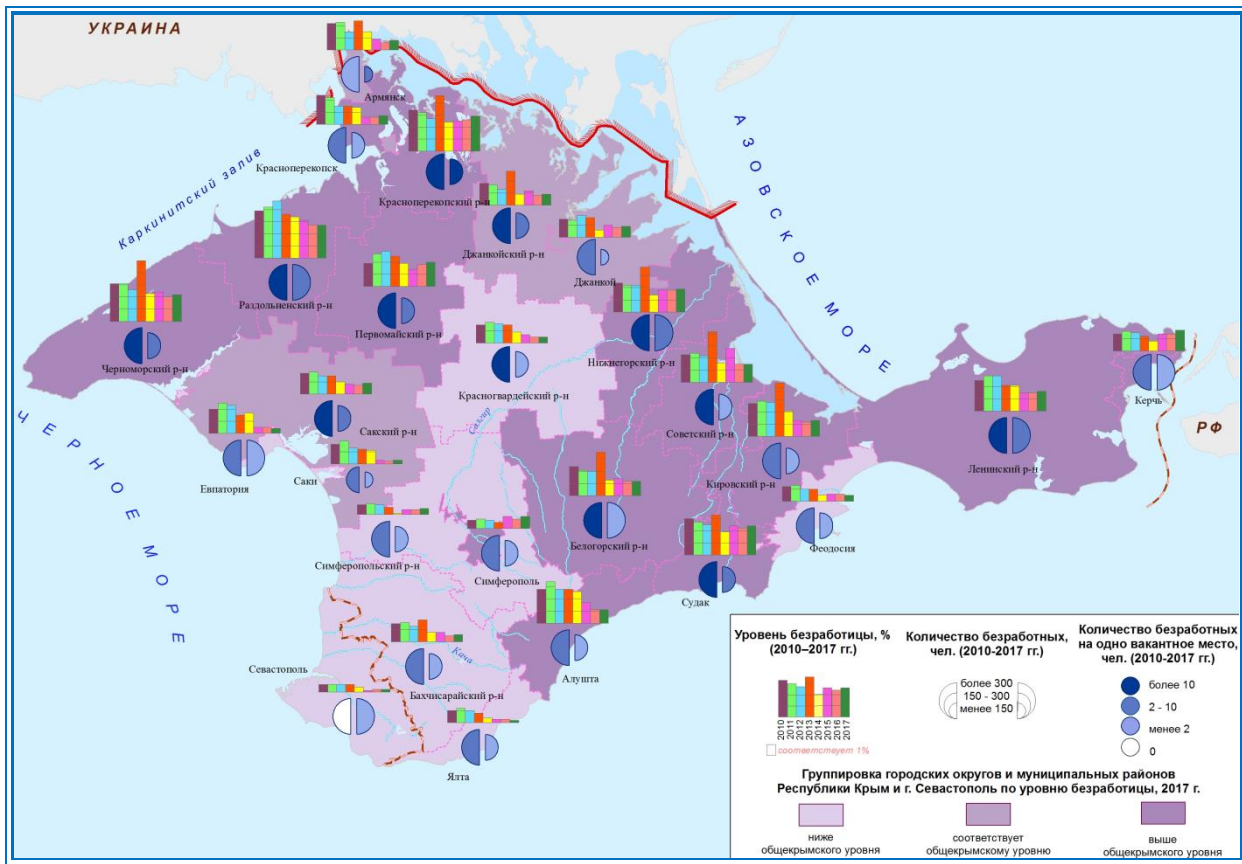

Рис. 2.28 Динамика уровня безработицы в Республике Крым и г. Севастополь, 2010–2017 гг.

Источник: [67].

Потребность в трудовых ресурсах в Республике Крым и городе Севастополь испытывают рабочие профессии, также ощущается острая нехватка врачей и медицинских сестер. Кроме того, недостаточно обеспечена кадрами сфера обслуживания: требуются продавцы продовольственных и непродовольственных товаров, повара, горничные, официанты (в особенности в период курортного сезона в Крыму) [9].

Для предотвращения социальных и экономических последствий безработицы в Республике Крым разработана Государственная программа труда и занятости населения. Мероприятия программы позволяют создать условия для трудоустройства безработных и их социальной защиты; осуществлять выплату пособия; осуществлять обучение новым профессиям, переподготовку и повышение квалификации работника; проводить ярмарки вакансий; стимулировать работодателей на создание новых рабочих мест. Также в регионе существует специальная программа поддержки малого предпринимательства. Данная программа направлена на оказание помощи в открытии собственного дела, с этой же целью выдаются и льготные банковские кредиты [5].

Эффективное развитие и функционирование рынка труда в Крыму является важнейшей элементом в формировании качества жизни и борьбе с бедностью населения. Президент Российской Федерации В. В. Путин на совещании с правительством назвал бедность, проблемы с здравоохранением и образованием главными врагами России [14].

В условиях социокультурной трансформации общественной системы Крыма бедность населения, понимаемая как проявление социального неравенства на различных иерархических уровнях территориальной организации общества, также имеет проявленность в регионе. Как фактор социальной напряжённости бедность может сохраняться и воспроизводиться в различных районах Крыма вопреки высокому уровню их экономического благополучия.

До 2014 года Республика Крым относилась к регионам Украины с ярко выраженным социальным неравенством. Несмотря на интенсивные социально-экономические преобразования, Республика Крым остается регионом России с очень низким финансовым благополучием населения. В 2020 году Республика Крым занимала 78 место среди субъектов Российской Федерации по уровню покупательной способности населения. Преломление сложившейся ситуации — сложный и длительный процесс. Существенным препятствием в преодолении бедности является традиционная сезонность в занятости жителей Крыма, что особенно сказывается в сельских и приморских районах. Наиболее остро проблема бедности стоит в сельской местности полуострова.

Проблемы развития рынка труда, распространения безработицы и бедности среди населения во многом формируют качество жизни крымчан.

Географическая интерпретация качества жизни основана на представлении о территориальных системах жизнедеятельности или социально-географическом пространстве, представляющим собой специфическое территориальное сочетание факторов и условий политической, природной, социальной, экономической, экологической сред, определяющих условия жизнедеятельности и формирования у человека представлений о качестве жизни [37].

Кроме характеристик качества жизни населения, обусловленных особенностями рынка труда на полуострове, стоит остановиться и на других характеристиках, таких, как миграционный прирост, жилищные условия, социальные гарантии, распространение асоциальных явлений, экологическая нагрузка и другие (рис. 29).

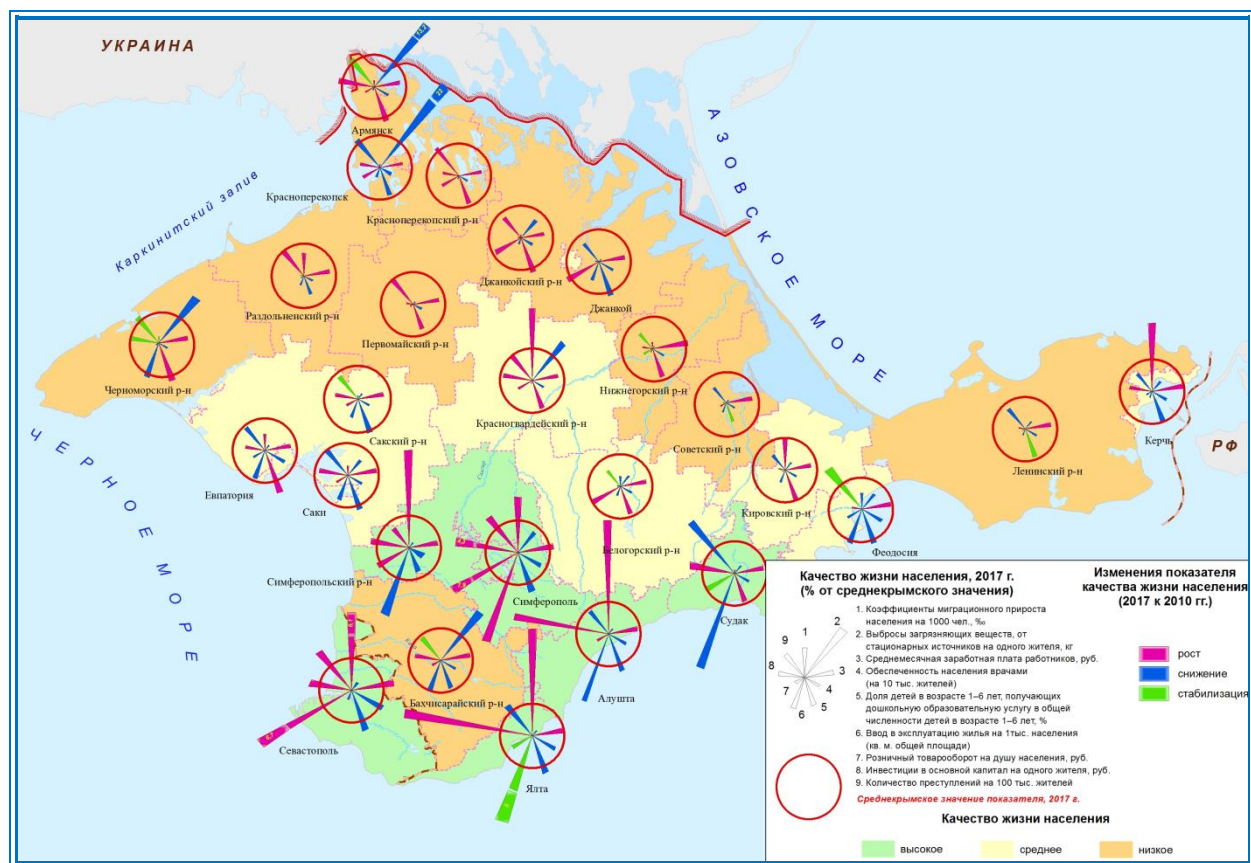

Рис.29. Качество жизни населения в Республике Крым и г. Севастополь.
Источник: [3].

Коэффициент миграционного прироста в Крыму имеет положительные значения, несмотря на некоторое сокращение в 2020 г., вследствие коронавирусных ограничений. В городские округа Симферополь, Севастополь, Ялта, Алушта и Керчь ежегодно прибывает наибольшее количество мигрантов, среди районов Республики Крым, а среднекрымские значения миграционного прироста превышены только в Симферопольском и Красногвардейском районах. Данный показатель является важным индикатором в оценке качества жизни населения и тесно взаимосвязан с другими экономическими индикаторами: в частности, среднемесячной заработной платой работников, которая также наиболее высока в перечисленных муниципальных образованиях Крыма.

Среднемесячная заработная плата в Республике Крым и городе Севастополе не имеет значительных контрастов в зависимости от муниципального образования: в 2020 г. среднемесячная заработная плата в

Крыму составила 34 180 руб., ежегодно этот показатель увеличивается на 10–15%, однако остается ниже среднероссийского уровня и среднего показателя в Южном федеральном округе, что негативно сказывается на уровне качества жизни.

От уровня зарплат напрямую зависит покупательная способность населения, которая, в свою очередь, также ниже среднероссийской. В крупных городах Крыма ежегодно возрастает розничный товарооборот в расчёте на душу населения. Его наиболее высокие показатели, превышающие среднекрымские, фиксируются в крупных городах — Симферополь и Севастополь. Высока покупательная способность населения в приморских центрах: Ялте, Алуште и Судак. Здесь подобное явление связано со сложностью дифференциации объемов розничного товарооборота между местным населением и приехавшим на отдых, поэтому показатель нельзя считать репрезентативным. Наименьшую покупательную способность имеет население степных районов Крыма.

Социальная составляющая качества жизни населения Республики Крым и города Севастополь, также отличается неоднородностью. Одним из наиболее критичных факторов социальной составляющей качества жизни крымчан стала обеспеченность населения врачами и другим медицинским персоналом. В Республике Крым в 2020 г. не хватало более чем 2 000 врачей и среднего медицинского персонала. При этом нехватка ощущается практически во всех районах полуострова и ежегодно обостряется: по сравнению с 2010 г. во всех муниципальных образованиях Крыма произошло сокращение обеспеченности населения медработниками.

Благодаря государственным социальным инициативам ежегодно увеличивается количество дошкольных образовательных учреждений, но доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольные образовательные услуги, по сравнению с 2010 годом, значительно увеличилась только в сельской местности. В крымских городах в связи с некоторым ростом рождаемости за последние пять лет и миграционным притоком населения, показатель охваченности детей дошкольными услугами до сих пор не стал удовлетворительным, хотя и превысил количественно среднекрымские показатели.

В исследовании качества жизни населения немаловажны показатели развития общества, которые часто интерпретируются со знаком минус. В число подобных характеристик общества относят распространение преступности, алкоголизма и наркомании среди населения.

В последнее десятилетие в Крыму постепенно уменьшается уровень общей преступности, однако, в крупных городах — Симферополе и Севастополе, —несмотря на некоторое снижение уровня преступности до сих пор этот показатель сохраняет значение выше среднекрымского. Преступность в городах Крыма традиционно характеризуется более высоким уровнем, чем в сельской местности, что во многом обусловлено особенностями городского образа жизни населения.

Увеличение обеспеченности населения жилым фондом произошло в городских округах: Джанкой и Феодосия, а также муниципальных районах: Красногвардейском, Красноперекопском, Нижнегорском, Первомайском, Раздольненском, Сакском и Советском. Причин для этого несколько: во-первых, выросло строительство домов за счет средств собственников, во-вторых, изменилась структура расселения населения. Если в 2010 г. север и северо-восток полуострова были достаточно оживленной в транспортно-экономическом отношении частью полуострова (через эти территории проходили основные общегосударственные магистрали, соединявшие Крым с материковой частью Украины), то в связи с изменением политической обстановки северные районы Крыма замедлили своё экономическое развитие, одним из следствий которого стал отток населения.

Жилищное строительство в последнее время ведется во всех муниципальных образованиях Крыма, кроме Первомайского района. Лидерами по вводу в эксплуатацию жилых домов являются городские округа: Симферополь, Евпатория, Ялта, Алушта, Керчь и Симферопольский район. Лидирующие позиции этих административных единиц связаны с их привлекательностью для населения из других субъектов Российской Федерации. Ввод в эксплуатацию жилых домов происходит за счет собственных и заемных средств населения Крыма, поскольку бóльшая часть строительных предприятий представлена частными строительными компаниями. Строительство за счет средств государственного бюджета производится только в городских округах Симферополя, Феодосии и Ленинского муниципального района. По показателю ввода в эксплуатацию жилья из расчета на 1 тыс. чел. населения выделяются городские округа Ялты и Алушты, что связано с развитием туристско-рекреационной сферы в пределах данных территорий.

К 2020 г., по сравнению с 2010 г., практически во всех муниципальных образованиях Крыма возросли площади домохозяйств, оборудованных водоотводом и канализацией, отоплением и горячим водоснабжением, ваннами или душем.

Наиболее высокие показатели развитости жилищной инфраструктуры имеют такие городские округа, как Симферополь, Ялта и Евпатория, а также Симферопольский район. Наиболее низкие показатели характерны для городского округа Судак и Белогорского района.

Наиболее острыми проблемами в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг в Крыму следует считать: ежегодный рост тарифов, увеличение доли ветхого и аварийного жилья в структуре жилищного фонда региона, низкое качество предоставляемых услуг, кадровое обеспечение сферы жилищно-коммунального хозяйства.

Состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры Крыма характеризуется высоким уровнем износа, низкими коэффициентами полезного действия, большими потерями ресурсов, что в свою очередь, служит сдерживающим фактором для развития региона в целом. Актуальной проблемой для крымчан стал износ жилищных фондов. По состоянию на 2016 г. высокий удельный вес ветхого и аварийного жилья наблюдался в

следующих городских округах: Симферополь — 9,9%, Саки — 3,9%, Ялта — 2,1% и Черноморский район — 3,1% от всего жилого фонда. Сложнее ситуация обстоит с износом инфраструктуры ЖКХ: аварийность тепловых сетей составляет 87%, сетей водоснабжения — 60%, водоотведения — 63% [67]. Однако засушливые периоды 2020–2021 гг. позволили переломить ситуацию с изношенностью систем водоснабжения, особенно в городах. За счет средств федерального бюджета начата реализация Комплексного плана по обеспечению надежного водоснабжения Республики Крым и города Севастополя, принятого Правительством Российской Федерации в октябре 2020 г. В рамках данного плана предусмотрена и замена изношенных систем водоснабжения.

Основные показатели качества жизни населения в Крыму имеют в целом положительную динамику изменений, однако не всегда достигают среднероссийского уровня. Республика Крым и город Севастополь характеризуются низкой покупательной способностью населения и обеспеченностью его жильем, по сравнению с другими субъектами Российской Федерации. Выше среднероссийского в Крыму лишь показатель обеспеченности населения педагогами и медиками. Среди субъектов Южного федерального округа в 2019 г. Республика Крым занимала 7 место по суммарному значению основных показателей, характеризующих качество жизни населения, а город Севастополь напротив имеет достаточно благоприятную позицию, находясь на 3 месте упомянутого рейтинга [45].

Таким образом, улучшение качества жизни населения и дальнейшее развитие рынка труда в Крыму является одной из первоочередных задач в социально-экономическом развитии полуострова. Необходимо эффективно использовать потенциальные возможности Крымского региона посредством разработки и реализации стратегий его развития, способствующих сглаживанию диспропорций и отставанию от других территорий Юга России.

2.5. Крымский рынок недвижимости

Рынок недвижимости является чрезвычайно значимым социально-экономическим сектором экономики, так как жилье — это главная материальная ценность людей. Развитие рынка недвижимости оказывает существенное влияние на экономическое состояние региона. Многочисленные проблемы этого рынка неразрешимы без их пространственного понимания и регулирования. Рынок недвижимости Крыма имеет особую территориальную структуру, которая определяется рекреационной спецификой региона.

В многочисленных исследованиях рынка недвижимости сформировалось множество подходов к выяснению его сущности. Рынок недвижимости определялся как сфера вложения капитала, как определенный набор механизмов, посредством которых передаются права на собственность, как институт осуществления контакта между продавцами и покупателями. Для общественно-географического изучения рынка недвижимости наиболее важна его пространственная сущность.

Согласно мнению Д. Л. Волкова, *рынок недвижимости* следует понимать как «экономико-правовое пространство, в котором происходит взаимодействие между спросом и предложением всех имеющихся на данный момент времени покупателей и продавцов недвижимости и где осуществляется совокупность всех текущих операций с ней» [11].

А. Н. Асаул выделяет основные структурные элемента рынка недвижимости, имеющие пространственно-определенный характер: объекты недвижимости; субъекты и инфраструктура рынка [2].

Рынок жилья является наиболее социально значимым сегментом рынка недвижимости. На территории любого региона рынок недвижимости и жилья формируют территориальную систему. Под *территориальной системой рынка жилой недвижимости* следует понимать комплексную общественную геосистему, состоящую из локализованных в пространстве объектов жилой недвижимости, а также профессиональных и непрофессиональных субъектов, объединенных различными связями, главной системообразующей целью которой является обеспечение процессов производства, использования и обмена жилого недвижимого имущества.

Важной задачей маркетингово-географических исследований является определение факторов, влияющих на рынок недвижимости. Пространственная структура рынка жилой недвижимости региона зависит от географической дифференциации основных рыночных параметров: спроса, предложения и цен. Данные параметры являются определяющими элементами любого рыночного механизма.

Особый интерес представляют группы факторов, определяющих ценообразование и функционирование рынка жилья в пределах Крыма как курортного региона [28]. В схеме представлены группы общих факторов, влияющих на рынок жилой недвижимости в Крыму (рис. 2.31).

Особенностью рекреационных регионов является специфика территориальной структуры рыночного механизма, выраженная в зависимости его элементов от рекреационно-географического положения.

Первично в территориальной системе рынка жилой недвижимости должен исследоваться жилищный фонд, поскольку именно этот товар определяет географическую специфику системы и сосредотачивает вокруг неё остальные элементы.

В Крыму более 70% жилого фонда приходится на городские населенные пункты. Удельный вес городского фонда жилой недвижимости постоянно увеличивается, что обусловлено развитием процесса урбанизации. Из административных регионов Крыма наибольший объем жилого фонда приходится на 3 больших города — Севастополь, Симферополь, Керчь, несмотря на небольшую площадь данных территориальных единиц (занимают соответственно 15, 22 и 21 места по площади территории среди районов и городских округов Крыма). Минимальная площадь жилого фонда приходится на Сакский и Судакский городские округа и Красноперекоский муниципальный район.

Рис. 2.31. Факторы развития рынка жилой недвижимости в Крыму (Гуров С. А., 2021)

Средняя общая плотность жилого фонда в Крыму (объём жилого фонда, разделённый на площадь территории) составляет около 18 м²/га. Максимальный показатель отмечается в Симферополе, где на 1 га приходится около 800 м² общей площади жилой недвижимости, что объясняется большим удельным весом земель, выделенных в городе под жилищную застройку, его столичным статусом, быстрыми темпами развития социальной инфраструктуры. Минимальная плотность жилой недвижимости (менее 5 м²/га) фиксируется в районах Северо-Западного Крыма (Краснопереконский, Первомайский, Черноморский). Данная тенденция иллюстрирует диспропорции не только рынка недвижимости, но и хозяйственного освоения полуострова.

Преобладающим типом жилой недвижимости в Крыму являются двухкомнатные квартиры. Такая особенность жилфонда является следствием советской, нерыночной специфики застройки, ориентированной не на покупку, а на потребление. В связи с этим максимальный удельный вес однокомнатных квартир локализован в тех территориальных единицах, где наиболее динамично перестраивается рынок недвижимости. В число таких административных единиц в Крыму вошли курортные районы — Южный Берег Крыма (ЮБК), города Евпатория и Саки. Причем, наибольшая доля однокомнатных квартир — в Ялте, где их почти половина от объёма предложения.

В Крыму имеются две четко выраженные зоны локализации жилищного фонда по времени его постройки:

1. Южная зона — от г. Севастополь до г. Феодосия, с максимальным удельным весом жилфонда, построенного до 1960-х годов;

2. Северная зона — занимает оставшуюся к северу от Южнобережья часть Крымского региона, застраивалась в основном начиная с первого поколения индустриального домостроения.

Большинство домохозяйств Крыма проживает в отдельных квартирах многоквартирных домов, причём, почти половина семей в Крыму проживает в двухкомнатных квартирах.

Традиционно высокими абсолютными показателями жилищного строительства выделяются города Севастополь и Симферополь, а также Южнобережье.

По вводу общей площади жилых домов на единицу населения в 2019 г. лидирующим субъектом Южного федерального округа (ЮФО) стал г. Севастополь — 1 275 м² на 1 000 человек. Это второе место по Российской Федерации после Ленинградской области. Республика Крым (РК) отстаёт по этому показателю даже от среднего по ЮФО (418 м²). По вводу в действие квартир ситуация аналогичная — 14 введённых квартир на 1 000 человек в Севастополе и всего 4,2 — в РК. Благоприятной тенденцией является то, что с 2015 по 2019 год количество вводимых квартир на единицу населения и в РК, и в Севастополе увеличилось приблизительно в 3,5 раза (рис. 2.32).

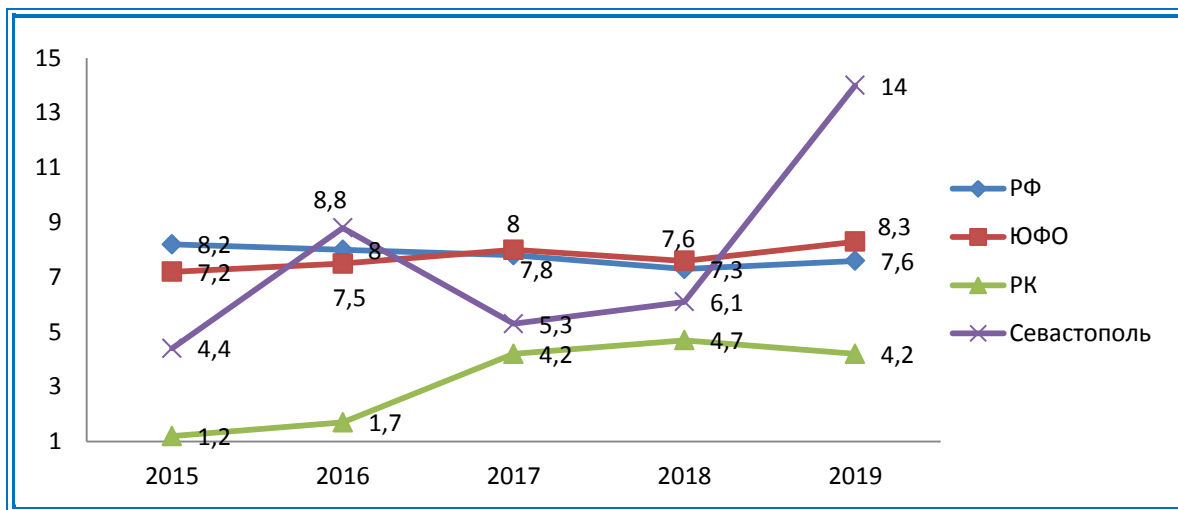

Рис. 2.32. Ввод в действие квартир на 1 000 человек населения.

Источник: [55].

Жилищное строительство в Крыму развито крайне неравномерно. Если в столице Республики и курортных городах ежегодно вводится в эксплуатацию более 0,5 квадратных метров жилья на 1 человека, то в регионах Северного Крыма — менее 0,1 (рис. 2.33).

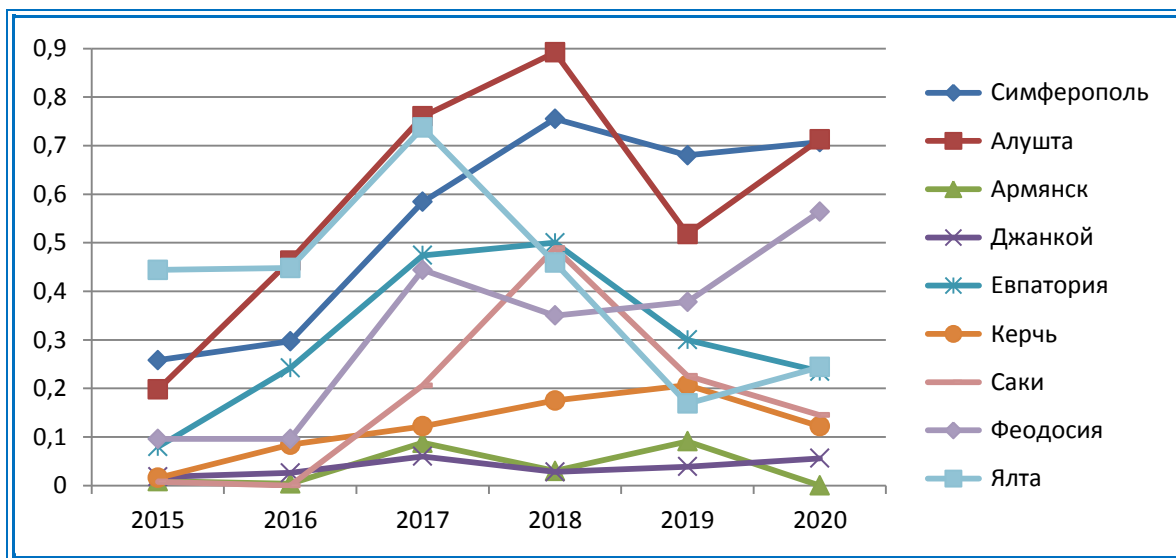

Рис. 2.33. Общая площадь жилых помещений, введенная в действие за год, приходящаяся в среднем на одного жителя в отдельных городах Республики Крым, (кв. метр общей площади).

Источник: [4].

График изменения цен трех развитых городских рынков жилой недвижимости Крыма (г. Ялта, г. Севастополь, г. Симферополь) показывает синхронность изменения цен и их относительно статичного территориального соотношения (рис. 2.34).

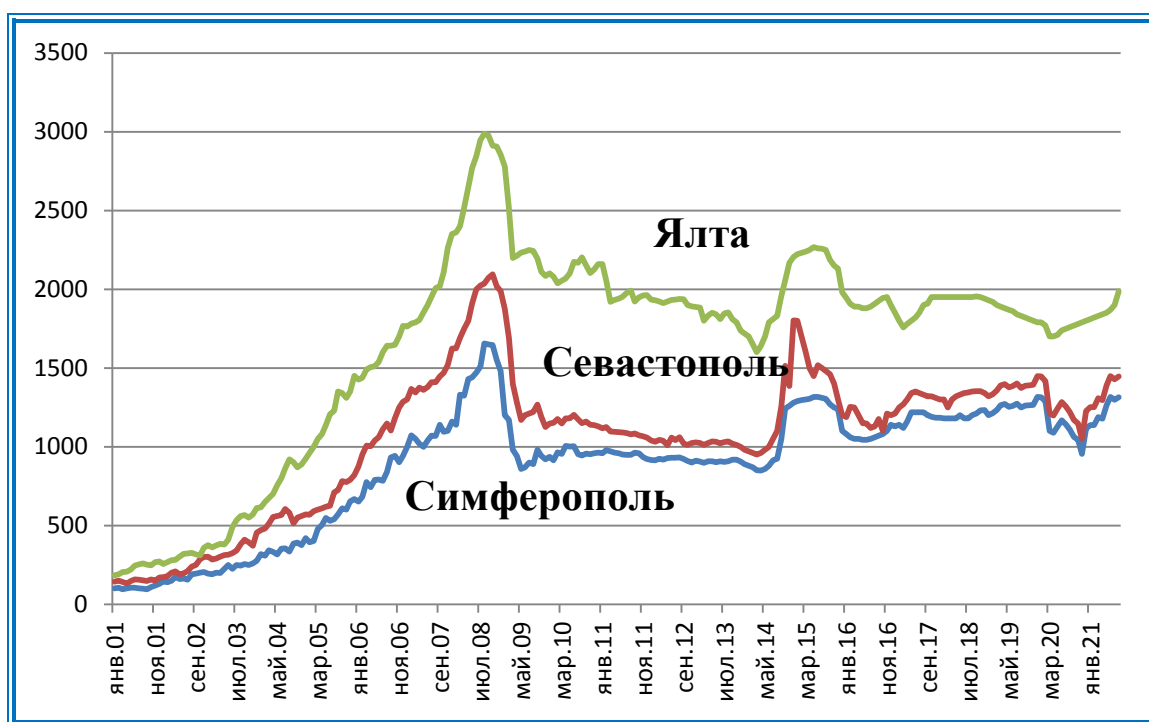

Рис. 2.34. Динамика средних цен за квадратный метр общей площади жилой недвижимости в отдельных городах Крыма за 20 лет, в долларах.

Составлено автором.

Резкий подъем цен на жильё до середины 2008 года был обусловлен глобальными тенденциями в развитии рынка недвижимости. Одной из глобальных тенденций стало резкое повышение цен на недвижимость, получившее в то время название «бум цен», или «мыльные пузыри». Резкое падение цен с середины 2008 до середину 2009 года совпало с мировым экономическим кризисом. Следующий подъём наблюдался с середины 2014 года, когда регионом массово заинтересовались граждане РФ. Небольшой спад наблюдался в 2020 году, что было обусловлено влиянием пандемии на активность рынка. Ценовая ситуация 2020 года представлена в таблице 2.16.

Цены на квартиры в Крыму сильно коррелируют со стоимостью земельных участков под индивидуальное жилищное строительство. Так же как и в других сегментах рынка недвижимости, здесь в 2020 году было зафиксировано снижение стоимости во многих районах республики (от -2 до -11%), кроме южного побережья, где стоимость несколько выросла (на 3–5%) (табл. 2.17).

Цены на жилье в г. Симферополе характеризуются значительной вариацией и зависят от географического положения объекта недвижимости. Отметим, что ареалы средних цен исследовались за пятнадцатилетний период (2006–2021 гг.). Территориальная дифференциация цен в Симферопольском муниципальном районе близка к моноцентрической конфигурации. Цены постепенно уменьшаются с удалением от города.

Т а б л и ц а 2.16. Ценовая ситуация на рынке купли-продажи квартир в крупных городах Республики Крым, на 01.10.2020

Населенный пункт	Средняя стоимость в периферийных районах населенного пункта, руб./м ²	Средняя стоимость в центральных районах населенного пункта, руб./м ²	Среднее значение удельного показателя стоимости, руб./м ²
Симферополь	48 732	98 251	70 138
Ялта	64 670	158 641	104 251
Алушта	44 941	119 208	74 952
Евпатория	43 304	117 327	73 854
Феодосия	40 403	116 997	72 320
Джанкой	32 084	51 464	39 105
Керчь	33 520	85 894	55 351

Составлено по: [49].

Т а б л и ц а 2.17. Ценовая ситуация на рынке купли-продажи земельных участков под индивидуальное жилищное строительство в крупных городах Республики Крым, на 01.10.2020

Населенный пункт	Средняя цена в периферийных районах населенного пункта, руб./сот.	Средняя цена в центральных районах населенного пункта, руб./сот.	Среднее значение удельного показателя стоимости, руб./сот.
Симферополь	343 160	750 653	514 897
Ялта	567 278	1 552 600	1 005 914
Алушта	371 692	876 118	595 265
Евпатория	340 717	731 332	496 254
Феодосия	289 352	698 404	471 503
Джанкой	47 828	135 779	82 209
Керчь	105 523	215 386	152 160

Составлено по: [49].

Изменение цен сильно различается по направлениям автомобильных дорог, ведущих из столицы Крыма в его различные регионы. Так, самый большой ареал относительно высоких для региона цен (более 600 у. е. за м²) за пределами города характерен для концентрации местных рынков жилой недвижимости, расположенных у автотрассы «Симферополь — Алушта». В этом ареале за последние 15 лет цены на жилую недвижимость не опускались ниже указанного уровня. Это обусловлено транспортно-географическим

фактором (регулярное движение общественного транспорта, в т. ч. троллейбусного) и рекреационно-географическим фактором (расположение населенных пунктов у живописных мест Главной гряды Крымских гор, у дороги на ЮБК, являющимся самым престижным и дорогим районом Крыма, возможность сезонной рекреации и др.) В отдельных населенных пунктах у трассы наблюдались цены на уровне периферии города, особенно в сёлах Пионерское и Лозовое.

Максимальные цены в Симферопольском муниципальном районе отмечаются в посёлках Николаевка и Молодежное, с. Мирное. Относительно высокие цены в Николаевке обусловлены его рекреационно-географическим фактором (морское побережье в 40 км от столицы Крыма, что часто используется её жителями для проведения отдыха выходных дней). Посёлок Молодежное и с. Мирное часто рассматриваются как пригороды Симферополя, связанные со столицей автономии регулярным движением общественного транспорта (автобусы и троллейбусы). В Симферопольском муниципальном районе наблюдается значительная территориальная вариация цен. Рыночная стоимость жилой недвижимости в отдельных глубинных населенных пунктах более чем в 3,5 раза ниже, чем в главном курортном центре региона — поселке Николаевка.

Цены на жилую недвижимость в Севастопольском городском округе выше, чем в Симферопольском. Территориальный индекс севастопольских цен на недвижимость стабильно составляет к ценам Симферополя около 1,1. Это обусловлено многими факторами: приморским географическим положением Севастополя, большой концентрацией в его пределах рекреационных ресурсов (главным образом, культурно-исторических), бóльшим количеством, чем в столице РК, мест рекреации, федеральным статусом города и др. В северной части Севастопольского городского округа значительными ценами, близкими к среднему региональному уровню, выделяется курортный центр Кача. Это также обусловлено рекреационно-географическим фактором. В целом территориальная дифференциация цен и развитие рынка жилой недвижимости в Севастопольском регионе характеризуется значительными диспропорциями. Цены в северо-восточной части городского округа более чем в 4 раза ниже цен в микрорайоне Центр, а также на первичном рынке города. В пределах городской черты Севастополя самые низкие цены отмечены нами в микрорайоне Казачка, что связано с периферийным географическим положением (крайняя западная часть города).

Самые высокие цены на недвижимость в Крыму характерны для западной части Южнобережья. Территориальный индекс к ценам Симферополя в Ялтинском городском округе составляет 1,8. Данная особенность проявляется в этом регионе исторически. Высокий уровень цен на жилье в западной части ЮБК отмечался ещё с 1830 до 1840-х годов. В условиях активного рекреационного освоения этого региона с первой половины XIX в. цены на недвижимость в его пределах увеличились

приблизительно в 100 раз и в отдельных районах превзошли цены Санкт-Петербурга [79].

В отдельных населенных пунктах Южнобережья средние цены более, чем в два раза выше, чем в столице РК (Форос, Ялта, Гурзуф, Ливадия). Самые высокие цены на жилую недвижимость в Крыму наблюдаются в посёлке Форос. Это обусловлено большим количеством элитной жилой недвижимости, выставленной на продажу в этом поселке, рекреационно-географическим положением, престижностью и, соответственно, спросом у клиентов с самым высоким уровнем заработка и пропотовистов (людей, которые приобретают вторую недвижимость в Крыму). Средние цены главного центра Южнобережья г. Ялта ниже цен Фороса, что связано с наличием в этом городе большого количества жилья старого фонда. Однако на первичном рынке цены на жилье в Ялте выше, чем в целом по западной части городского округа.

Во всех курортных населенных пунктах Большой Ялты средние цены выше, чем в больших городах — Севастополе и Симферополе, что связано с влиянием всей совокупности рекреационно-географических факторов. Погодно-климатические условия в Ялтинском регионе оцениваются как наиболее благоприятные для проживания. Значительную роль в ценообразовании играет аттрактивность ялтинских ландшафтов. Цены в пределах населенных пунктов Большой Ялты имеют тенденцию к увеличению по мере приближения локализации объекта недвижимости относительно морского побережья.

Средние цены на жилье в Алуштинском городском округе приблизительно соответствуют ценам Симферополя. Однако средние цены в центре городского округа Алушта выше, чем в столице РК. Цены на жилье в Алуштинском регионе имеют тенденцию увеличения с севера на юг. Минимальные цены в горсовете наблюдаются в горных селах, значительно удаленных от моря (с. Лаванда, с. Генеральское).

Территориальная дифференциация цен на жилье в Судакском городском округе во многом сходна с географией цен в районе Алушты. Для региона также характерна тенденция значительного повышения цен с севера на юг, что обусловлено аналогичным по конфигурации приморским географическим положением населённого пункта. Средние цены на недвижимость в Судакском регионе несколько ниже, чем в Алуштинском и Симферопольском городских округах. Аномально высокие цены для данного региона наблюдаются в поселке Новый Свет. Данная аномалия обусловлена, по нашему мнению, брендом, престижностью и большим удельным весом элитного жилья в структуре предложения. Наиболее низкие цены в городском округе наблюдались в его северной части (с. Грушевка, с. Переваловка и др.), наиболее удаленной от морского побережья. В целом Судакский субрегиональный рынок жилой недвижимости характеризуется самой большой амплитудой цен.

Самые низкие средние цены на жилую недвижимость на ЮБК наблюдаются в Феодосийском городском округе. Таким образом, для рынка ЮБК характерна пространственная тенденция уменьшения средних цен с запада на восток. Наиболее высокие цены на жильё отмечены в Феодосийском городском округе для поселка Коктебель и приморской части Феодосии, что определено их рекреационно-географическим положением. В этом регионе цены на жилую недвижимость плавно снижаются на северо-запад.

В Ленинском муниципальном районе Керченского полуострова средние цены на жилую недвижимость увеличиваются, главным образом, в северном направлении, так как основные рекреационные центры и коммуникации здесь расположены именно в этой части территории. Максимальные цены отмечались в г. Щёлкино, что обусловлено рекреационно-географическим положением населённого пункта у Азовского моря. В центре района фиксировались более низкие средние цены. Несмотря на то, что г. Керчь по людности относится к большим городам (146,8 тыс. жителей), цены на жильё здесь всегда были существенно ниже, чем в других приморских городах Крыма. Однако, с момента строительства Крымского моста, цены на недвижимость в Керчи значительно увеличились, так как у города появилась функция новых транспортных ворот Крыма. Строительство федеральной трассы «Таврида» повысило топологическую доступность Керчи в пределах Крымского полуострова.

К приморским городским рынкам жилья и большим городам РК также относится г. Евпатория. Как и для всех приморских районов, для этого населённого пункта характерно увеличение средних цен на жильё с приближением к морю. Анализ конъюнктурных особенностей поселков Евпаторийского городского округа показывает определенную зависимость от сезонности не только арендных ставок, но и цен на жилую недвижимость. Территориальный индекс цен горсовета к ценам Симферополя составил около 0,8 в каждый период исследования. Цены на жильё в г. Саки ниже, чем в г. Евпатории приблизительно на 10–15%. Причина в размерах городских рынков недвижимости — Евпатория более чем в 4 раза превосходит Саки по людности. Максимальные цены здесь в районе п. Новофедоровка, а также в с. Прибрежное и с. Фрунзе, что обусловлено их приморским рекреационно-географическим положением. Для Сакского района характерна тенденция увеличения цен с северо-востока на юго-запад.

В Черноморском муниципальном районе цены на жилую недвижимость увеличиваются с востока на запад, достигая максимума в поселке Черноморское. В региональном центре фиксируются высокие для Западного Крыма цены предложения жилья. В Раздольненском районе цены увеличиваются с юга на север, также с приближением к морю.

В других районах Крыма влияние рекреационно-географического фактора на региональном уровне выражено слабо. Для районов Центрального Крыма, особенно его северной части, характерны очень низкие цены (менее

200 у.е./м²), что обусловлено глубинным географическим положением этих территорий. Максимальные цены в этом регионе наблюдаются в административных центрах и населенных пунктах, расположенных вблизи трассы Симферополь — Джанкой. С удалением от нее цены постепенно снижаются.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что главными факторами, определяющими территориальную дифференциацию цен на жилую недвижимость в Крыму в пределах муниципальных районов и городских округов, являются их рекреационно-географическое положение, удаленность от центра и главных автомагистралей.

Конечной целью общественно-географического исследования рынка жилой недвижимости является его географическая сегментация. Оптимальным инструментом географической сегментации оказался итеративный метод группировки k-средних с максимизацией начальных расстояний между кластерами. Используя различные ценовые и инфраструктурные показатели по 26 территориальным единицам, обработанных в программе Statistica, были выделены 8 типов рынков жилья Крыма, которые подразделяются на 16 территориальных систем (сегментов регионального рынка) (рис. 2.35):

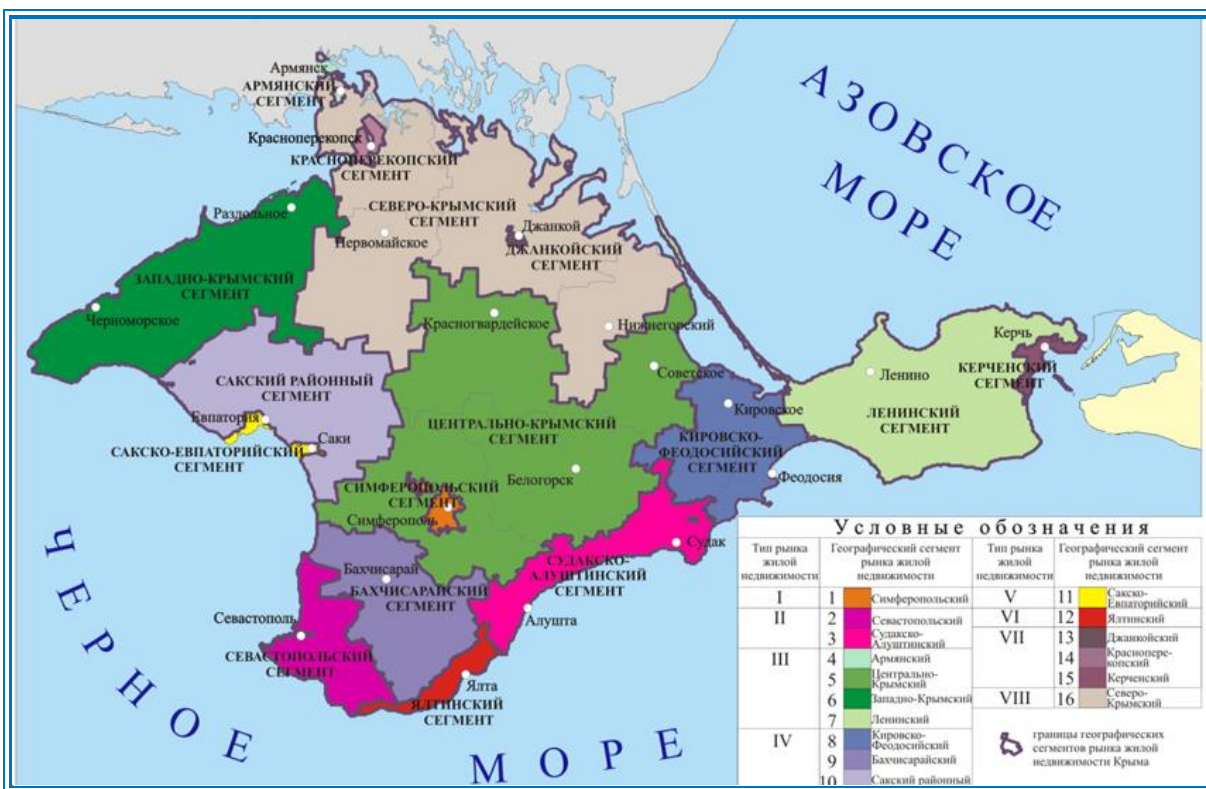

Рис. 2.35. Географическая сегментация рынка жилой недвижимости Крыма.

I. Рынок жилья г. Симферополя определяет формирование единой городской территориальной системы и сегмент рынка Крымского региона:

1. Симферопольский сегмент рынка жилья. Главные особенности: максимальная плотность жилфонда; значительный средний размер квартир; большой удельный вес домов, построенных в 1980-е годы, и максимальная доля современного жилья; развитая строительная инфраструктура.

II. Рынки жилья г. Севастополя, г. Алушты, г. Судака. Общие особенности: высокие цены на жилье; минимальный удельный вес жилья, построенного в 1970-е гг.; максимальные показатели введения жилья в эксплуатацию; средняя плотность жилищного фонда; средняя оснащенность коммуникациями жилья; развитая строительная инфраструктура. По территориальному принципу в этом типе рынка жилья присутствует два сегмента:

1. Севастопольский сегмент рынка жилья. Особенности: высокий коэффициент территориальной локализации жилфонда; максимальный удельный вес квартир с количеством комнат более четырех; максимальная доля т.н. «сталинок».

2. Судакско-Алуштинский сегмент рынка жилья. Особенности: большой удельный вес однокомнатных квартир.

III. Рынки жилья г. Армянска, Белогорского, Красногвардейского, Ленинского, Раздольненского, Симферопольского, Советского, Черноморского районов. Общие особенности: средние или относительно низкие показатели цен на жилье; общей плотности жилфонда; ведения в эксплуатацию жилья. К этому типу мы относим 4 сегмента:

4. Армянский сегмент рынка жилья. Особенности: высокая обеспеченность населения жилфондом; крайне малый удельный вес довоенного жилья; большой удельный вес жилья, построенного в 1970-е годы и в современный период; высокая степень обеспеченности коммуникациями.

5. Центрально-Крымский сегмент рынка жилья (Белогорский, Красногвардейский, Симферопольский, Советский район). Особенности: самая низкая обеспеченность населения жилфондом.

6. Западно-Крымский (Раздольненско-Черноморский) сегмент рынка жилья. Особенности: большой удельный вес т.н. «хрущевки» и ветхого жилфонда; большой удельный вес жилья 3 класса.

7. Ленинский сегмент рынка жилой недвижимости. Особенности: высокая обеспеченность жилфондом; минимальный средний размер жилья; большая доля домов 4 класса.

IV. Рынки жилья г. Феодосии, Кировского, Бахчисарайского, Сакского районов. Общие особенности: средние цены; средняя общая плотность жилфонда; средняя доступность жилья; большие объемы строительства. По территориальному принципу мы выделяем:

8. Кировско-Феодосийский сегмент рынка жилья. Особенности: большой удельный вес «довоенного» жилья; большие показатели введения жилья в эксплуатацию.

9. Бахчисарайский сегмент рынка жилья. Особенности: максимальный средний размер квартир.

10. Сакский районный сегмент рынка жилья. Особенности: очень низкий удельный вес городского жилфонда; также значительный средний размер квартир.

V. Рынки жилья г. Саки и г. Евпатория. Им соответствует:

11. Сакско-Евпаторийский сегмент рынка жилья. Особенности: большой удельный вес однокомнатных квартир; максимальная доля т.н. «хрущёвок»; крайне малый удельный вес домов второго поколения индустриального домостроения; высокая степень обеспеченности коммуникациями жилья; большая доля домов 4 класса.

VI. Рынок жилья Ялты. В географическом контексте ему соответствует отдельный сегмент рынка жилья Крыма:

12. Ялтинский сегмент рынка жилья. Особенности: самые высокие цены на жилую недвижимость; максимальный удельный вес сезонных предложений аренды; средняя обеспеченность жилфондом; максимальный удельный вес однокомнатных и минимальная доля трехкомнатных квартир; наибольшая доля жилья «старого» фонда и наименьшая доля т.н. «хрущёвок»; большая доля ветхого жилья; максимальный удельный вес жилья 1 и 2 класса; большие показатели введение жилья в эксплуатацию; большие инвестиционные потоки в жилищное строительство.

VII. Рынки жилья г. Джанкоя, г. Красноперекоска, г. Керчи. Общие особенности: оснащённость коммуникациями жилья выше среднего; высокая общая плотность жилфонда; относительно низкие показатели развития жилищного строительства; строительная и посредническая инфраструктура развита средне. Образуют 3 сегмента Крымской территориальной системы:

13. Джанкойский сегмент рынка жилья. Особенности: небольшие средние размеры жилья; максимальный удельный вес трехкомнатных квартир и минимальная доля четырехкомнатных квартир; крайне малый удельный вес довоенного жилья; максимальный удельный вес жилья, построенного в 1980-е гг. и большой удельный вес современного жилья, а также отремонтированных квартир; максимальная доля домов 5 класса.

14. Красноперекоский сегмент рынка жилья. Особенности: минимальный удельный вес «довоенного» жилья; наибольший удельный вес жилья 3 класса.

15. Керченский сегмент рынка жилья. Особенности: максимальный удельный вес домов, построенных в 1970-е годы; минимальная доля современной недвижимости; большая доля ветхих домов, домов 4 класса.

VIII. Рынки жилья Джанкойского, Красноперекоского, Нижнегорского, Первомайского района. Соответствует:

Северо-Крымский сегмент рынка жилья — это «периферия» территориальной системы рынка жилья Крыма, район-«аутсайдер». Особенности: самые низкие цены на жилую недвижимость; наименьшая доля городского жилфонда; низкая плотность жилфонда; самый низкий удельный вес однокомнатных квартир и большая доля трехкомнатных; низкая доля современного жилья Крыма; минимальная обеспеченность основными

коммуникациями; самые низкие показатели развития жилищного строительства; неразвитая строительная и посредническая инфраструктура.

Крымский рынок коммерческой недвижимости имеет аналогичную с описанным рынком жилья географическую структуру. В крупных населенных пунктах это сформированный, структурированный рынок совершенной конкуренции, в Северо-Крымском сегменте он неразвит. Рынок коммерческой недвижимости сформирован в городах следующими предложениями: офисные здания и помещения административно-офисного назначения; отели, мотели; магазины, торгово-развлекательные центры; рестораны, кафе и прочие пункты общепита; пункты бытового обслуживания, сервиса.

На рынке коммерческой недвижимости основными ценообразующими факторами являются: географическое положение и престижность района; близость к основным магистралям и удобство подъезда; статус недвижимости; площадь объекта; техническое состояние; наличие коммунальных услуг; отдельного входа и парковки.

Основополагающим фактором успешной деятельности предприятий торговли выступает выгодное географическое положение объекта. Именно оно определяет объем товарооборота. Наибольшим спросом пользуются торговые помещения, расположенные рядом с главными транспортными узлами населенного пункта и станциями различных видов сообщения. Наиболее дорогие помещения размещаются в престижных районах и на центральных улицах населенных пунктов. В настоящее время крымская коммерческая недвижимость на рынке представлена в виде отдельных зданий и помещений. В свою очередь данная недвижимость может быть разделена на торгово-офисные центры различного класса и помещения в зданиях муниципального и ведомственного нежилого фонда, а также помещения в жилых зданиях. Здания, которые в настоящее время имеют коммерческое использование, подразделяются на здания, приспособленные под данную функцию и здания, специально построенные для размещения офисов, магазинов, кафе. Второй тип зданий имеет много преимуществ по сравнению с первым. Однако строительство второго типа зданий осуществляется в больших городах. Для небольших провинциальных городов и поселков характерен первый тип помещений.

Отдельные помещения, которые приспособляются под коммерческое использование — это бывшие квартиры, переведенные в нежилой фонд; встроенные или встроено-пристроенные помещения различного функционального назначения, расположенные в зданиях различного назначения, также приспособленные в настоящее время под офисы, магазины, кафе, парикмахерские и т. д. (бывшие административные помещения различных служб, бытовые помещения некоторых предприятий, даже переоборудованные складские и подсобные помещения).

Такие помещения имеют свои особенности, связанные, например, с наличием или отсутствием отдельного входа, этажностью, обеспечением видами благоустройства. Как отмечалось выше, большинство подобных

помещений и зданий сосредоточено в центральных районах населенного пункта, где находятся муниципальные и финансовые учреждения. В последние годы отмечается тенденция роста спроса не на покупку, а на аренду таких помещений, результатом такого положения являются высокие, а некоторых случаях даже завышенные цены на продаваемые объекты коммерческого назначения (табл. 2.18).

Динамика изменения цен на рынке коммерческой недвижимости сходна с жилищным сегментом. Стоимость коммерческой недвижимости торгового назначения в крупных городах РК в 2020 году снизилась в среднем на 11%. Наибольшее снижение цен было зафиксировано в таких городах, как Джанкой (до -15%), Феодосия (до -12%) и Керчь (до -13%). Наименьшее снижение стоимости было зафиксировано в таких городах как Ялта (до -7%), и Алушта (до -8%). Ценовая ситуация на рынке купли-продажи коммерческой недвижимости офисного назначения в крупных городах РК похожа на ситуацию, сложившуюся на рынке коммерческой недвижимости торгового назначения, однако зафиксированное снижение стоимости значительно меньше, чем для торговой недвижимости. В среднем в 2020 году зафиксированное снижение стоимости недвижимости офисного назначения составило в Крыму 5–6%.

Т а б л и ц а 2.18. Ценовая ситуация на рынке купли-продажи коммерческой недвижимости в крупных городах Республики Крым, на 01.10.2020

Населенный пункт	Средняя цена в периферийных районах населенного пункта, руб./м ²		Средняя цена в центральных районах населенного пункта, руб./м ²		Среднее значение удельного показателя стоимости, руб./м ²	
	<i>назначение</i>					
	торговое	офисное	торговое	офисное	торговое	офисное
Симферополь	36 840	36 747	113 199	106 019	72 481	69 994
Ялта	68 525	62 541	167 030	138 662	110 474	97 517
Алушта	58 854	56 498	125 158	117 271	88 336	84 002
Евпатория	45 419	36 843	100 734	83 280	67 315	55 593
Феодосия	41 052	36 312	93 472	78 304	66 438	56 273
Джанкой	29 896	29 541	63 130	62 238	46 692	46 274
Керчь	33 100	32 921	70 964	67 974	49 637	48 575

Составлено по: [49].

На рынке аренды коммерческой недвижимости и торгового, и офисного назначения в 2020 году также произошли изменения в сторону небольшого снижения арендной платы, в среднем на 2%. Арендные ставки в городах РК представлены в табл. 2.19.

К проблемам рынка недвижимости Крымского региона следует отнести асимметрию его пространственного развития, вызванную природно- и рекреационно-географической спецификой районов Крыма, многолетнее недофинансирование отдельных субрегиональных рынков, отсутствие рациональной геомаркетинговой политики, увеличение объемов старения и выбытия существующей недвижимости, особенно в районе ЮБК. К главным социально-географическим проблемам относится низкая обеспеченность жильем, особенно в центральном Крыму, недоступность жилья для местных жителей в курортных районах, отсутствие транспарентности и объективной аналитической информации о структурных изменениях рынка недвижимости.

К методам регулирования рынка недвижимости следует отнести прямую финансовую поддержку через комплексное бюджетное инвестирование, субсидии, субвенции, дотации, ссуды, гарантии, эффективную рациональную маркетинговую политику, стимулирование ипотечного кредитования, налоговую и имиджевую политику.

К собственно управленческим методам относятся контроль, координация и целевое программирование рынка недвижимости, консолидация государства и бизнеса, консолидация рынка недвижимости и туристско-рекреационного комплекса, организация информационного обеспечения жилищной политики, передача полномочий местным органам власти, согласованное развитие различных географических векторов политики, инновационный региональный менеджмент.

Т а б л и ц а 2.19. Ценовая ситуация на рынке аренды коммерческой недвижимости в крупных городах Республики Крым на 01.10.2020

Населенный пункт	Средняя арендная плата в периферийных районах населенного пункта, руб./м ² в месяц		Средняя арендная плата в центральных районах населенного пункта, руб./м ² в месяц		Среднее значение удельного показателя арендной платы, руб./м ² в месяц	
	<i>назначение</i>					
	торговое	офисное	торговое	офисное	торговое	офисное
Симферополь	804	519	2 377	1 252	1 602	837
Ялта	830	525	2 893	1 468	1 833	929
Алушта	738	511	2 475	1 206	1 529	786
Евпатория	513	415	1 299	963	854	618

Феодосия	540	409	1 213	933	866	620
Джанкой	461	378	1 241	814	822	523
Керчь	474	386	1 193	858	809	576

Составлено по: [49].

2.6. Транспортная система Крыма

Влияние транспорта на хозяйственный комплекс трудно переоценить. Транспорт — необходимое условие создания единого экономического пространства территории. Ускоренное развитие транспорта оказывает существенное влияние на экономический рост, а проекты, реализуемые в сфере транспортной инфраструктуры, влияют на широкий круг отраслей хозяйства.

Транспорт Крыма можно отнести к числу тех «отраслей-драйверов», которым удалось за весьма непродолжительный период совершить стремительный рывок в своём развитии, коренным образом трансформировать свою пространственную организацию и создать условия для эффективного функционирования всех элементов хозяйственного комплекса Крыма. Инфраструктурная революция, которая совершилась в транспортном комплексе Крыма, стала возможна благодаря реализации Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года».

Совокупность транспортно-географических отношений в регионе влияет на интенсивность и характер мобильности населения, скорость преодоления жителями региона его пространств, транспортную связность территорий региона друг с другом и с внешним миром [27; 38]. В результате формируются типы регионов, население которых имеет специфическое восприятие пространственно-временных процессов.

Для крымчан характерна «островная» территориальная идентичность [39], которая, в том числе, находит своё отражение в транспортно-географических процессах. Жители Крыма в коммуникативной практике часто используют обстоятельство места «на материке» при характеристике чего-либо в других регионах России, что характеризует ощущение удалённости и обособленности «малой родины» от основной части государства. Для крымчан, жителей относительно малого по площади региона России (около 27 тыс. км²), преодоление расстояния свыше 250–300 км представляется значительной величиной, поскольку это эквивалентно выезду за пределы полуострова, а 95% территории Крыма находится на удалении от моря не более 50 км [12].

Кроме функций, присущих каждой территориальной транспортной системе — перемещение пассажиров и грузов, обеспечение связности территорий и связей между производителями и потребителями, завершения процесса географического разделения труда, генерации «опорного каркаса» территории и др., — социокультурная роль трансформирующейся транспортной системы Крыма направлена на преодоление изолированности

полуострова в условиях транспортных блокад, созданных Украиной на суше, море и в воздухе.

Основной каркас транспортной системы Крыма сформировался к середине XX в. [44]. Под влиянием внешних факторов и в ходе реализации транспортно-инфраструктурных проектов на территории Крыма после 2014 года транспортно-географическое положение (ТПГ) и функционирование транспортной системы региона изменились.

Серьёзным вызовом для Крыма стала транспортная блокада полуострова со стороны Украины при поддержке ведущих международных организаций, координирующих международные транспортные связи. Крым сократил объём транзитных функций и приобрёл тупиковое ТПП, не совпадающее с его выгодной географической локацией между Европой и Передней Азией, Европой и Кавказом.

Симферопольская зона полётов закрыта Европейской организацией безопасности аэронавигации (Eurocontrol) для иностранных самолётов, запрещён заход иностранных судов в порты Крыма, прекращено железнодорожное и регулярное автобусное сообщение с территорией Украины. Всё это фактически удаляет Крым из системы международных транспортных связей. В настоящее время они, в основном, осуществляются через транспортные центры других регионов России.

Полуостровное положение Крыма всегда вводило его в зависимость от сухопутных контактов с другими регионами мира через территорию южных областей Украины. В 2018 г. эта проблема была решена благодаря строительству моста через Керченский пролив. Строительство трассы «Таврида» и Крымского моста с подъездными путями к нему, строительство новых веток железных дорог и обновление железнодорожной инфраструктуры (путей и пунктов), введение в эксплуатацию нового аэровокзального терминала аэропорта «Симферополь», инфраструктурное и институциональное обновление портов выполнили задачу транспортной связности Крыма с другими регионами России по суше, морю и воздуху. Хронологически эта задача была решена в полном объёме 30 июня 2020 г., когда открылось регулярное грузовое железнодорожное сообщение по Крымскому мосту.

Территория Крыма характеризуется относительно высокой транспортной освоенностью (рис. 2.36): плотность транспортной сети (автомобильные и железные дороги) — $0,6 \text{ км/км}^2$ (при общероссийском показателе $0,1 \text{ км/км}^2$), обеспеченность транспортной сетью по Энгелю — $6,9$ в среднем по региону (в 2 раза выше общероссийского показателя) и $3,5\text{--}14,0$ в разрезе различных административных территорий Крыма (показатель рассчитан на единицу площади и 10 тыс. постоянного населения). Около 84% автомобильных дорог полуострова имеют твёрдое покрытие. Протяжённость трассы федерального значения «Таврида» — $250,8 \text{ км}$, протяжённость контактной сети троллейбусного транспорта — около 690 км , из них 276 км — сети междугороднего сообщения. Порядка 80 транспортных пунктов, центров и

узлов связывают различные сельские муниципалитеты, города и районы Крыма, 6 из которых выполняют функции сообщения с другими регионами России, 5 портовых городов, 1 крупный аэропорт и 5 малых аэропортов и аэродромов, на транспортную сферу приходится 7% занятых Крыма [57].

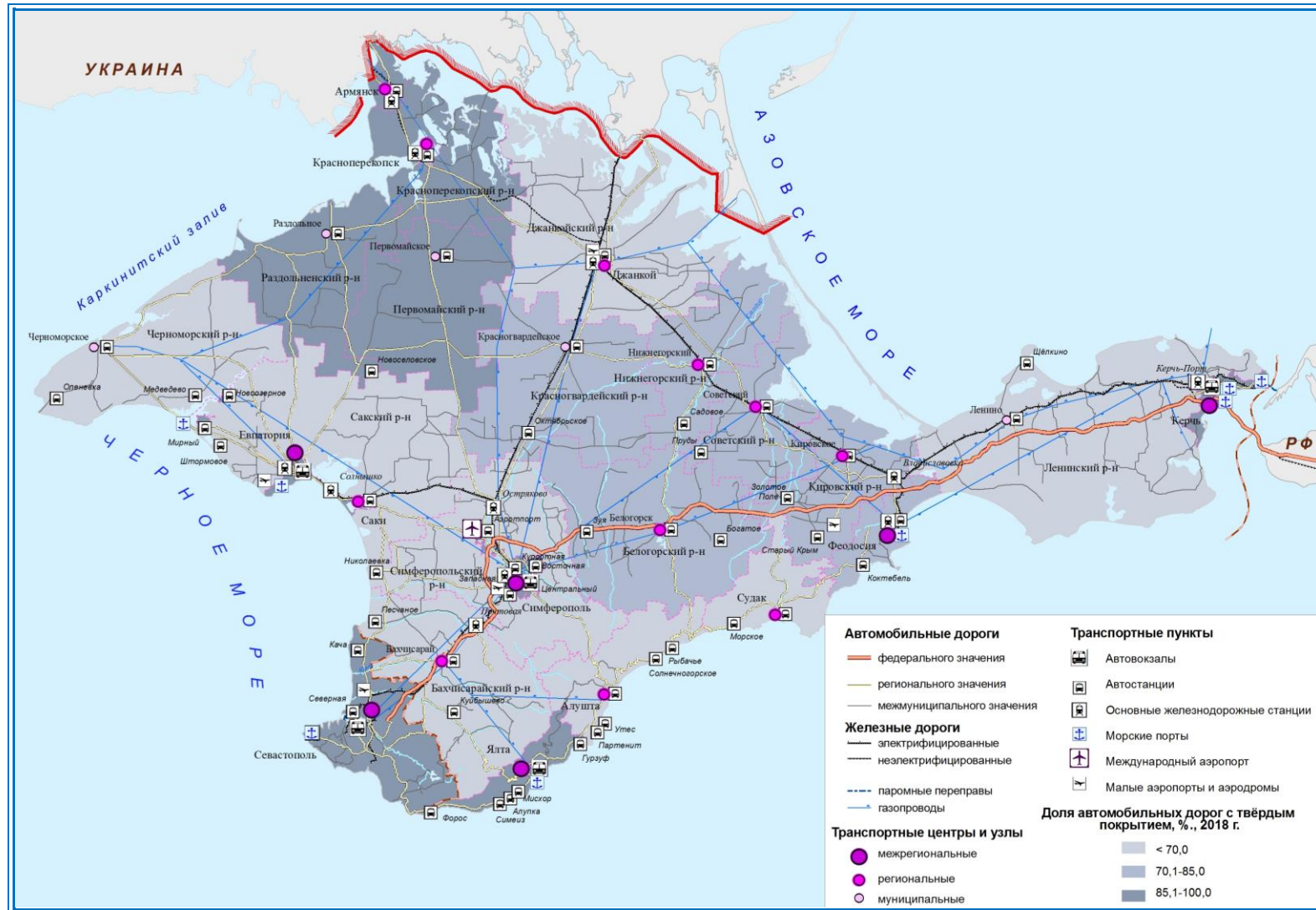

Рис. 2.36. Транспортная сеть Крыма.

Указанные выше трансформационные процессы в транспортной системе Крыма отразились на *структуре грузовых и пассажирских перевозок* региона (рис. 2.37). В 2015 году, на начальной стадии интегрирования Республики Крым и г. Севастополь в российскую транспортную систему, около 50% грузовых перевозок Крыма приходилось на морской транспорт, около 40% — на автомобильный транспорт, на железнодорожный транспорт — более 8%. В условиях транспортной блокады и отсутствия сообщения с другими регионами России по суше, Керченская паромная переправа выполняла роль «главных ворот» Крыма. В этот же период в пассажирских перевозках региона главная роль принадлежала автомобильному транспорту (92%), с повышенной ролью авиационного транспорта в межрегиональном сообщении и крайне низкой активностью железнодорожного сообщения.

После запуска автодорожной части Крымского моста в 2018 г. роль автомобильного транспорта в Крыму существенно возросла в структуре грузовых перевозок (до 70%) на фоне резкого сокращения роли морского транспорта до 23% (рис. 2.37).

В структуре туристских прибытий по видам транспорта до 2014 года более 60% туристов прибывали в Крым на железнодорожном транспорте, в 2015 году 44% туристов прибыло на полуостров авиатранспортом, 39% — паромной переправой, 17% — другими видами транспорта. К 2019 году структура трансформировалась следующим образом: на первое место вышел поток туристов, прибывающий по Крымскому мосту — 57%, авиатранспорт уступил первенство и концентрировал 28% турпотока [46].

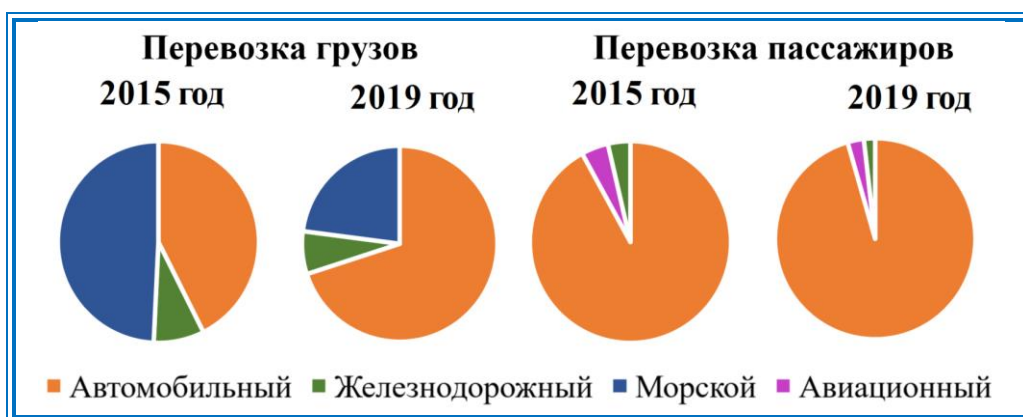

Рис. 2.37 Структура перевозок различных видов транспорта Крыма, %.

Примечание: в пассажирских перевозках автомобильным транспортом учтены только перевозки автобусами общего пользования.

Источники: [31; 61].

Динамика показателей функционирования различных видов транспорта в Крыму была разной (табл. 2.20). Наиболее существенные, а по некоторым направлениям революционные, качественные и количественные изменения произошли в *автомобильном транспорте* Крыма за счёт преобразований автотранспортной сети и инфраструктуры. В крымском регионе за пятилетку 2015–2019 гг. в ходе реализации Федеральной целевой программы, региональных и муниципальных программ развития протяжённость автомобильных дорог была увеличена на 635 км, что повысило показатель плотности автомобильных дорог с 0,59 до 0,62 км/км². Грузовой автомобильный транспорт, по сравнению с другими видами транспорта, демонстрировал самые высокие темпы прироста за рассматриваемый пятилетний период: объём грузоперевозок в Республике Крым вырос на 72,1%, а грузооборот — более чем в 2 раза. Это указывает на то, что крымские транспортные компании стали перевозить не только больше грузов, но и на более дальние расстояния. Интенсивность грузоперевозок (нагрузка на автотранспортную сеть) в большей части районов и городских округов Крыма в 2019 г. составляла 200–1 000 т/км за год, в среднем по региону — 510 т/км, что существенно ниже общероссийского показателя (3700 т/км).

С 2015 по 2019 годы рост абсолютных и относительных показателей наблюдался и в работе пассажирского автотранспорта в обоих крымских субъектах (табл. 2.20). Если в 2015 г. автобусами общего пользования в Крыму было перевезено 106 млн пассажиров, то в 2019 г. — 186,9 млн пассажиров. В 2019 г. интенсивность пассажироперевозок в регионе составила 1 123 пассажиров на 1 км дорожной сети (ниже общероссийского показателя), а показатель транспортной подвижности населения на автобусном транспорте — 80 пассажиров на 1 жителя региона (выше показателя в целом для страны).

Реальную картину транспортной мобильности населения Крыма следует оценивать с учётом уровня его автомобилизации. Период с 2014 по 2016 г. в регионе активно происходили процессы перерегистрации собственности личных автомобилей и их номеров в соответствии с российским законодательством. По этой причине более объективные значения автомобилизации фиксировались статистическими сводками, начиная с 2017 года. К концу 2019 г. уровень автомобилизации (число собственных легковых автомобилей на 1 000 чел. населения региона) в Республике Крым, по сравнению с показателем в 2017 г., вырос с 166,5 авт./1 000 жит. до 192,2 авт./1 000 жит., в г. Севастополь — с 217,4 авт./1 000 жит. до 302,9 авт./1000 жит. Взрывной рост нагрузки на дорожную сеть со стороны легковых автомобилей особенно заметен в крупных городах и на трассах в курортных территориях полуострова, жители которых всё чаще сталкиваются с явлением длительных автомобильных пробок, а экологи фиксируют рост загрязнения атмосферного воздуха и шумового загрязнения [7; 8; 48].

Т а б л и ц а 2.20. Динамика основных показателей функционирования транспортной системы Республики Крым и г. Севастополь, 2015–2019 гг.

Показатели транспортной системы	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп прироста за ((2019/2015)*100)-100, %
1	2	3	4	5	6	7
Автомобильный транспорт						
Протяженность автомобильных дорог общего пользования, км (Республика Крым)	15029,2	15 289,4	15 420,5	15 512,1	15 495,2	3,1
в т.ч. с твердым покрытием, %	83,1	82,9	83,6	83,1	83,4	-
Протяженность автомобильных дорог общего пользования, км (г. Севастополь)	976,3	925,6	1 095,6	1 098,0	1 145,8	17,4
в т.ч. с твердым покрытием, %	94,0	92,5	89,1	90,3	91,8	-
Плотность автомобильных дорог общего пользования в Крыму, км/кв. км						
Перевезено грузов автомобильным транспортом, тыс. т (Республика Крым)	7105,2	5 481,9	1 0620,2	10 359,1	12 230,9	72,1
Грузооборот автомобильного транспорта, млн т-км (Республика Крым)	455,6	266,0	768,6	1097,1	993,5	118,1
Перевозки пассажиров автобусами общего пользования, млн чел. (Республика Крым)	92,1	102,0	132,7	149,7	148,0	60,7
Перевозки пассажиров автобусами общего пользования, млн чел. (г. Севастополь)	13,9	14,0	18,4	16,4	38,9	179,9

Продолжение таблицы 2.20.

1	2	3	4	5	6	7
Пассажиروоборот автобусов общего пользования, млн пасс-км (Республика Крым)	2150	2386	2384	2458	2380	10,7
Пассажируоборот автобусов общего пользования, млн пасс-км (г. Севастополь)	278	301	405	325	675	142,8
Число собственных легковых автомобилей, на 1000 чел. населения (Республика Крым)	68,7	48,9	166,5	190,0	197,2	187,0
Число собственных легковых автомобилей, на 1 000 чел. населения (г. Севастополь)	87,8	41,1	217,4	292,9	302,9	245,0
Железнодорожный транспорт						
Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования, тыс. т (Республика Крым)	1489	1892	1892	1902	1294	-13,1
Прибытие грузов железнодорожным транспортом общего пользования, тыс. т (Республика Крым)	3108	3557	3686	3382	2134	-31,3
Баланс грузовых перевозок железнодорожным транспортом общего пользования, тыс. т (Республика Крым)	-1619	-1665	-1794	-1480	-840	-48,1
Отправление пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования, тыс. чел. (Республика Крым)	4162	2935	3302	3129	3552	-14,7

Продолжение т а б л и ц ы 2.20.

1	2	3	4	5	6	7
Авиационный транспорт						
Пассажиро-перевозки аэропорта «Симферополь им. И.К. Айвазовского» млн чел.	5,018 (2,8 – 2014 г.)	5,202	5,129	5,146	5,140	2,4 (83,6% – к 2014 г.)
Морской транспорт						
Перевозка грузов морскими портами Крыма, млн т.	9,0	11,4	11,4	8,7	4,2	-53,3

Составлено по: [31; 57; 61].

Важнейшим транспортно-географическим следствием строительства трассы «Тавриды» и Крымского моста является изменение транспортной доступности Крыма. Эти инфраструктурные объекты стали источником пространственного и, как следствие, экономического сближения Республики Крым и Севастополя с другими регионами России. Например, временная доступность Керчи, по отношению к другим городам Юга России, сократилась на 3–4 часа. За 12 часов из Керчи через Крымский мост можно добраться до населенных пунктов в зону, ограниченную условной линией, проведенной через города Волгоград и Грозный, т.е. на расстоянии от Керчи около 1 000 км [13]. Таким образом, от большинства населенных пунктов Юга России Крым находится на расстоянии, которое можно преодолеть менее чем за сутки, что является важным фактором развития экономических связей.

После введения Крымского моста увеличилось количество рейсов и направлений регулярных автобусных маршрутов из Крыма в города других регионов страны. Город Симферополь связан автобусным сообщением практически со всеми субъектами Юга России. Произошло усиление контактов населения керченской и краснодарской сторон. Жители Керчи нередко отправляются за покупками в супермаркеты Темрюка, Тамани, Анапы, которые привлекают более низкими ценами и разнообразием товаров, в том числе, брендами, недоступными в Крыму, а также с целью покупки более дешевого и качественного топлива. Жители Тамани и её окрестных сёл, находящиеся долгое время в транспортном тупике, воспринимают Керчь как ближайший крупный город. Для Керчи с населением более 150 тыс. чел. и всего Керченского полуострова более доступным стал аэропорт Анапы «Витязево». Поэтому керченская и кубанская стороны всё больше сближаются, в том числе за счёт маятниковой миграции.

В отрасли *железнодорожного транспорта* наиболее существенным преобразованием стала переориентация всех направлений в сторону Краснодарского края после открытия железнодорожной части Крымского

моста. В грузовой работе «Крымской железной дороги (КЖД)» (федеральное государственное предприятие было создано в 2014 г. для обслуживания железнодорожного сообщения на территории полуострова и по Крымскому мосту) на протяжении многих лет сохраняется отрицательный баланс грузовых перевозок: в массовом эквиваленте прибытие грузов превышает отправление грузов почти в два раза (табл. 2.20). Динамика основных показателей грузовой работы КЖД в период 2015–2019 гг. была изменчивой, но в целом имела тенденцию к снижению. После открытия железнодорожного перехода через Крымский мост показатели грузоперевозок увеличились [43], однако процесс встраивания КЖД в конкурентную среду грузовых потоков в Крым ещё не завершён [42].

Роль железнодорожного транспорта в пассажирских перевозках по Крыму следует рассматривать с нескольких позиций. В качестве средства внутрирегиональной транспортной связности электропоезда имеют наибольшее значение для летних поездок на пляжи курортных центров Западного Крыма (в города Евпатория, Саки и приморские сельские населенные пункты этого направления), для жителей г. Симферополя и Симферопольского, Джанкойского и Красногвардейского районов в их перемещениях в Северный Крым, а также в Феодосию из Нижнегорского, Советского и Кировского районов. Благодаря модернизации инфраструктуры и внедрению скоростных электропоездов популярность указанных выше направлений среди рекреантов растёт. Кроме этого, высока интенсивность поездок на железной дороге в направлении Симферополь–Бахчисарай–Севастополь и на направлениях в г. Симферополь из Симферопольского и Красногвардейского районов, которые используются как альтернатива автомобильному транспорту для маятниковых поездок. Для поездок в восточном от Симферополя направлении (города Феодосия и Керчь) железнодорожный транспорт крымчане используют редко из-за длинного транспортного плеча, поскольку железная дорога следует через г. Джанкой. С другими регионами России (Москвой, Санкт-Петербургом и Ростовом-на-Дону) до 30 января 2016 года осуществлялось пассажирское сообщение по интермодальной схеме «поезд + паром + поезд». С момента запуска железнодорожного сообщения по Крымскому мосту в 2020 г. к ноябрю 2021 г. были запущены следующие маршруты дальнего следования из Крыма: в Москву (из Севастополя, Симферополя, Евпатории и Феодосии), Санкт-Петербург (из Севастополя и Евпатории), Омск, Пермь, Адлер, Смоленск, Астрахань, Кисловодск и Мурманск (из Симферополя).

После 2014 года «революционные» преобразования произошли в *авиационном транспорте* Крыма. В период административно-государственной принадлежности Крыма Украине международный аэропорт «Симферополь» имел авиасообщение со всеми областными центрами Украины, 15–20 центрами России, а также с Беларусью, странами Прибалтики, Закавказья, Узбекистаном, Польшей, Германией, Турцией и Израилем. После закрытия Симферопольской полётной зоны для

иностранных авиакомпаний, деятельность Симферопольского аэропорта полностью переориентировалась на внутрироссийские направления.

«Симферопольский аэропорт имени И. К. Айвазовского» функционирует на базе нового терминала, который получил образное название «крымская волна». Новый терминал построен с учётом расширения направлений и масштабов деятельности аэропорта. Регулярное круглогодичное, сезонное и нерегулярное авиасообщение «воздушные ворота» Крыма имеют более чем с 60 центрами России от Санкт-Петербурга на западе до Магадана на востоке, от Адлера на юге до Мурманска и Нового Уренгоя на севере, со всеми федеральными округами страны. С 2014 г. по 2019 г. Симферопольский аэропорт увеличил пассажироперевозки с 2,8 до 5,1 млн пасс., что позволило ему войти в десятку крупнейших аэропортов России [50]. Из различных городов России в Симферополь выполняют рейсы 20 авиакомпаний, крупнейшими из которых являются «Аэрофлот», «Россия», «S7 Airlines», «Nordwind», «Уральские авиалинии» и другие. Санкционный режим Симферопольской полётной зоны ограничивает деятельность лоукостеров, что снижает доступность для крымчан более дешёвых вариантов авиасообщения. Из-за угрозы санкций лоукостер «Добролёт» (ныне «Победа») прекратил рейсы в Крым.

Характер динамики всех видов транспорта Крыма связан с экономическим ростом в регионе, а также с позитивным эффектом введения в строй трассы «Таврида» и Крымского моста. Всё это в совокупности отразилось на увеличении мобильности населения региона и рекреантов, а также трансформировало *транспортную доступность территорий* полуострова. Для оценки временной транспортной доступности использован способ изолиний, который предполагает расчёт времени достижения пункта назначения с учётом морфологии транспортной сети и скоростного режима движения транспортного средства по автодорогам различных категорий. С точки зрения социальной важности и специфики современного развития Крыма был рассчитан показатель временной транспортной доступности территорий полуострова по отношению к административным центрам, крупным городам с численностью населения более 100 тыс. чел., туристско-рекреационным центрам, главной транспортной оси полуострова с интервалом времени 30 минут (рис. 2.38).

Для большей части населения Крыма административные центры муниципальных районов находятся в тридцатиминутной (для жителей численностью около 2 млн чел.) и часовой доступности (около 300 тыс. чел.), за исключением отдельных слабо освоенных с низкой плотностью автомобильных дорог территорий Присивашья, южной части Керченского полуострова, крымской горно-предгорной глубинки и периферии Черноморского муниципального района (рис. 2.38-А).

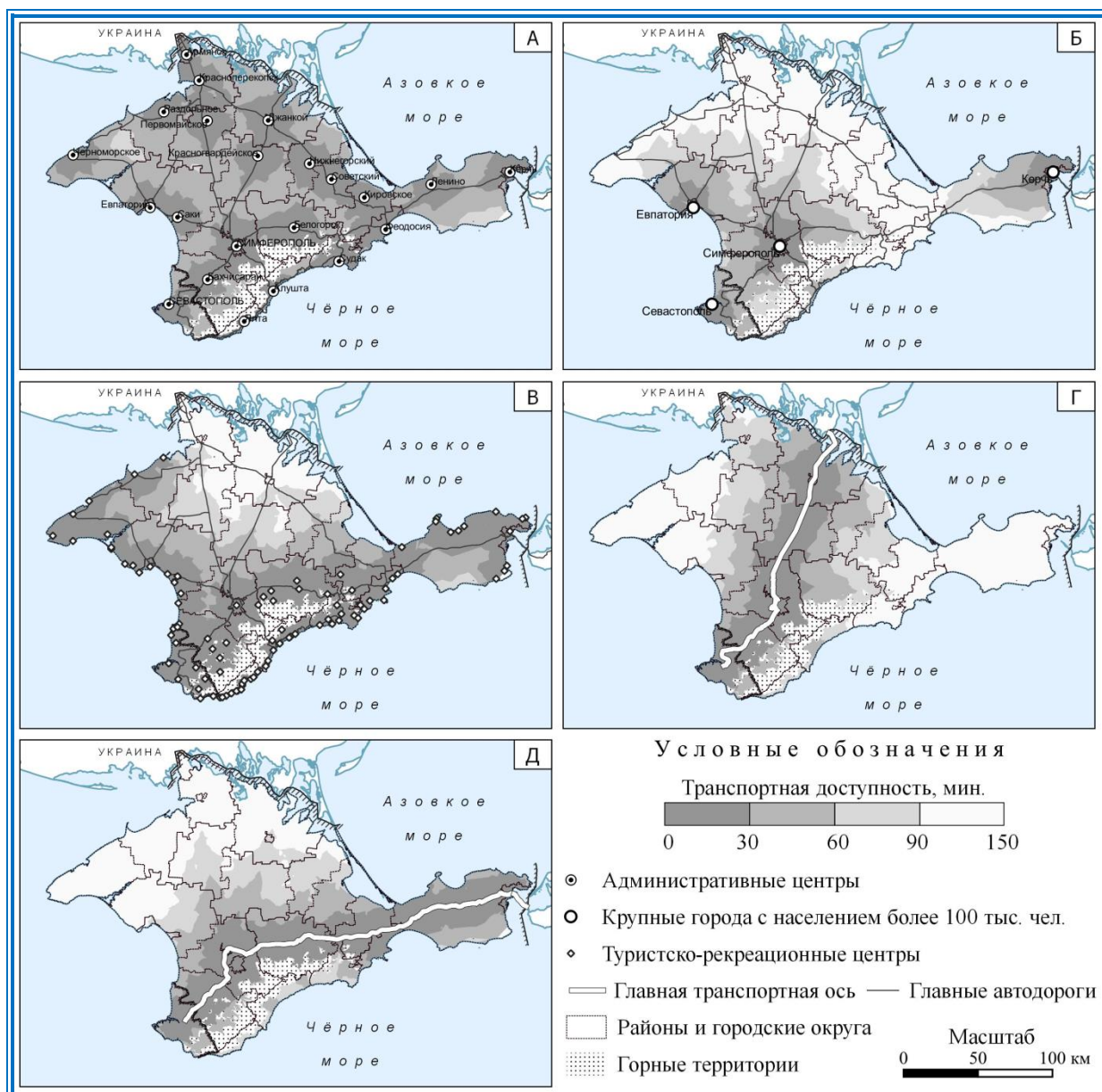

Рис. 2.38. Транспортная доступность территорий и социально-экономических объектов Крыма:

А — административных центров; Б — крупных городов; В — туристско-рекреационных центров (по Яковенко И. М., Войтеховскому Д. В. [85]); Г — главной транспортной оси Крыма до 2014 г. («Севастополь — Симферополь — Джанкой»); Д — главной транспортной оси Крыма после 2014 г. («Севастополь — Симферополь — Керчь» — трасса «Таврида»).

Таким образом, доступность услуг населению Крыма, сфокусированных главным образом на необходимости оформления различных документов в районных центрах, находится на сравнительно высоком уровне. В данном контексте актуальна другая проблема — частота рейсовых автобусов, которая для малых и тупиковых сёл может составлять лишь 1–3 рейса в день, часто с отсутствием рейсов в выходные дни. Около 40 малых сёл Крыма не имеют прямого автобусного сообщения с административными центрами, из них 17% значительно удалены от транспортных пунктов, а 34% приходится на сёла, расположенные на

расстоянии от автобусных остановочных пунктов не более 2 км [76]. В результате для таких населённых пунктов полуострова происходит наложение двух негативных транспортно-географических факторов — их глубинного положения и отсутствия автобусного сообщения.

Более широкий спектр услуг и больше вариантов трудоустройства крымчане могут получить не в административных центрах, существенная часть которых представляют собой мелкие города и посёлки городского типа, а в крупных городах — Симферополе, Севастополе, Керчи и Евпатории, временная транспортная доступность которых существенно ниже, чем административных центров (рис. 2.38-Б). В населённых пунктах, оконтуренных изохроной со значением 30 минут от указанных городов (с учётом их населения), проживает около 1,1 млн чел., 31–60 минут — около 325 тыс. чел., 61–90 минут — 315 тыс. чел. Более 500 тыс. крымчан вынуждены тратить на поездку в крупные города свыше полутора часов, что критично, например, для осуществления ежедневных маятниковых поездок (работа, учёба).

По транспортной доступности туристско-рекреационных пунктов и центров Крыма, большая часть которых имеют приморское положение, население региона дифференцируется следующим образом (рис. 2.38-В). 80% населения Крыма (около 1,8 млн чел.) проживает в тридцатиминутной зоне доступности населённых пунктов, в которых присутствуют рекреационные предприятия, в зоне 31–60 минут — около 150 тыс. чел., более часа должны тратить на поездку к рекреационным пунктам и центрам более 350 тыс. жителей региона. Число жителей, проживающих в часовой доступности от наиболее ценных курортов купально-пляжной и оздоровительной специализации, подсчитанной с учётом ситуации на автодорогах в летнее время, составляет около 1 млн чел.

Подобная дифференциация усиливает явление рекреационного неравенства населения Крыма. Указанную проблему в регионе планируют решать путём строительства новых трасс. Например, в Федеральной целевой программе запланировано строительство восточного обхода Симферополя по маршруту Донское–Перевальное и дороги Белогорск–Приветное, которые существенно приблизят часть глубинных территорий Крыма к морю. С позиций охраны природы упомянутый второй проект будет иметь негативные последствия — крупный неосвоенный, во многом «дикий» участок Крымских гор будет рассечён оживленной трассой.

Благоприятность транспортно-географического положения территории определяется, в том числе, степенью удалённости от главной транспортной оси региона, которая концентрирует главные потоки перемещения людей, грузов и информации. Расчёт показателя транспортной доступности главной транспортной оси до и после 2014 года позволяет зафиксировать транспортно-географический эффект трассы «Таврида». По изохронам доступности транспортной оси «Севастополь–Симферополь–Джанкой–граница с Украиной» (рис. 3Г) население Крыма с учётом данных

переписи населения 2014 г. распределилось следующим образом: в зоне до 30 мин. проживало 1,1 млн чел.; 31–60 мин. — 245 тыс. чел.; 61–90 мин. — более 300 тыс. чел.; свыше 90 мин. — более 600 тыс. чел. На территории, о контуренной изохроной со значением 30 мин. доступности трассы «Таврида» (рис. 2.38-Д), проживает более 1,3 млн человек; 31–60 мин. — около 266 тыс. чел.; 61–90 мин. — 445 тыс. чел.; свыше 90 мин. — около 240 тыс. чел. Полученные результаты указывают на то, что строительство федеральной трассы «Таврида» улучшило временную доступность главной транспортной оси для населения Крыма и позволило снизить транспортно-географическое неравенство населения в регионе. Однако, переориентация транспортной оси региона усилила периферийность его северных территорий, прежде всего Джанкойского и Красноперекоского муниципальных районов, городов Джанкой, Армянск и Красноперекоск. На этом фоне существенно улучшилось транспортно-географическое положение юго-восточных и восточных территорий Крыма.

Новый аэровокзальный комплекс, Крымский мост и скоростная трасса «Таврида» радикально преобразовали всю транспортную систему полуострова, сняв инфраструктурные ограничения. Помимо своего прямого предназначения, эти объекты становятся катализаторами экономического роста полуострова, привлечения новых инвесторов и компаний. Трансформация опорного каркаса транспортной системы Крыма позволила улучшить транспортно-географическое положение региона и снизить транспортно-географическое неравенство населения в его пределах. Однако масштабы инвестиций в федеральные проекты развития дорожной сети несопоставимы с ограниченными возможностями развития региональной и муниципальной дорожной сети, что становится фактором риска поступательного социально-экономического развития отдаленных районов и сельских территорий. Необходима комплексная модернизация всей сети автомобильных дорог общего пользования, обеспечивающих транспортную связность всей территории полуострова.

Следующим шагом в развитии транспортной системы Крыма должно стать широкое внедрение инновационных технологий в транспортную инфраструктуру, обновление подвижного состава, цифровая трансформация отрасли. Так, в 2020 году в Крыму была внедрена автоматизированная система оплаты проезда в общественном транспорте (АСОП), создан Единый диспетчерский центр и транспортный портал Республики Крым. В рамках реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» Министерство транспорта Республики Крым в качестве нового направления в развитии дорожно-транспортной сети анонсировало цифровую трансформацию, определив следующие приоритетные задачи: создание и развитие информационно-аналитической системы управления на транспорте и единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности, использование биометрических данных

идентификации пассажиров и обработка их с использованием искусственного интеллекта для упрощения транспортных процедур [10].

Технологическое развитие обеспечит формирование устойчивой транспортной системы Крыма, способной удовлетворять растущие потребности населения, отраслей хозяйства и туристов в транспортных услугах высокого качества.

2.7. Туристско-рекреационный комплекс Крыма: преемственность и современные тренды

Социокультурной миссией Крыма в различные исторические эпохи выступало восстановление физических и духовных сил людей посредством организации разнообразных рекреационных занятий. Этому способствовало приморское положение региона, наличие целебного климата, бальнео- и грязелечебного потенциала, высокая концентрация уникальных объектов природного и культурного наследия. Среди важнейших факторов зарождения крымских курортов с середины XIX в. были отмечены геостратегические интересы Российской империи по заселению и хозяйственному освоению южных земель; улучшение транспортной доступности Крыма в результате строительства железных дорог; исследование и популяризация лечебных свойств полуострова знаменитыми учеными-медиками; формирование привлекательного образа Крыма известными поэтами, писателями, художниками, представителями артистической среды [83].

Эволюционный процесс развития туристско-рекреационного комплекса Крыма включает пять этапов, характеризующихся разными направлениями туристско-рекреационного освоения территории, особенностями функциональной, территориальной и управленческой структуры:

1. Начало XIX в.–1917 г. — *этап зарождения курортов, активного и познавательного туризма и очагового рекреационного освоения территории.* Первый крымский курорт был основан в 1826 г. на основе целебных грязей Сакского озера, туберкулезные санатории создаются на ЮБК, начиная с 1884 года. Большую роль в рекреационном освоении горно-лесной зоны полуострова сыграл Крымский горный клуб, разработавший и популяризовавший 15 пешеходных и экипажных экскурсионных маршрутов.

2. 1917–1950 гг. — *этап формирования социалистической системы курортного лечения и отдыха, планового туризма и развития локальных рекреационных систем.* Ядрами санаторно-курортного лечения в Крыму становятся Ялта, Алушта, Феодосия, Евпатория. Активно развивается горнопешеходный туризм, а в узловых и конечных пунктах туристских маршрутов создаются крупные турбазы.

3. 1951–1990 гг. — *этап роста масштабов туристско-рекреационной деятельности и формирования региональных рекреационных*

систем. В 1988 г. зафиксирован абсолютный максимум объема туристского потока в Крым — 8,3 млн чел. В этот же период в Крыму функционировало 620 санаторно-оздоровительных учреждений на 81,6 тыс. круглогодичных мест и 164,2 тыс. сезонных мест, работало 122 санатория и пансионата с лечением, 59 пансионатов, 24 дома отдыха, 245 баз отдыха, 9 санаториев-профилакториев. Сеть из 136 плановых пешеходных маршрутов обслуживала более 100 тыс. чел.

4. 1991–2014 гг. — *этап застоя и рыночных преобразований в туристско-рекреационном комплексе региона.* Данный период ознаменовался формированием сегмента частной и смешанной рекреационной собственности в структуре коллективных средств размещения, изменениями в функциональной структуре рекреационных территорий, в т. ч. сокращением лечебной функции, ростом доли оздоровительной рекреации, развитием новых для Крыма видов и форм туризма, выходом крымских туроператоров на внешний рынок.

5. С 2014 г. начался *этап трансформаций в функциональной и территориальной структуре туристско-рекреационного комплекса Республики Крым и г. Севастополь в составе Российской Федерации.*

На протяжении последнего десятилетия в развитии туристско-рекреационного комплекса Крыма прослеживается ряд тенденций, обусловленных как конъюнктурными изменениями глобального потребительского рынка в сфере туризма и гостеприимства, так и внутренними факторами, вытекающими из специфики современного геополитического и социально-экономического положения региона.

1. *Завершился период экстенсивного освоения ресурсного туристско-рекреационного потенциала Крыма.* Значительная часть природных и социокультурных рекреационных ресурсов уже вовлечена в туристский оборот, обеспечивая развитие основных видов лечебной, оздоровительной, спортивной и познавательной рекреации. Так, в сезон 2020 г. функционировало 274 пляжа, неактуализированными остаются немногочисленные пляжные территории на Тарханкуте и Керченском полуострове. На территории Крыма выделяются 219 объектов культурного наследия федерального значения и 5 177 объектов регионального значения, большинство из которых включены в туристско-экскурсионные программы и маршруты. Дальнейшее использование ресурсного потенциала Крыма для целей рекреации и туризма будет строиться на принципах комплексности, расширения сезонных рамок, наращивания числа искусственных объектов с заданными свойствами в регионах, не располагающих аутентичными объектами, экологизации технологий рекреационного ресурсопользования.

2. *Объем и структура туристских потоков в Крым отражают изменения геополитических, социально-экономических и социокультурных позиций региона.* Вхождение Крыма в состав Российской Федерации ознаменовалось значительным сокращением въездного туристского потока в регион — с 5,9 млн чел. в 2013 г. до 3,8 млн чел. в 2014 г. (рис. 2.39). На

протяжении последующих лет отмечался поступательный рост числа туристов, а в 2019 г. был достигнут абсолютный максимум прибытий за весь постсоветский период — 7,5 млн чел.

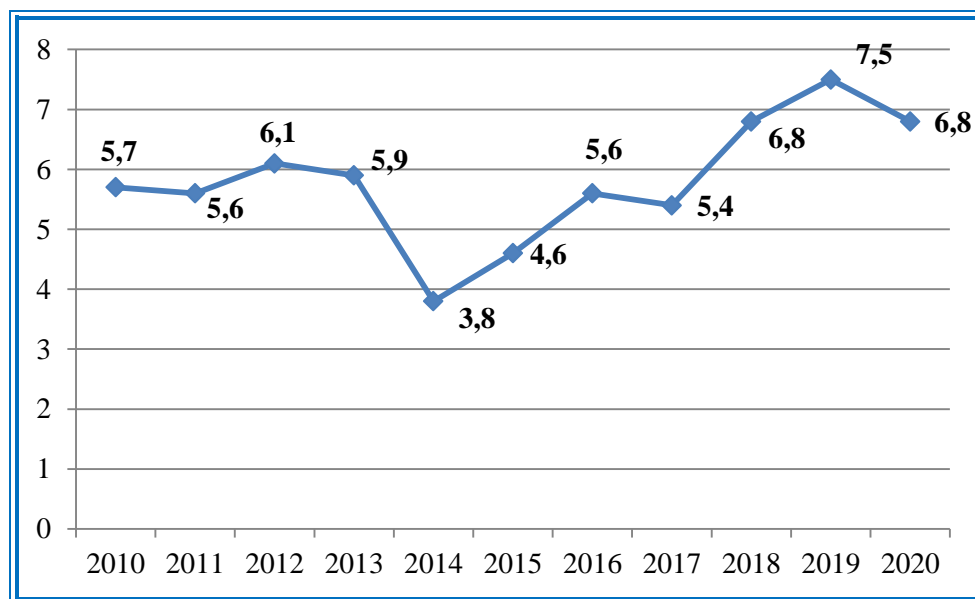

Рис.2.39. Динамика числа туристов, прибывших в Республику Крым в 2010–2020 гг., млн чел.

Источник: [Министерство курортов и туризма РК].

Важную роль в формировании устойчивых въездных потоков сыграло общее улучшение социально-экономической ситуации в регионе и реализация крупных транспортно-логистических проектов, кардинально улучшивших рекреационно-географическое положение крымских дестинаций (строительство Крымского моста, трассы «Гаврида», нового аэропорта в г. Симферополь). В сезон 2020 г., несмотря на сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку, вызванную пандемией «COVID-19», туристско-рекреационный комплекс Республики Крым и г. Севастополь обеспечил прием и обслуживание 6,3 млн отдыхающих.

Структуру мотиваций посещения Крыма наглядно демонстрирует «Портрет крымского туриста», подготовленный Министерством курортов и туризма Республики Крым по результатам социологических опросов в 2018 г. [53]. Положительной тенденцией является снижение популярности пляжного отдыха (данный мотив является приоритетным у 1/3 потребительской аудитории) и рост спроса на услуги санаторно-курортных учреждений, культурно-познавательные и активные туристские программы. Основной контингент туристов составляют семьи с детьми (47%), лица в возрасте до 45 лет (около 80%), представители бюджетных организаций, пользующихся профсоюзными льготами (более 50%). Туристы, приезжающие в Крым на отдых на 7–14 дней, составляют 42%.

Туристский продукт Крыма ориентирован на внутренний рынок России. Целевая аудитория крымских курортов формируется

преимущественно жителями Москвы и Санкт-Петербурга (около 40%), городов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Число иностранных туристов, размещенных в коллективных средствах размещения, сократилось с 368,9 тыс. чел. в 2013 г. до 28,3 тыс. чел. в 2020 г., а их удельный вес в общем числе туристов, соответственно, снизился с 9% до 2%. В Крым прибывают туристы из 135 стран, при этом 42,9% въездного потока составляют туристы из соседней Украины, 18,3% — из Белоруссии, 8,9% — из Узбекистана, 3,3% — из Казахстана. Перспективным отправляющим рынком для Крыма могут стать такие страны Азиатского региона, как Китай, Республика Корея, Иран, Индия, Вьетнам.

3. *Динамичное развитие материально-технической базы рекреации и туризма.* Позитивные сдвиги, в первую очередь, наблюдаются в числе и емкости коллективных средств размещения (КСР). В 2010 г. в АР Крым насчитывалось 656 объектов, оказывающих услуги размещения, в г. Севастополь — 141 объект, в 2020 г. в реестре КСР Российской Федерации Республику Крым представляли 1490 объектов, г. Севастополь — 153. За тот же период вместимость КСР выросла с 86,9 тыс. мест до 171,2 тыс. мест по Республике Крым и с 11,6 тыс. мест до 12,3 тыс. мест по г. Севастополь (рис. 2.40).

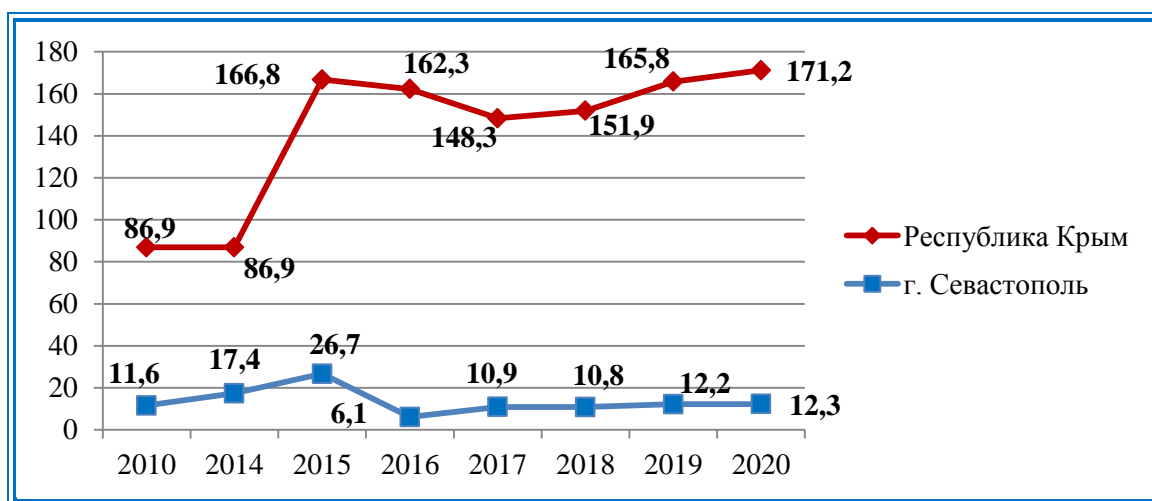

Рис.2.40. Динамика емкости коллективных средств размещения в Республике Крым и г. Севастополь в 2010-2020 гг., тыс. мест.

Источник: [Министерство курортов и туризма РК и Федеральная служба государственной статистики по г.Севастополю].

Особенностью последних семи лет стало активное строительство гостиниц и аналогичных предприятий (мотелей, хостелов, кемпингов) — около 290 объектов. На территории Республики Крым в 2020 г. было официально зарегистрировано 900 малых отелей на 140 тыс. мест, однако ряд малых средств размещения пока работает вне правового поля. Актуальной задачей является завершение программы сертификации всех типов коллективных средств размещения в регионе.

По относительным показателям обеспеченности КСР Крым пока уступает ближайшему соседу — Краснодарскому краю, например, число мест в КСР в расчете на 1 000 жителей в Республике Крым составляет 83,9, в г. Севастополь — 21, в то время как в Краснодарском крае — 338,9 мест. Показатель плотности мест (числа мест на 1 км²) составляет, соответственно, 6,1; 33,5 и 43,6. Вместе с тем, коечный фонд рекреационных и гостиничных предприятий Крыма размещается крайне неравномерно — более 90% койкомест сконцентрировано в узкой 2–3 км прибрежной полосе, исключая северное и северо-восточное побережья полуострова.

Структура коллективных средств размещения в Крыму подлежит оптимизации: ощущается нехватка высококлассных отелей (5*) и доступных отелей среднего класса (3*), а также специализированных учреждений, ориентированных на участников специализированного (нишевого) туризма. Уровень конкурентоспособности Крыма существенно снижает наличие многочисленных санаторно-курортных объектов, нуждающихся в системной модернизации номерного фонда и лечебно-диагностической базы, и традиционное для Крыма несоответствие цены и качества оказываемых услуг.

В рамках действующей в Крыму Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» реализуются проекты развития транспортной и инженерно-хозяйственной инфраструктуры ряда перспективных туристских кластеров. В то же время сравнительно мало внимания уделяется строительству спортивных и оздоровительных сооружений и общественно значимых анимационных объектов.

4. *Функциональная структура туристско-рекреационного комплекса Крыма развивается в направлении диверсификации.* Специализация Крыма складывалась на протяжении столетий и является следствием приморского положения региона на Юге России, особенностей структуры ресурсного туристско-рекреационного потенциала и его распределения по территории полуострова. Важную роль в диверсификации видов и форм рекреации и туризма сыграли и продолжают играть изменения на мировом потребительском рынке, стратегические планы государства по поддержке общественно значимых направлений, совершенствование региональной общехозяйственной и специальной инфраструктуры.

Важнейшим сегментом туристско-рекреационного комплекса Республики Крым остается *санаторно-курортный комплекс*, насчитывающий в 2020 г. 113 санаторно-курортных учреждений разного типа на 44,2 тыс. мест. Для Севастополя лечебно-оздоровительная функция не является приоритетной: на территории города работают только 2 санаторно-курортные организации, рассчитанные на 371 место. Статус общероссийских здравниц имеют бальнеогрязевые курорты городов Саки и Евпатория, специализирующиеся на лечении болезней опорно-двигательной системы и климатические курорты Южного и Юго-Восточного берега Крыма (Большая Ялта, Алушта, Судак. Феодосия), лечебный профиль которых связан с лечением

заболеваний органов дыхания, сердечно-сосудистых и нервных болезней. На протяжении 2000–2013 гг. лечебная функция Крыма ослабевала, что проявлялось в сокращении числа санаторно-курортных объектов и ухудшении их лечебно-диагностического и материально-технического обеспечения. Решение актуальной задачи развития в Крыму круглогодичного и прибыльного лечебного туризма является основанием для системной трансформации санаторно-курортного комплекса (усиление сердечно-сосудистой специализации крымских здравниц, внедрение инновационных терапевтических методик, расширение объема дополнительных услуг).

Традиционными районами отдыха и водных развлечений являются Южный и Юго-Восточный берега Крым, Евпатория, обустраиваются побережья более позднего освоения — между Евпаторией и Севастополем (Николаевка, Песчаное, Прибрежное, Фрунзе, Любимовка), Тарханкут (Оленевка, Межводное и др.), Керченский полуостров (Каменское, Семеновка и др.). До последнего времени их рекреационное освоение носило очаговый характер, реализации комплексных проектов препятствовали проблемы с водоснабжением и общехозяйственной инфраструктурой.

Туристский комплекс Республики Крым и г. Севастополь развивается под влиянием ряда общемировых и национальных трендов — диверсификации видов, форм и целевых аудиторий природноориентированного и социокультурного туризма, индивидуализации и экологизации программ обслуживания, роста популярности комбинированных туров, усиления роли технологических инноваций и информационного компонента на всех стадиях разработки и функционирования туристских маршрутов и др.

Согласно Реестру 2018 г., система действующих туристских маршрутов в Республике Крым включала 376 организованных маршрутов, из них 94 (25,0%) составляли активные туры [56]. Коммерческие предложения в сети Интернет в 2021 г. включали туры и программы активного туризма — 207, в том числе 131 — пешеходные (из них 14 категорийные: 8 маршрутов 1 категории и 6 маршрутов 2 категории), 20 — веломаршруты, 4 — конные, 6 — автомобильные, 7 — морские каякинговые, 39 — комбинированные (сочетание спортивных, познавательных, приключенческих, эзотерических и других занятий). Особенности многих маршрутов активного туризма в Крыму является высокий удельный вес самостоятельных форм, привязка пешеходных троп, веломаршрутов, трасс для джиппинга к особо охраняемым природным территориям (ООПТ), четко выраженный сезон (более 86% предлагаемых туров приходится на период с апреля по ноябрь). Новой формой организации и управления маршрутным туризмом стал проект Большой Севастопольской тропы, реализованный в 2017 г. и включающий 8 маршрутов протяженностью 150 км.

В структуре разработанных социокультурных маршрутов (всего — 273 маршрута Реестра) преобладают маршруты познавательного (культурного) туризма (34%), образовательные маршруты (11%), эногастрономические маршруты (9%). В число круглогодичных включены

91,2% маршрутов. Популярны комплексные экскурсионные программы туроператоров, рассчитанные на 5 и более дней (например, «Крымская кругосветка», ООО «Кандагар»), а также специализированные маршруты («Малый Иерусалим», г. Евпатория). Крупными экскурсионными центрами Крыма остаются Севастополь (объекты античной и военной истории), Большая Ялта (южнобережные дворцы, объекты садово-паркового искусства, винодельческие хозяйства), Судак (объект фортификационного искусства, винодельческие хозяйства), Феодосия (объекты античной истории, музеи), Керчь (объекты античной и военной истории).

Уровень диверсификации функциональной структуры отдыха в Крыму имеет тенденцию к росту, что прослеживается в увеличении числа видов рекреации и туризма. С 1985 по 2020 г. их количество выросло с 21 до 48, при этом расширение рекреационных функций происходит преимущественно за счет специализированных (нишевых) видов туризма [84]. Относительно новыми для региона видами природоориентированного туризма выступают экологический, сельский, конный, дайвинг, каякинг, винд- и кайтсерфинг. С начала 2000-х годов получили развитие такие социокультурные направления в туризме, как этнографический, конгрессный, деловой, инсентив-туризм, эзотерический, фестивальный и другие. Более высокий уровень диверсификации регионального туристского продукта достигнут в староосвоенных приморских и горных районах — Ялте, Алуште, Феодосии, Бахчисарайском районе. В районах позднего рекреационного освоения монофункциональный тип рекреации постепенно пополняется новыми видами туристско-рекреационных занятий (на Тарханкутском и Керченском полуостровах развиваются яхтинг, виндсерфинг, кайтинг, экологический, этнографический, археологический туризм).

Развитие процесса диверсификации туристско-рекреационного комплекса Крыма сдерживается достаточно слабой инновационной активностью представителей туристского бизнеса. Санаторно-курортный комплекс Крыма функционирует в круглогодичном режиме, но для большинства оздоровительных и туристских программ свойственна сезонность. Например, на период с апреля по ноябрь приходится 86% предлагаемых туров, новый пик посещаемости Крыма приходится на рождественские, новогодние и майские праздники.

5. *Для территориальной структуры туристско-рекреационного комплекса Крыма характерны диспропорции в уровне рекреационной освоенности различных регионов полуострова.* Главным типом территориальных туристско-рекреационных систем в Крыму выступают приморские туристско-рекреационные системы (ПТРС). На побережьях Черного и Азовского морей сложились 15 ПТРС, имеющих различную специализацию и разный уровень зрелости функциональной и организационной структуры (рис. 2.41).

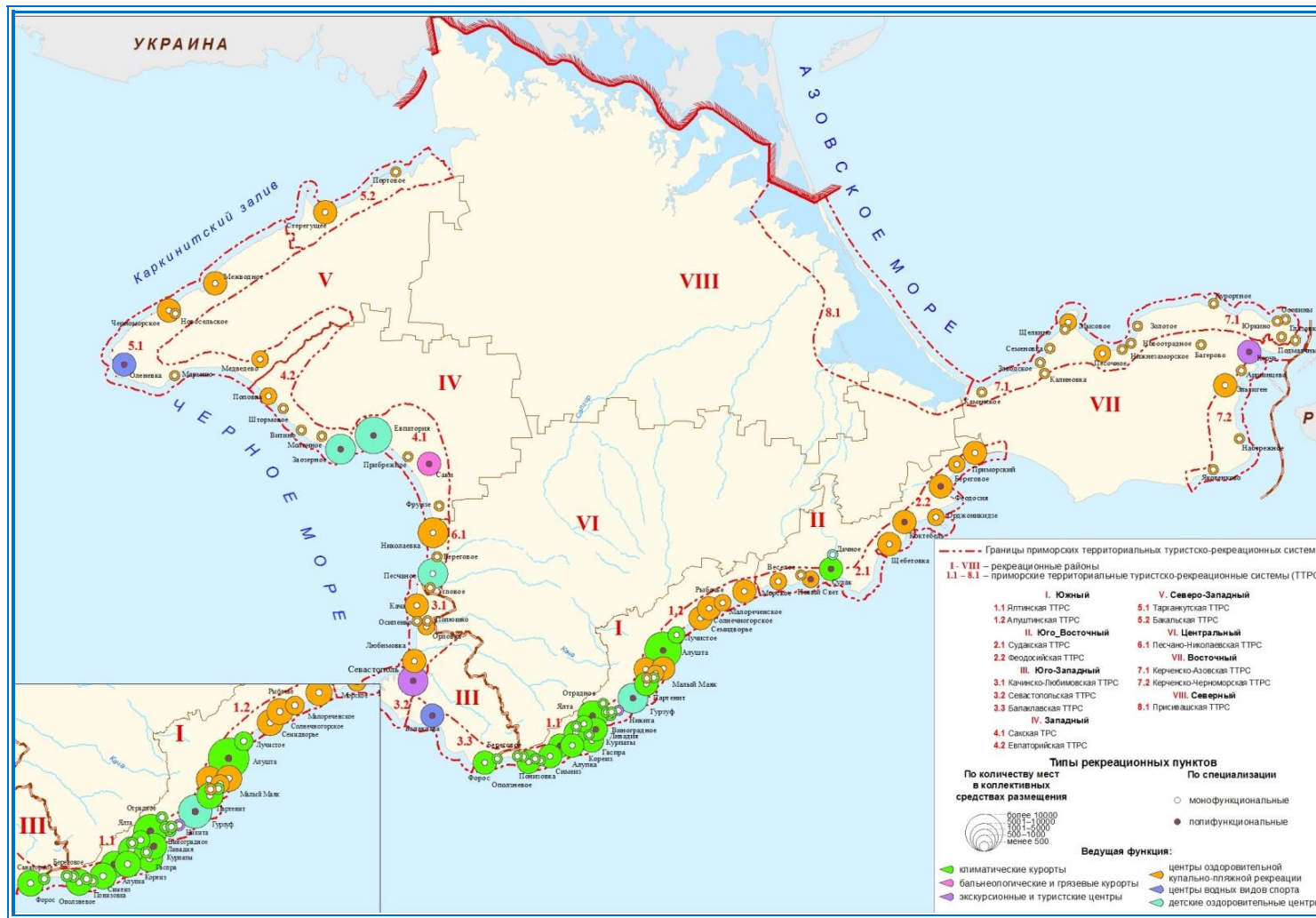

Рис. 2.41. Функциональная и территориальная структура приморских туристско-рекреационных систем Крыма.

Более интенсивно процесс рекреационного освоения побережья протекал в районах, обладающих благоприятным пространственным сочетанием разнообразных рекреационных ресурсов, включая объекты природного и культурного наследия, что позволяло одинаково успешно развивать как природоориентированные, так и социокультурные виды рекреации и туризма (Ялтинская, Севастопольская, Алуштинская, Феодосийская, Судакская ПТРС). Степень туристско-рекреационной освоенности побережья Крыма крайне неоднородная. В расчете на 1 км прибрежной полосы (во внимание принимались средства размещения, дистанцированные от побережья вглубь полуострова не более чем на 3 км) предельной освоенностью отличаются Алуштинская, Евпаторийская и Песчано-Любимовская ПТРС (600–800 мест на 1 км), а периферийные районы полуострова имеют резервы для дальнейшего наращивания коечного фонда (Тарханкутская, Керченско-Азовская ПТРС, где данный показатель составляет 20–40 мест на 1 км). Результатом развития процессов урбанизации на Южном берегу Крыма стало формирование рекреационных агломераций, среди которых крупнейшей является моноцентрическая агломерация Большой Ялты, включающая 23 курорта. Нерешенными проблемами пространственной структуры приморских туристско-рекреационных систем остаются доминирование неэффективной формы линейного освоения побережья, повсеместное нарушение принципов функционального зонирования территории, расширение ареала многоэтажной жилой застройки.

Пространственная структура маршрутного туризма в Горном Крыму прошла этап смены четкой линейно-узловой формы плановых горно-пешеходных маршрутов, характерной для советского периода, к стихийным радиально-очаговым структурам, тяготеющими к аттрактивным природным и культурно-историческим объектам. Фокусы туристской активности и специальной инфраструктуры сложились в окрестностях Чатырдага, Ай-Петри, Эски-Кермена, Мангуп-Кале, Демерджи, Карадага, Нового Света, Севастополя, Бахчисарая, Феодосии, Судака, Ялты и др. Многие туры пешеходного и комбинированного туризма построены по традиционному принципу «горы-море», а в конфигурации маршрутов соблюдается сочетание линейных и радиальных отрезков.

Степень пространственной неравномерности в распределении маршрутного туризма передают показатели числа, протяженности и густоты туристских маршрутов в разрезе регионов Крыма (рис. 2.42). Если в районах туристской специализации суммарная протяженность туристских маршрутов варьирует от 2 до 4 тыс. км (Ялтинский, Алуштинский городские округа, Севастополь, Судакский, Феодосийский городские округа, города Евпатория и Симферополь, Бахчисарайский и Белогорский муниципальные районы), то в большинстве районов северного Крыма она не превышает 100 км. Максимальные значения густоты туристских маршрутов фиксируются в городах Ялта, Саки, Евпатория, Симферополь.

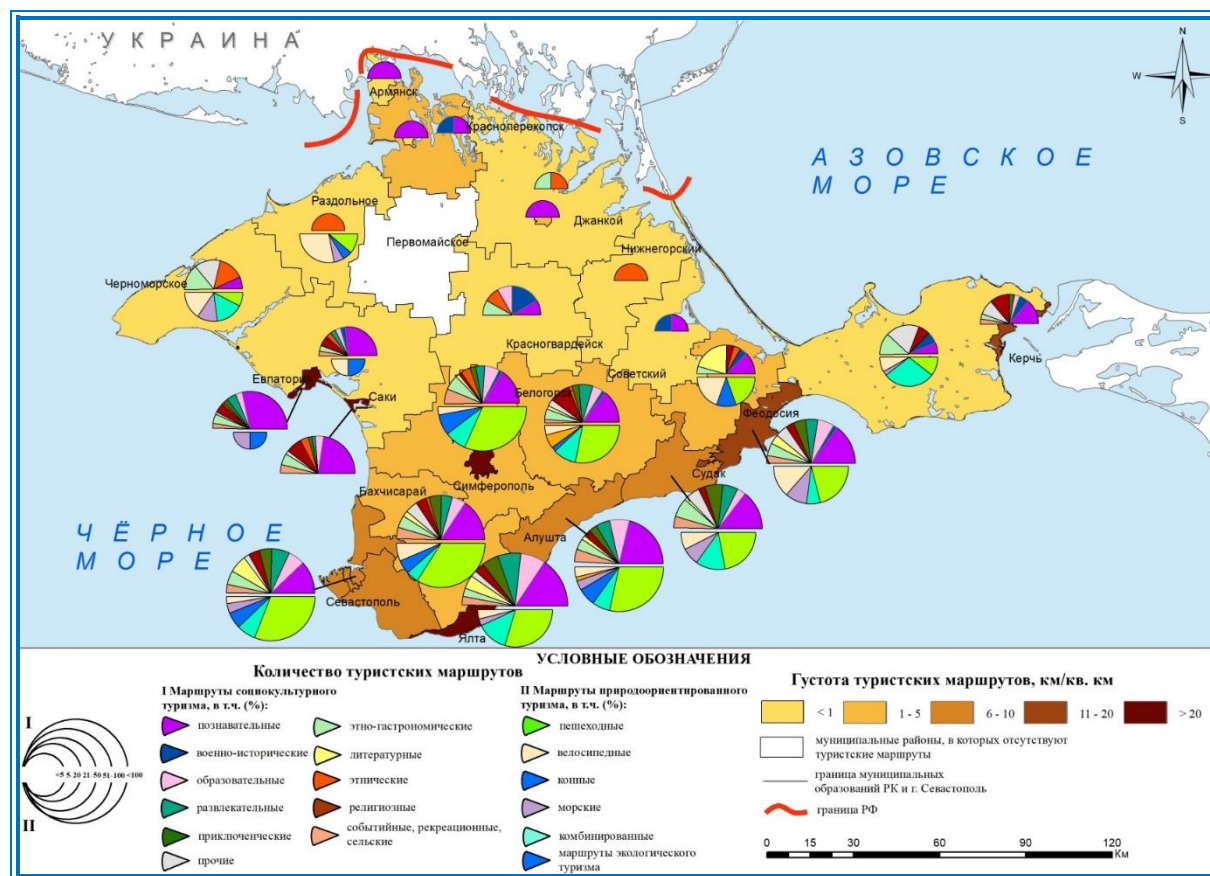

Рис. 2.42. Система маршрутного туризма в Крыму.

Территориальная структура туристско-рекреационного комплекса Крыма наиболее результативно исследуется посредством методологии рекреационного районирования. Многолетние исследования подтверждают, что на территории Крымского полуострова генетически возникли и получили дальнейшее развитие *восемь рекреационных районов*, отличающихся разной степенью благоприятности туристско-рекреационного ресурсного потенциала, различной степенью рекреационной освоенности территории, разной интенсивностью рекреационного процесса и уровнем развития функциональной и территориальной структуры. Разрыв в степени рекреационного освоения регионов полуострова постепенно сокращается, однако различия в специализации и социально-экономической результативности рекреации и туризма не только сохраняются, но даже углубляются (табл. 2.21). Изменение вектора туристского потока в Крым с северного на восточное направление, начиная с 2014 г., определило увеличение удельного веса Восточного Крыма в общей численности туристов, посетивших Крым, с 4,0 до 18,8%. За этот же период удельный вес Южного берега Крыма в обслуживании туристского потока сократился с 56 до 44,2%.

Т а б л и ц а 2.21. Основные характеристики рекреационных районов
Крыма, 2020 г.

Рекреационный район (административный состав)	Удельный вес района в суммарной емкости КСР, %	Специализация	Средний удельный вес земель рекреационного назначения в площади рекреационных поселений, %
Южный (Ялтинский, Алуштинский городские округа)	33,3	Климатолечение, купально- пляжная рекреация, экскурсионный, развлекательный, конгрессный туризм, детский отдых	36,9
Юго-Восточный (Судакский, Феодосийский городские округа)	14,5	Климатолечение и бальнеолечение, купально-пляжная рекреация, экскурсионный, авиа-туризм	23,0
Юго-Западный (Севастопольский городской округ)	6,6	Экскурсионный туризм, купально- пляжная рекреация, водные виды туризма (яхтинг, дайвинг)	18,0
Западный (Евпаторийский и Сакский городские округа, Сакский муниципальный район)	22,8	Климато-, бальнео- и грязелечение, детский отдых и лечение, экскурсионный туризм	24,5
Северо-Западный (Черноморский, Раздольненский муниципальные районы)	2,9	Купально-пляжная рекреация, дайвинг	13,6
Центральный (Симферопольский, Бахчисарайский, Белогорский, Кировский муниципальные районы)	7,8	Купально-пляжная рекреация, экскурсионный туризм, сельский, этнографический, горные виды туризма (пешеходный, скалолазанье, спелеотуризм, вело- и автотуризм)	31,5
Восточный (городской округ Керчь, Ленинский муниципальный район)	4,1	Купально-пляжная рекреация, экскурсионный туризм	20,8
Северный (Джанкойский, Красногвардейский, Советский Красноперекопский, Нижнегорский, Первомайский, муниципальные районы)	8,0	Транзит туристов, местный отдых, охотничий туризм	-

6. Туристско-рекреационный комплекс Крыма позиционируется как важнейшая составляющая экономической безопасности региона. В 1990–2013 гг. рекреация и туризм обеспечивали не более 6,5% всех налоговых поступлений в крымский бюджет, однако давали существенный

прирост доходов в смежных отраслях хозяйства. По оценкам профильного министерства, в начале 2000-х годов косвенные доходы от туризма составили (в %): по объектам размещения — до 90; товарам курортного спроса — до 70; товарам народного промысла — до 70; индустрии развлечений — до 70; железнодорожному пассажирскому транспорту — 60; пассажирскому авиатранспорту — 50; сфере услуг — 50; транспорту по Крыму — 30; связи — до 20; электроэнергии — до 10; продуктам питания — 20; доходам населения курортов — до 30 [82].

Вхождение Крыма в социально-экономическое пространство Российской Федерации поставило задачу превращения туристско-рекреационного комплекса Крыма в реальный высокодоходный сегмент российской экономики, способный позитивно влиять на экономическую безопасность региона, стимулируя приток денежных средств, создание новых рабочих мест, рост инвестиционной активности и рост валового регионального продукта в целом.

Согласно данным официальной статистики, в регионах Крыма в 2014–2020 гг. прослеживался положительный тренд экономических результатов сферы туризма и гостеприимства. Даже в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений из-за распространения коронавируса в туристский сезон 2020 г. загрузка номерного фонда КСР составила 95%, а доходы санаторно-курортных, гостиничных и туристских организаций превысили уровень 2018 г. (табл. 2. 22).

Т а б л и ц а 2.22. Динамика экономических показателей функционирования туристско-рекреационного комплекса Крыма

Показатели	Республика Крым				г. Севастополь			
	2014	2016	2018	2020	2014	2016	2018	2020
Доходы КСР от предоставляемых услуг, млрд руб.	6,0	22,9	28,7	33,9	0,3	1,1	1,5	1,7
Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг, млрд руб.	3,3	9,2	13,6	13,1	0,06	0,01	0,14	0,24
Средства, поступившие от реализации туристского продукта, млрд руб.	0,5	2,8	2,7	0,5	3,2	1,7	1,5	3,2

Составлено по: [46; 63]

Туристско-рекреационный комплекс Крыма пока не является ключевым сегментом валового регионального продукта. По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополь, доля гостиниц и предприятий общественного питания в структуре валового регионального продукта Республики Крым в 2019 г. не превышала 2,4% [68], в то время как аналогичный показатель в соседней Турции почти в пять раз больше. Прямые налоговые поступления от туристской отрасли в бюджет Республики Крым в

2020 г. составили 3,842 млрд руб., что составляет около 7% в общей сумме налогов. По оценкам, вместе со смежными отраслями туризм дает около 25% поступлений в республиканский бюджет [47].

В настоящее время туристско-рекреационный сектор хозяйственного комплекса Крыма обеспечивает работой около 40 тыс. человек, а с учетом обслуживающих туризм отраслей — 200–250 тыс. человек, что составляет соответственно 4,7 и 29,3% от общей среднегодовой занятости населения в 2020 г. Проблемой занятости населения в индустрии туризма является резкое колебание потребности в рабочей силе по сезонам года: в зимний период уровень занятости в гостиничном и ресторанном хозяйстве курортов Крыма снижается вдвое. Актуальна также проблема нехватки квалифицированного линейного персонала в высокий туристский сезон. С целью повышения качества рабочей силы в индустрии туризма и обучения основам гостеприимства Министерство курортов и туризма Республики Крым в 2021 г. поставило вопрос о необходимости разработки и внедрения специализированной образовательной комплексной программы «Крымоведение» в учебных заведениях республики, направленной на углубленное изучение родного края с учетом специфики курортной составляющей региона. Программа будет реализовываться с привлечением представителей науки и образования и экспертов туристского бизнеса.

Инвестиционная активность в туристско-рекреационном комплексе Крыма в условиях западных санкций не отличается масштабностью и ориентацией на прорывные инновационные проекты. Большинство инвестиционных проектов нацелены на модернизацию санаторно-курортных объектов, строительство новых гостиничных комплексов и объектов инфраструктуры. В 2020 г. в Республике Крым реализовывались следующие крупные проекты: в Ялте: «Многофункциональный спортивно-оздоровительный комплекс» (9,8 млрд руб.); «Центр винного туризма» (4,7 млрд руб.); «Мрия-парк» (4 млрд руб.); «Казино в Качивели» (3 млрд руб.); в Алуште: «Многофункциональный туристско-рекреационный комплекс» (6,9 млрд руб.); в Феодосии: «Водноспортивный оздоровительный комплекс «Золотой пляж»» (0,75 млрд руб.). Приоритетными инвестпроектами в Севастополе являются «Развитие Балаклавы», включающий строительство яхтенной марины на 600 судов и рекреационных зон (14 млрд руб.) и «Создание парка живой истории «Федюхины высоты» (0,3 млрд руб.).

Туристско-рекреационный комплекс декларируется в качестве приоритетной специализации в стратегических планах социально-экономического развития крымского региона [66]. Приоритетными направлениями его развития являются достижение оптимальной и инновационной функциональной структуры, рост конкурентоспособности регионального турпродукта за счет повышения качества предоставляемых услуг и проведения гибкой ценовой политики, сглаживание сезонной и пространственной неравномерности в функционировании туристско-рекреационного комплекса, обеспечение безопасной и комфортной туристской среды. Благоприятные перспективы открываются в связи с ориентацией на новые целевые рынки, налаживанием планов кооперирования

с производителями туристско-рекреационных услуг в других регионах Юга России, проведением наступательной и последовательной имиджологической работы в СМИ и социальных сетях.

Литература

1. *Алексеев Д. Ю.* Выборы Президента России — 2018: итоги и перспективы // Известия Восточного института, 2018. № 2. С. 113–121.
2. *Асаул А. Н.* Экономика недвижимости. 2-е изд.– СПб.: Питер, 2007. 624 с.
3. *Атлас* социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas-crimea.ru> — (дата обращения 15.09.2021).
4. *База данных* муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst35/DBInet.cgi>
5. *Байракова И. В., Романюк Е. В.* Анализ безработицы и её форм в Республике Крым // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2018. № 4. С.49–55.
6. *Баранов А. В.* Черноморский историко-культурный регион России в составе южнороссийского фронта: современные трансформации // Астраханские Петровские чтения: «Россия-Астрахань-Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской области)» (Астрахань, 26–28 октября 2017 г.) — Астрахань, ФГБОУВПО Астраханский государственный университет, 2018. С. 178–181.
7. *Бобра Т. В., Свербилова А. А.* Мониторинг и анализ транспортной нагрузки в пределах городского округа Симферополь // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 232–243.
8. *Бобра Т. В., Свербилова А. А.* Мониторинг шумового загрязнения территории г. Симферополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 6. № 2. С. 182–192.
9. *Бродовский С. Л., Бурец А. В., Иванникова М. М.* Современные тенденции развития рынка труда Республики Крым: сборник трудов V Международной научно-практической конференции: «Современные технологии управления персоналом». 2018. С. 26–32.
10. *В Крыму* новым направлением в развитии дорожно-транспортной отрасли является цифровая трансформация [Электронный ресурс]. URL: <https://mtrans.rk.gov.ru/ru/article/show/870> — (дата обращения 10.11.2021).
11. *Волков Д. Л.* Экономика и финансы недвижимости. — СПб., 1999. 32 с.
12. *Вольхин Д. А.* «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 154–169.
13. *Вольхин Д. А.* Крымский мост как фактор интеграции региона в экономическое пространство России // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). № 4. С. 47–61.
14. *Враг в лице* бедности пока не побеждён, заявил Путин [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210927/bednost-1751998890.html> — (дата обращения 17.10. 2021).
15. *Выборы депутатов* Государственного Совета Республики Крым первого созыва: Избирательная комиссия Республики Крым: Сводная таблица результатов выборов по единому округу [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vrn=2932000424779®ion=93&prver=0&pronetvd=0>.
16. *Выборы депутатов* Законодательного Собрания города Севастополя первого созыва: Избирательная комиссия города Севастополя: Сводная таблица результатов выборов по единому округу [Электронный ресурс]. URL: <http://>

- www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom? action = show&vrn = 294200067479®ion = 94&prver = 0&pronetvd = 0.
17. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым второго созыва: Избирательная комиссия Республики Крым: Сводная таблица результатов выборов по единому округу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vrn=2932000424779®ion=93&prver=0&pronetvd=0>
 18. Выборы депутатов Законодательного Собрания города Севастополя второго созыва: Избирательная комиссия города Севастополя: Сводная таблица результатов выборов по единому округу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vrn=2942000200487®ion=94&prver=0&pronetvd=0>.
 19. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. Республика Крым [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvd=100100067796159&vrn=100100067795849®ion=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100067796159&type=233.
 20. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. Город Севастополь [Электронный ресурс]. URL: http://www.sevastopol.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=1000309&tvd=100100067796164&vrn=100100067795849&prver=0&pronetvd=null®ion=94&sub_region=94&type=233&report_mode=null.
 21. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. Республика Крым [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvd=100100225883742&vrn=100100225883172®ion=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100225883742&type=233.
 22. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. Город Севастополь [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&tvd=100100225883177&vrn=100100225883172®ion=93&global=null&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100225883747&type=233.
 23. *Выборы Президента* Российской Федерации 18 марта 2018 г. ЦИК России. Республика Крым. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvd=100100084849210&vrn=100100084849062®ion=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849210&type=227.
 24. *Выборы Президента* Российской Федерации 18 марта 2018 г. ЦИК России. Город Севастополь. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100084849211&vrn=100100084849062&prver=0&pronetvd=null®ion=94&sub_region=94&type=227&report_mode=null.
 25. *Выборы Президента* Российской Федерации 18 марта 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100031793505®ion=0&prver=0&pronetvd=null>.
 26. *Выборы Президента* Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.
 27. Гольц Г. А. Транспорт и расселение. — М.: Наука, 1981. 248 с.
 28. Гуров С. А. Факторы ценообразования рынка недвижимости: географические аспекты // Культура народов Причерноморья. 2006. № 85. С. 40–43.
 29. Дружинин А. Г. Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С. 11–24.
 30. Дружинин А. Г. Современные общевразийские тренды в развитии Юга России: общественно-географический аспект // Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских

- географов-обществоведов (г. Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.) — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. С. 52–57.
31. *Единая межведомственная информационно-статистическая система* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru> — (дата обращения 29.09.2021).
 32. *Естественное движение населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым за 2020 год* (по данным регистрации органов ЗАГС). [Электронный ресурс] URL: http://crimea.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources.2018.pdf
 33. *Закон города Севастополя от 30 апреля 2014 года № 4-ЗС «О выборах депутатов Законодательного Собрания города Севастополя»* [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2014/05/06/sevastopol-zakon4-reg-dok.html>
 34. *Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года № 3-ЗПК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым»* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/09/12/krim-zakon3-reg-dok.html>.
 35. *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* / Федеральная служба государственной статистики. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
 36. *Каминский В. С. Итоги выборов Президента РФ 2018: Региональное измерение // Эпоха науки. Общественно-гуманитарные науки, 2018. № 16. С. 253–266.*
 37. *Качество жизни в регионах России и Украины: общественно-географические исследования* / И. В. Гукалова, С. В. Рященко, Л. Г. Руденко, Н. В. Воробьев, С. А. Лисовский, Е. А. Маруняк, К. Н. Мисевич. — Иркутск — Киев: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2010. 147 с.
 38. *Каючкин Н. П. Географические основы транспортного освоения территории.* — Новосибирск: Наука, 2003. 166 с.
 39. *Киселёв С. Н. Крымская идея.* — Симферополь, 2010. 208 с.
 40. *Киселёва Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения* / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. — Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
 41. *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года* (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 01.07.2014 г. № 483). — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1>.
 42. *Крымская железная дорога вступила в битву за грузы* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/comments/krymskaya-zheleznaya-doroga-vstupila-v-bitvu-za-gruzu/> — (дата обращения 20.10.2021).
 43. *Крымский мост на 70 процентов увеличил грузооборот КЖД* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/02/reg-ufo/krymskij-most-na-70-procentov-uvlichil-gruzooborot-kzhd.html> — (дата обращения 20.10.2021)
 44. *Кузнецов М. В. Особенности развития транспорта в системе общественной организации территории Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География». 2004. Т. 17 (56). № 4. С. 373–382.*
 45. *Машьянова Е. Е., Смирнова Е. А. Анализ социально-экономического развития Республики Крым // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2020. № 3. С. 206–215.*
 46. *Министерство курортов и туризма Республики Крым. Статистические данные* [Электронный ресурс]. URL: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/14> — (дата обращения 29.10.2021).
 47. *Налоговые поступления от туризма в Крыму выросли в 2020 году на 2,5%* <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/76839/> — (дата обращения 6.09.2021).
 48. *Ничкова Л. А., Сигора Г. А., Хоменко Т. Ю. Проблемы загрязнения окружающей среды автомобильным транспортом в Республике Крым // XXI век. Техносферная безопасность. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 26–37.*

49. *Обзор рынков* коммерческой и жилой недвижимости, а также земельных участков в Республике Крым по состоянию на 01 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://statrielt.ru/downloads/obzory/.pdf>.
50. *Объёмы перевозок* через аэропорты России. Федеральное агентство воздушного транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-stat-dannye/> — (дата обращения 20.10.2021).
51. *Оперативные данные* по естественному движению населения г. Севастополя (по дате регистрации в органах ЗАГС), 2017–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://crimea.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/.pdf.
52. *Павленко И. Г., Подсмашина И. Н.* Исследование социально-демографических портретов рынка труда Республики Крым в условиях трансформации экономики региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 135–139.
53. *«Портрет» крымского туриста* сезона 2018 года. Отчет Министерства курортов и туризма Республики Крым. Симферополь, 2019. 18 с.
54. *Регионы Республики Крым*, 2016: Стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2017. 324 с.
55. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020.* Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
56. *Реестр* субъектов и объектов туристской индустрии Республики Крым. Раздел «Туристские (экскурсионные) маршруты» / Министерство курортов и туризма Республики Крым, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://mtur.rk.gov.ru/structure/294> — (дата обращения 6.09.2021).
57. *Республика Крым в цифрах. 2020:* крат. стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2021. 226 с.
58. *Рождаемость и воспроизводство населения*, процессы брачности и разводимости в Республике Крым. Республика Крым: стат. бюл. / Крымстат. — Симферополь, 2018. 6 с.
59. *Рождаемость и воспроизводство населения*, процессы брачности и разводимости в Республике Крым». Республика Крым: стат. бюл. / Крымстат. — Симферополь, 2018. 40 с.
60. *Рождаемость, смертность и естественный прирост* населения России, 1950–2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
61. *Росстат.* Региональная статистика [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics — (дата обращения 29.09.2021).
62. *Сазонова Г.В., Сахнова Н.С.* Демографические процессы в рекреационных районах Республики Крым: географический аспект/ Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, 2016. Т. 7. С. 40–42
63. *Севастополь.* Статистический сборник. 2002 г. — Севастополь: Севастопольское городское управление статистики, 2003. 157 с.
64. *Статистический бюллетень «Смертность населения Республики Крым»:* стат. бюл. / Крымстат. — Симферополь, 2018. 48 с.
65. *Статистичний щорічник* Автономної Республіки Крим 2010 р. — Симферополь: Головне управління Статистики в Автономній Республіці Крим, 2011. 150 с.
66. *Стратегия* социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/strategy-shortvers.pdf>.
67. *Управление* Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. [Электронный ресурс]. Рынок труда, занятость населения и др. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/employment/ — (дата обращения 03.08.2021).
68. *Управление* Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополь. [Электронный ресурс]. Валовой региональный продукт.

- [Электронный ресурс] URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27456> — (дата обращения 6.09.2021.).
69. *Чекменёва Л. Ю.* Территориальный анализ и диагностика геодемографической ситуации Пермского края: автореф. ... канд. геогр. наук. — Пермь. 2010. 24 с.
 70. *Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г.* [Электронный ресурс]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> — (дата обращения 29.08.2019).
 71. *Численность избирателей*, зарегистрированных на территории города Севастополя по состоянию на 01 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sevastopol.izbirkom.ru/number-of-voters/svedeniya_01_07_2016.php.
 72. *Численность избирателей*, зарегистрированных на территории города Севастополя по состоянию на 01 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sevastopol.izbirkom.ru/number-of-voters/01072021.php>.
 73. *Численность избирателей*, зарегистрированных на территории Республики Крым по состоянию на 01 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimea.izbirkom.ru/number-of-voters/2016.php>.
 74. *Численность избирателей*, зарегистрированных на территории Республики Крым по состоянию на 01 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.izbirkom.ru/number-of-voters/2021/?clear_cache=Y.
 75. *Швец А. Б.* Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2019. Т. 5 (15). Вып. 4. С. 29–46.
 76. *Швец А. Б., Вольхин Д. А.* Исчезающие сёла Крымского полуострова как фрагмент в изучении «Иного Крыма» // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3. С. 71–82.
 77. *Швец А. Б., Сикач К. Ю.* Новая реальность этнического пространства в российском Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2020. Том 6 (16). Вып.3. С. 301–313.
 78. *Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В.* Пространство миграций в современном Крыму/ Современные миграционные процессы: состояние и основные формы. Материалы международной научной конференции, Тирасполь, 17 декабря 2015 года. — Кишинёв, Международная Организация по Миграции, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 82–91.
 79. *Ширяев С. Д.* Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII и первой половине XIX в. // Крым. — Симферополь, 1927. № 2 (4). С. 170–181.
 80. *Этническая и этнополитическая карта Крыма.* Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
 81. *Этнический состав населения и владение языками / Население России 2010–2011 / Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский.* — М.: Издательский дом ВШЭ, 2013. С. 93–139.
 82. *Яковенко И. М.* Актуальные проблемы рекреационных районов Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. 2007. Т. 20 (59). География. № 2. С. 10–20.
 83. *Яковенко И. М.* Пространственная структура туристско-рекреационного освоения Крыма: состояние и перспективы // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 180–195.
 84. *Яковенко И. М.* Функциональная структура рекреационных районов Крыма: пространственно-временной аспект // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. Выпуск 1. С. 26–37.
 85. *Яковенко И. М., Войтеховский Д. В.* Концепция устойчивого развития системы расселения Крымского рекреационного района // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). № 4. С. 18–28.

Глава 3

ПРИОРИТЕТЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА

3.1. Хозяйство Крыма в новых социокультурных условиях

Современное хозяйство Крыма — наиболее сложный сегмент трансформационных процессов в новых социокультурных условиях. Это связано с многоаспектностью процессов и среды, в которой они формируются. В самом общем виде изменения хозяйственного комплекса Крыма можно представить как смену его отраслевых и территориальных пропорций развития. Но это неполная картина трансформации хозяйства региона. Гораздо важнее понимать сдвиги в целеполагании и смысле хозяйственной деятельности в российском Крыму.

В документах стратегического планирования Российской Федерации Республика Крым и город федерального значения Севастополь отнесены к её *геостратегическим территориям* [67, с. 13]. Это означает, что хозяйственный комплекс Крыма ориентируется в экономической системе России на обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, её территориальную целостность и безопасность в специфических условиях жизни и ведения хозяйственной деятельности. Специфика хозяйственной деятельности в Крыму обусловлена сменой политико-государственной субъектности региона и неоднозначной реакцией на это международного сообщества стран.

Фактически хозяйству Крыма необходимо изменить инерционную модель развития региона, которая была сформирована в масштабах большого экономического пространства бывшего Советского Союза с многочисленными кооперационными связями и ёмким рынком сбыта. В период административно-государственной принадлежности Украине хозяйственная модель развития Крыма унаследовала советскую, хотя упростилась. В ней сократились объемы кооперационных связей, сохранилась рекреационная специализация региона в сочетании с производственными отраслями и сворачивающимся военно-промышленным производством.

С 2014 года хозяйственный комплекс Крыма начал разноскоростное для отдельных отраслей и территорий инкорпорирование в российское государственно-правовое пространство, в течение которого законодатели России приняли более пяти десятков законопроектов, направленных на построение правового фундамента экономического развития Крыма [7]. Важной деталью этого процесса стала необходимость *эффективного выполнения* принятых нормативно-правовых актов. И этот аспект социокультурных трансформаций в Крыму обнаружил низкую управленческую культуру региональных менеджеров хозяйственного комплекса [13].

Федеральный центр инициировал деятельность по созданию новых институтов управления регионом, приобретению участниками

управленческого процесса необходимых компетенций, формированию у них способности к самоуправлению, созданию партнёрских отношений с бизнес-структурами, муниципальными органами власти, общественными организациями и местным населением. Сохраняющаяся в течение семи лет нахождения Крыма в России мобильность управленцев в правительстве Республики Крым и г. Севастополя указывает на незавершённость формирования кадровой составляющей в управленческой вертикали Крыма. По мнению экспертов, механизмы и каналы рекрутирования людей в административный аппарат Крыма не претерпели коренных изменений и носят по преимуществу закрытый характер, что присуще большинству постсоветских республик и России в том числе [35].

Основными документами, регулирующими процесс современной трансформации хозяйства Крыма, являются стратегии социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года и федеральная целевая программа (ФЦП) по развитию обоих крымских субъектов до 2025 года [68; 69; 76]. Эти документы несколько раз продлевались по срокам исполнения, поскольку изначально был недооценён масштаб необходимых Крыму работ по созданию его нового экономического фундамента. Уже на первом этапе реализации ФЦП стали проявляться нарушения, связанные с выбором исполнителей работ на многочисленных строительных объектах программы, срывы сроков введения объектов в эксплуатацию, опоздание с освоением финансовых средств, выделенных на ведение строительных работ, возвраты их в госбюджет. Нередки были случаи реализации мошеннических схем и воровства бюджетных ресурсов подрядчиками, заходившими в Крым [14]. И только к концу 2020 года ФЦП развития Крыма набрала нужные обороты: прекратились возвраты финансовых средств в федеральный бюджет и уровень их освоения составил в Республике Крым 97%, а в Севастополе — 91% [16]. Федеральный центр впервые с 2015 года отметил «...высокую эффективность властей при реализации федеральной целевой программы по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя» [81].

Интеграция Крыма в экономическое пространство Российской Федерации началась в догоняющем режиме, что отразилось на динамике валового регионального продукта (рис. 3.43). Региону необходимо было параллельно решать две задачи: совершенствование устаревшей инфраструктурной оснащённости территории и повышение уровня своего экономического развития до среднероссийского, а по отдельным показателям до уровня регионов-лидеров Южного федерального округа (Краснодарский край и Ростовская область). Кроме того, Крыму необходимо было определить собственную нишу в российском межрегиональном разделении труда [20].

Последняя из указанных задач осложнялась транспортной, энергетической и водной блокадами, организованными против Крыма украинской властью. Они резко ухудшили логистическую и ресурсную составляющие хозяйственного комплекса полуострова. В 2019 году после ввода в эксплуатацию Балаклавской (Севастопольской) и Таврической (Симферопольской) тепловых электростанций угроза дефицита

энергоресурсов для хозяйственного комплекса полуострова была ликвидирована. Завершение в 2020 году 95% автодороги «Таврида», связавшей Крым с материком, улучшило логистическую доступность региона. Однако проблема водообеспеченности Крымского полуострова пока находится в числе ресурсно ограничивающих его экономическое развитие на ближайшую перспективу и создающих необходимость получения дотаций в бюджет региона.

Рис. 3.43. Динамика валового регионального продукта Республики Крым и г. Севастополь в 2014–2019 гг., млн руб.

Составлено по: данным Крымстата.

Предоставление средств из Федерального бюджета в доходную часть бюджетов Республики Крым и г. Севастополь сохраняет патронажный характер и свидетельствует о низкой экономической самостоятельности обоих субъектов. Это подтверждает удельный вес безвозмездных поступлений из Федерального бюджета в доходы Республики Крым и г. Севастополь. Если в 2015 году в доходной части бюджета Республики Крым доля безвозмездных поступлений составляла 67,2%, то в 2020 г. этот показатель вырос до 72,6%, а для г. Севастополя аналогичные поступления распределились в указанные периоды как 61,4 и 72,0% [51].

Высокая степень зависимости крымского хозяйства от федеральных поступлений в бюджет региона свидетельствует о слабом использовании экономического потенциала Крыма [80]. Изменение этой ситуации возможно лишь при увеличении объёмов производства крымской промышленной, сельскохозяйственной продукции, строительства, роста оказания услуг организациями всех видов экономической деятельности. Такой тренд развития Крыма будет влиять на изменение структуры его финансового потенциала: от высокой доли безвозмездных доходов к росту налоговых и неналоговых поступлений в доходную часть бюджета.

Эффективное использование конкурентных преимуществ хозяйства Крыма снижает санкционный режим, действующий в регионе на четырёх

уровнях: официальные санкции, введённые против Российской Федерации; официальные санкции, введённые непосредственно против Республики Крым и г. Севастополь; неофициальные ограничения со стороны как иностранных, так и стратегически важных российских экономических субъектов; повышенная угроза враждебных действий вплоть до терактов и диверсий разного рода со стороны внешних сил.

Крымский регион подвергается санкционному давлению, прежде всего, со стороны стран ЕС и США, а также Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Южной Кореи, Швейцарии, Норвегии, Лихтенштейна, Исландии, Черногории, Албании, Молдавии, Украины, Грузии (табл. 3.23.).

Т а б л и ц а 3.23. Наиболее значимые санкции и блокады в отношении Республики Крым и г. Севастополь

Вид санкций и санкционный инструмент	Экономические последствия
1	2
Экономические санкции ЕС и США	
Запрет на любой вид торговых операций	Резкое сокращение экспорта и импорта товаров и услуг
Запрет на создание любого совместного предприятия	Прекращение деятельности практически всех зарубежных компаний на территории Крыма. Заморозка или полное завершение большинства международных проектов
Запрет на предоставление финансовых ресурсов, инвестиционных услуг	Резкое сокращение объема прямых иностранных инвестиций и зарубежных кредитов. Отсутствие крупных зарубежных и российских инвесторов. Прекращение работы всех иностранных банков и их филиалов, функционирующих на территории Крыма. Запрет на использование международных платежных систем Visa и MasterCard, а также международных денежных переводов
Запрет на какую-либо экономическую деятельность в сфере транспорта, телекоммуникации, энергетики и туризма	Прекращение внешнеэкономических контактов с большей частью стран Европы, США и др. государствами
Запрет захода кораблей европейских и американских компаний в порты Крыма	Резкое сокращение масштабов деятельности практически всех портов Крыма
Запрет полетов зарубежных авиакомпаний в Крым	Прекращение международного авиасообщения с Крымом, переориентация его авиапредприятий на внутрироссийскую систему авиаперелётов
Запрет на осуществление любых видов экономической деятельности с предприятиями: «Черноморнефтегаз», Феодосийская нефтебаза, «Азовский ликероводочный завод», «Магарач», «Массандра», Завод шампанских вин «Новый Свет», «Керченский морской торговый порт», «Керченская паромная переправа», санаторий «Нижняя Ореанда» (г. Ялта), ООО «Российский национальный коммерческий банк», все морские порты и др.	Крупнейшие компании Крыма фактически удалены из системы международного разделения труда. Прекращение прямых поставок сырья, оборудования и технологий

Продолжение т а б л и ц ы 3.23.

1	2
Блокады со стороны Украины	
Прекращение подачи воды из р. Днепр в Северо-Крымский канал	Водная блокада. Дефицит водных ресурсов в Крыму, сокращение площади орошаемых земель, изменение отраслевой структуры сельского хозяйства
Прекращение грузовых и пассажирских перевозок в Крым с территории Украины всеми видами наземного, воздушного и морского транспорта	Блокада сложившихся транспортных коридоров Крыма. Осложнение транспортных связей населения Крыма с Украиной и материковой частью России через территорию Украины
Разъединение опτικο-волоконного магистрального кабеля, соединявшего Украину с Крымом	Цифровая блокада Крыма. Прекращение внешних информационно-коммуникационных связей
Прекращение подачи электроэнергии со стороны Украины	Энергетическая блокада. Резкий дефицит энергоресурсов. Необходимость наращивать местную генерацию электроэнергии.
Введение таможенных ограничений на границе с Крымом	Продовольственная блокада Крыма

Составлено по: [69].

В регионе сохраняет актуальность нехватка инвестиционных ресурсов. Российский бизнес опасается разворачивать на территории Крымского полуострова крупные инвестиционные проекты, рискуя попасть под «антикрымские» санкции. Сказывается также прецедент «крымской национализации».

В Российской Федерации на момент вхождения в неё Крыма существовал правовой вакуум вокруг вопроса перехода к государству имущества, находящегося в частной собственности на региональном уровне. Между тем, в 2014–2015 годах в Республике Крым решением Государственного Совета была проведена национализация собственности целостных имущественных комплексов, имущества предприятий, учреждений, организаций агропромышленного комплекса, расположенных на территории полуострова [56].

С одной стороны, это была вынужденная мера, без которой отсутствовала возможность перерегистрации крымских предприятий по российскому законодательству. В частности, возникли сложности у акционерных обществ, которые в большинстве своем, потеряли связь с акционерами на Украине, без согласия которых стала невозможной их перерегистрация и выкуп имущества. Но, с другой стороны, у крымской власти появился прецедент проведения передела собственности по своему усмотрению, «закрытию «неудобных» предприятий, изъятию по удобной цене необходимых для реализации собственных целей объектов и т. д.» [39]. Применение эксклюзивного механизма национализации, преобладание в нём политической целесообразности над экономической, несомненно, наложили отпечаток на психологию инвестирования экономики Крыма, укрепив недоверие потенциального частного собственника по отношению к региональным условиям хозяйствования.

Для изменения инвестиционного климата в Крыму Федеральная власть приняла ряд мер. 29 ноября 2014 года был принят Федеральный закон № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Указанный закон вступил в действие 1 января 2015 года.

Участникам свободной экономической зоны (СЭЗ) предоставлены льготы по уплате налогов и страховых платежей на десять лет, в том числе земельного налога на три года. Земельные участки предоставляются резидентам СЭЗ без проведения торгов. Участники СЭЗ вправе помещать товары под таможенную процедуру свободной таможенной зоны (без уплаты таможенных пошлин и налогов). К 2021 году участники СЭЗ, ставшие её резидентами в первые три года и лица, получившие этот статус позже, уравниваются в правах и имеют возможность полностью компенсировать осуществлённые инвестиции, а в отдельных случаях получить от государства преференцию, до полутора раз превышающую объем вложенных в регионе инвестиций. В 2020 году на территории Республики Крым и г. Севастополя было зарегистрировано 1 660 участников свободной экономической зоны (в РК — 1 266, в Севастополе — 394) с общим объемом инвестиций, осуществлённых за пять лет, в 157 млрд руб. [31].

Экономический пик развития крымской СЭЗ пришелся на первые три года её функционирования. Но уже с 2019 года в бизнес-среде Крыма стало наблюдаться снижение заинтересованности в региональной СЭЗ. Не увеличивалось количество участников, в разы замедлились темпы роста инвестиций, не удалось привлечь инвесторов из-за рубежа. Одной из причин снижения эффективности функционирования крымской СЭЗ стала частая смена её нормативно-правовой базы. Но благодаря СЭЗ крымский бизнес, потерявший в 2014 году рынки сбыта, сырьевые связи и логистику, сохранился, смог приспособиться к новым условиям деятельности, начал инвестирование в собственное развитие и создание рабочих мест в таких сферах деятельности, как строительство, промышленность, торговля, сфера услуг, сельское хозяйство и санаторно-курортная отрасль.

Попытка изменения инвестиционного климата в Крыму при помощи СЭЗ была дополнена действиями федерального центра по увеличению степени анонимности её резидентов и всех компаний, готовых сделать в хозяйственный комплекс Крыма «системно значимые» инвестиции с объёмом капиталовложений от 150 млн рублей в условиях санкционных ограничений [31].

Современный хозяйственный комплекс Крыма — это, по сути, всероссийская экспериментальная площадка по отработке вариантов защиты российской экономической системы от санкционных репрессий. В 2021 г. Министерство экономического развития Российской Федерации разработало законопроект о введении в Крыму особых административных районов (ОАР), создаваемых в дополнение к действующей СЭЗ. Главным преимуществом ОАР станет конфиденциальность сведений об их инвесторах из других регионов страны как способ защиты от западных санкций. У инвесторов

останется право на льготы по налогам и страховым взносам в рамках крымской СЭЗ, но закроется публичная информация об их деятельности.

Расширение присутствия российского бизнеса в Крыму за счет увеличения степени его анонимности может расширить конкурентную среду крымского бизнеса с компаниями материковой части России. Отсутствие прямой конкуренции с материковым бизнесом — одна из причин сохранения высокого уровня цен в Крыму и разницы в доходах населения. Согласно оценке Крымстата, в 2020 году средний уровень зарплат в Республике Крым отставал от общероссийского показателя на треть, а от среднего по Южному федеральному округу — на 8% [62]. Результаты мониторинга конкурентной среды, проведенные Министерством экономического развития Республики Крым в 2020 году, показали, что высокий уровень конкурентной среды сформирован только на рынке нефтепродуктов, добычи общераспространённых полезных ископаемых, дорожной деятельности, реализации сельхозпродукции и ремонтных работ в многоквартирных домах [26]. В Севастополе высоким уровнем конкуренции отмечены рынок архитектурно-строительного проектирования, медицинских услуг и товарной аквакультуры [52].

Таким образом, социокультурная среда, в которой происходит трансформация хозяйственного комплекса Крыма, характеризуется особым режимом функционирования всех его компонентов, обусловленным сменой политической субъектности региона. Для социокультурной среды Крыма характерны незавершённость процессов кадрового обеспечения его управленческой системы, наличие юридических коллизий в имущественном законодательстве, дефицит инвестиционных ресурсов и невозможность их открытого использования в регионе российскими и зарубежными инвесторами, дотационный характер экономического развития региона, слабая сформированность его внутрорегиональной конкурентной среды и незавершённость решения проблемы водообеспеченности Крымского полуострова. Вместе с тем, у Крыма имеется мощный стимул экономического развития, связанный с заинтересованностью федерального центра в возрождении всех потенциальных возможностей региона. Эта заинтересованность связана со стратегически важным для российского государства геополитическим положением Крымского полуострова в Причерноморье, его сложным статусом в международном сообществе государств и политическим выбором жителей Крыма в пользу российской государственности как единственно способной реализовать все варианты социокультурных преобразований.

Республика Крым и г. Севастополь формируют единую территориально-хозяйственную систему Крыма. Но при детальном изучении это единство сохраняется только как общность геополитического расположения обоих субъектов на территории Крымского полуострова. У Республики Крым и г. Севастополя разные целевые функции в хозяйстве Крыма.

В результате возвращения Севастополю статуса главной военно-морской базы Черноморского флота ВМФ ВС Российской Федерации город

нацелен на варианты освоения территории, обеспечивающие безопасность страны. Модернизируется инфраструктура военного флота и других родов войск, увязанные с промышленностью города, его судостроительными заводами, предприятиями точного машиностроения, что может сформировать в Севастополе перспективный центр инновационных предприятий.

Хозяйственный комплекс Республики Крым — это ресурсный фундамент устойчивого развития региона, его новый инфраструктурный каркас, территориальная площадка для инкорпорирования территории Крымского полуострова в систему межрегиональных связей с регионами Южного федерального округа.

По отраслевой структуре хозяйства Республика Крым близка соседним регионам-лидерам Южного федерального округа — Краснодарскому краю и Ростовской области. Это создаёт ряд позитивных и негативных эффектов. Самым ярким из них можно считать эффект усиления конкуренции в межрегиональном взаимодействии. Наибольший риск конкуренции с соседними регионами крымская экономика испытывает в сегменте продовольственных товаров, рыбной продукции, виноделия и туризма. Наличие в Краснодарском крае и Ростовской области крупных агрохолдингов, сформированной системы сетевых и кластерных форм организации бизнеса, наличие более дешёвых трудовых ресурсов, благоприятная ситуация с водными ресурсами дают кубанским и ростовским производителям явное конкурентное преимущество, по сравнению с крымскими коллегами.

Республика Крым характеризуется *индустриально-аграрно-рекреационным* типом освоения территории, что отражается в основных характеристиках её экономики [19]. В 2019 году в структуре валового регионального продукта Республики Крым на долю промышленности приходилось 16,8%, на сельское хозяйство — 6,1%, строительство — 9,7%, торговлю — 15,0%, туризм, досуг, культура и спорт — 4,6% [12].

Основные три сектора экономики в двух крымских субъектах (рис. 3.44) в период с 2015 по 2019 г. демонстрировали рост производства. За рассматриваемую пятилетку наибольший темп роста был характерен для промышленного производства — 154% в Республике Крым и 252% в г. Севастополь. Для севастопольской экономики в разрезе выделенных секторов ведущую роль играет сектор платных услуг населению, который за рассматриваемый период вырос на 172%. Повышенное значение сферы услуг в Севастополе, по сравнению с Республикой Крым, связано с высоким уровнем урбанизации региона.

Сельское хозяйство Крыма, несмотря на его высокий аграрный потенциал, уступает промышленности и сфере услуг по объёмам производства, что связано с относительно низкой эффективностью данной отрасли и невысоким уровнем развития перерабатывающего звена, которое даёт существенно больше добавленной стоимости, чем доминирующий в Крыму сырьевой сегмент агропромышленного комплекса.

На уровне социально-экономических микрорайонов Крыма типы экономического освоения территорий (по преобладающему виду хозяйственной деятельности с учётом объёмов производств, численности занятых и стоимости основных производственных фондов) и объёмы производства по основным секторам экономики имеют следующие особенности (рис. 3.45). Два микрорайона, Северный и Северо-Восточный, характеризуются сочетанием аграрного и индустриального типов экономического освоения территории без участия в этом процессе рекреационной деятельности, с бóльшим весом промышленной составляющей в Северном районе за счёт центров Армянск, Джанкой и Красноперекоск. В Южном микрорайоне сложился рекреационно-индустриальный тип освоения территории с малым участием сельскохозяйственной деятельности, которая в ограниченном виде присутствует в пределах сельских территорий городского округа Алушты.

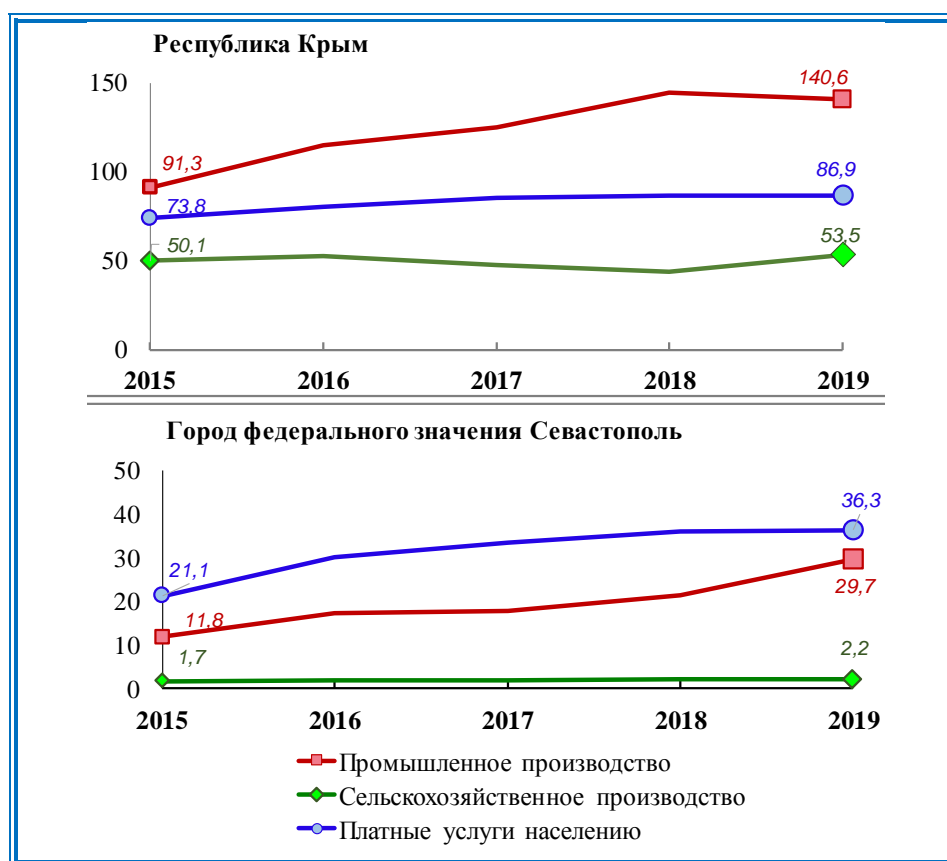

Рис. 3.44. Динамика объёмов производств и оказания платных услуг населению в Крыму в 2015–2019 гг., млрд руб.

Составлено по: данным Крымстата).

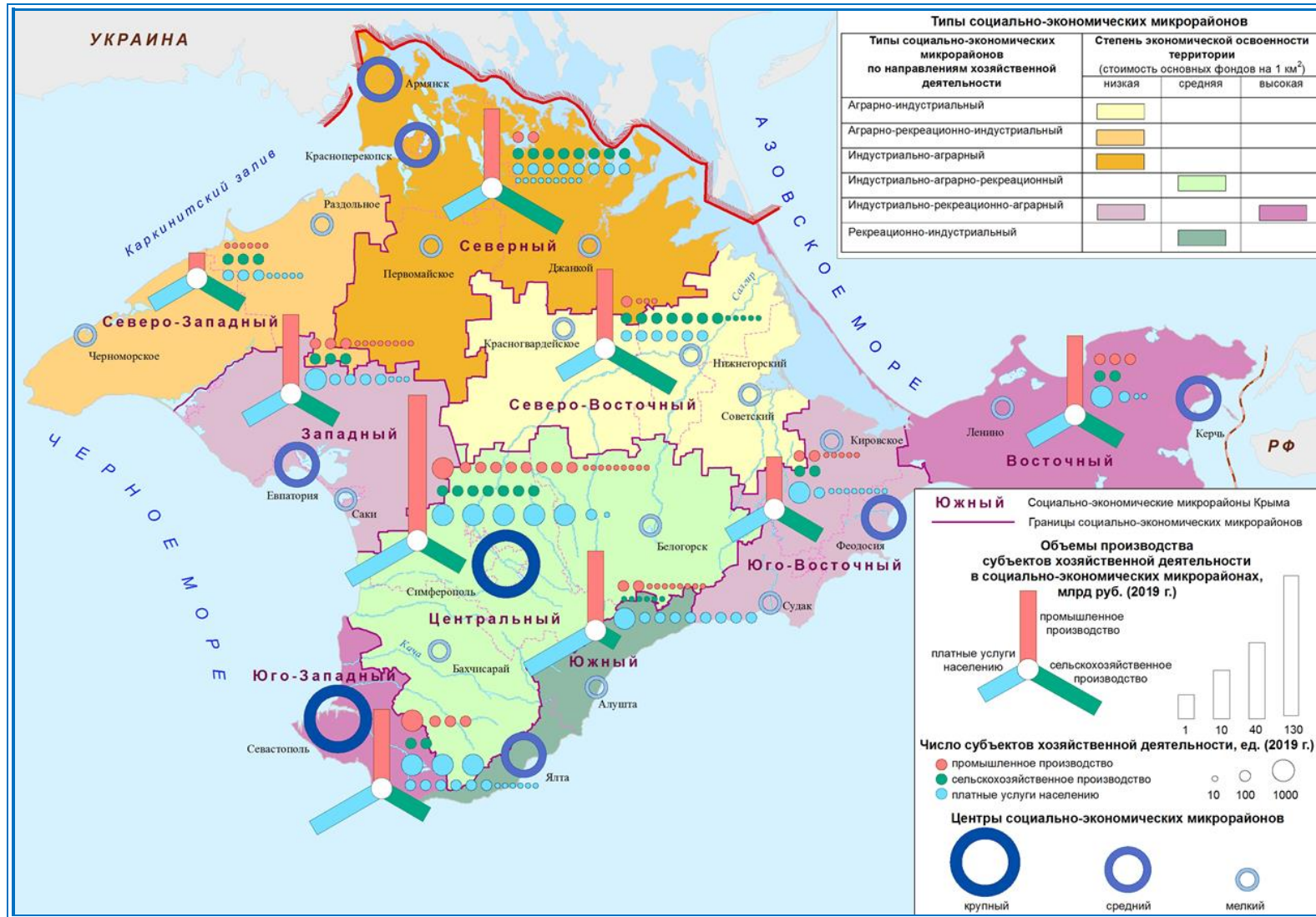

Рис. 3.45. Социально-экономические микрорайоны Крыма.

Остальные социально-экономические микрорайоны, Центральный, Юго-Западный, Западный, Северо-Западный, Юго-Восточный и Восточный, характеризуются более сложной структурой хозяйства и сочетанием в разных пропорциях индустриального, аграрного и рекреационного типов экономического освоения территории.

Для большинства выделенных социально-экономических микрорайонов характерна низкая степень освоенности, которая определялась по стоимости основных производственных фондов на единицу площади. В Юго-Восточном, Северном, Западном, Северо-Восточном и Северо-Западном районах величина этого показателя составляет не более 10 млн руб./км².

Лишь Центральный и Южный районы можно отнести к типу территорий со средним уровнем экономической освоенности (до 50 млн руб./км²), а Юго-Западный и Восточный (прежде всего, в ареале г. Керчь) — к типу территорий с высоким уровнем экономической освоенности (до 350 млн руб./км²).

Если сравнивать удельный вес промышленного производства в валовом региональном продукте Республики Крым в 1990 году (51,4%) и позже в 1995 году (19,9%) [66], когда отчетливо обозначилась тенденция деиндустриализации Крыма, то можно отметить, что последствия этой тенденции пока не преодолены. В результате примитивизации отраслевой структуры крымской экономики в постсоветский период в её обрабатывающих отраслях на ведущее место вышли предприятия пищевой промышленности, оставив позади традиционные для Крыма химические и машиностроительные производства. На долю пищевой промышленности Республики Крым приходилось в 2020 году до одной четверти общего объёма её промышленного производства, а ведущими секторами этой отрасли остаются винодельческая, мукомольно-крупяная, плодоовощеконсервная, мясо- и молокоперерабатывающая, рыбоконсервная промышленность [5].

Новая индустриализация в Крыму, начавшаяся с 2015 года, проходит за счёт модернизации машиностроительных предприятий и размещения на них государственных оборонных заказов, а также работ по импортозамещению. Выполнение оборонных заказов активизировало, к примеру, деятельность *судостроения* Республики Крым и г. Севастополя, которое многие десятилетия советского периода являлось одной из ведущих отраслей промышленной специализации региона. Продукцией крымского судостроения являются супертанкеры, фрегаты, суда на воздушной подушке. Многопрофильное крымское судостроение включено в программу по модернизации основных фондов Крыма. Судостроительные заводы «Залив» (современное название «Судостроительный завод имени Б. Е. Бутомы») в Керчи, «Море» в Феодосии, приборостроительный завод «Фиолент» в Симферополе станут основой для создания крымского судостроительного кластера, который формируется Объединённой судостроительной корпорацией. В судостроительный кластер как кооперационное предприятие

планируется включить, помимо керченского и феодосийского заводов, судостроительные предприятия и научно-исследовательские центры Севастополя: 13-й Судоремонтный завод Черноморского флота, Севастопольский морской завод (филиал Центра судостроения «Звёздочка»), конструкторские бюро «Коралл» в Севастополе и «Судокомполит» в Феодосии (филиал Средне-Невского судостроительного завода из Санкт-Петербурга), а также Севастопольский государственный университет.

В *сельском хозяйстве* Республики Крым ведущей отраслью является растениеводство. В настоящее время в крымском растениеводстве отмечается диспропорция структуры посевов: 75,3% всей пашни занято зерновыми культурами, урожайность которых редко превышает 28 ц/га, 20,0% — техническими, 1,4% — картофелем и овощебахчевыми культурами, 3,3% кормовыми [54]. Первое место в структуре посевных площадей Республики Крым занимает пшеница засухоустойчивых сортов (38,9% от всех посевных площадей региона). После перекрытия Украиной Северо-Крымского канала засухоустойчивые сорта зерновых стали основным видом растительной продукции Крыма, из которой были полностью вытеснены влаголюбивые культуры. На полуострове полностью отказались от выращивания риса, сои, значительно сократили посевы подсолнечника и кукурузы. Основными проблемами сельского хозяйства Крыма на ближайшую перспективу стали завершение технического переоснащения отрасли и формирование устойчивого рынка сбыта сельскохозяйственной продукции.

В 2018 году Министерством экономического развития Республики Крым был создан Центр кластерного развития Крыма, который начал разработку агропромышленного биотехнологического кластера. Одной из стратегий работы этого кластера намечена глубокая переработка зерновых культур. Она предполагает извлечение химических компонентов зерна, которые могут использоваться как самостоятельный продукт или подвергаться дальнейшей обработке для производства продукции с новыми потребительскими свойствами в пищевой, фармакологической и химической промышленности.

В настоящее время в России уже построены предприятия по глубокой переработке зерна в Южном, Поволжском, Уральском и Центральном федеральных округах. В 2019 году Республика Крым подписала Соглашение с Ульяновской областью о создании в Феодосийском порту зернового терминала и центра по глубокой переработке пшеницы. Этот проект натолкнулся на гражданское сопротивление жителей Феодосии, озабоченных снижением привлекательности курортной составляющей территории города, в котором порт, куда планируется привоз зерна, расположен в пределах курортной зоны. Однако с повестки экономического развития морехозяйственной отрасли Крыма феодосийский проект не снят, поскольку зарубежный спрос на продукты переработки зерновых растёт, а крымские порты заинтересованы в развитии не только каботажного, но и международного сектора перевозок.

Территориальная организация населения и хозяйства Крыма неразрывно связаны с *морехозяйственным комплексом*. Регион относится к староосвоенным территориям с многоотраслевой «морской экономикой». Здесь получили развитие практически все виды морехозяйственной активности: добыча и переработка морских биологических и минеральных ресурсов, портово-логистическая деятельность, судостроение и судоремонт, приморская рекреация и туризм, оборонно-стратегический комплекс (военный флот и береговая оборона), мореориентированные научно-исследовательская и образовательная виды деятельности.

Традиционными для Крыма являются *рыболовство и рыбоводство*, а также связанные с ними перерабатывающие производства. Несмотря на ограничения по выходу в открытые воды, в связи с санкциями, крымские рыбодобывающие предприятия поставляют около 1% всех водных биоресурсов приморских регионов России. На базе местных морских биоресурсов в городах Керчь, Севастополь, Феодосия, Симферополь и Ялта сформировались центры *рыбопереработки* разной величины. Эти предприятия поставляют на общероссийский рынок более 10% рыбных консервов и пресервов.

Весомое место в рамках страны Крым занимает в *воспроизводстве морских моллюсков* (устриц и мидий). По объёмам разведения морских устриц и мидий (до 1,3 тыс. т в год) Крым в числе лидеров среди приморских регионов России. По оценке Федерального агентства по рыболовству крымские фермы марикультуры способны заместить российский импорт устриц [18]. На долю Крымского полуострова приходится производство 57% всех устриц и мидий от совокупного объема их производства в России [82].

Наиболее масштабно морехозяйственная специализация Крыма проявилась в *приморской рекреации*. Несмотря на значительный туристско-рекреационный потенциал внутренних территорий полуострова, более 80% всей туристско-рекреационной деятельности Крыма локализуется в его приморских муниципалитетах [73]. По основным показателям этой отрасли Крым входит в число регионов-лидеров России. Занимая площадь около 27 тыс. км² (0,16% площади России), Крым концентрирует более 2,7 млн м² оборудованных пляжей и потенциал пляжных ресурсов, как наиболее ценной и активно эксплуатируемой части ресурсного потенциала полуострова, не освоен полностью. По количеству коллективных средств размещения (КСР) крымский туристско-рекреационный регион уступает в России лишь Краснодарскому краю, а по количеству размещённых лиц в КСР занимает третье место после Санкт-Петербурга и Краснодарского края.

Предприятия рекреационной специализации функционируют в 94 поселениях Республики Крым и г. Севастополь. Составляя лишь 8,9% от общего числа поселений полуострова, рекреационные населенные пункты концентрируют 74% населения Крыма. Развитие рекреационной функции обеспечивает положительные демографические тенденции в большинстве поселений, расположенных в приморской зоне. Население этих районов

активно участвует в обеспечении услуг гостеприимства, питания, трансфера, анимации и других секторов индустрии туризма, получая весомый основной или дополнительный доход. В то же время в северных степных районах Крымского полуострова, где рекреационная функция не получила развития, отмечается спад экономической активности населения, а процессом депопуляции охвачено более 200 сёл.

Наряду с курортами Большого Сочи и Кавказа Крым постепенно вписывается неотъемлемым элементом в уже сформированный в России южный кластер гостеприимства. Приморская рекреационная отрасль Крыма может стать одним из его главных сегментов на территории полуострова. Предпосылки создания туристско-рекреационных межрегиональных кластеров формируются в сфере возрождающегося на юге России круизного туризма Крымско-Кавказской линии, а также в перспективном подключении туристско-рекреационных ресурсов Крыма к разрабатываемому на межрегиональном уровне субъектов юга России проекту туристического маршрута «Великий шелковый путь».

Вместе с тем, полиструктурность рекреационной отрасли в регионах-лидерах Южного федерального округа — Краснодарском крае и Ростовской области — её высокая степень инфраструктурной обустроенности и, самое главное, круглогодичность функционирования, создают объективные условия для перспективного сохранения конкуренции с Крымом.

Наиболее проблемной отраслью морехозяйственного комплекса Крыма являются *порты*. В результате экономических санкций морские порты пяти городов Крыма — Евпатории, Керчи, Севастополя, Ялты, Феодосии — резко сократили объёмы грузоперевозок.

После принятия Украиной в апреле 2014 года Закона «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» любые варианты въезда и выезда в Крым, как и ведение там бизнеса, без разрешения украинских властей приравниваются к уголовному преступлению. Эта законодательная база сформировала основание для введения Украиной морской блокады Крыма, поддержанной международными морскими организациями. В результате этих действий сжалось пространство хинтерландов и форландов портов Крыма. Кардинально поменялась структура грузооборота портов региона. До 2014 года основные грузы крымских портов были экспортно-импортными, в настоящее время это грузы внутренней перевозки (каботажные грузы), обеспечивающие потребности региона в товарах, оборудовании и сырье.

Немногочисленными зарубежными направлениями, которые удалось запустить из крымских портов, являются Сирийская Арабская Республика, Республика Египет, Ливанская Республика [15]. В эти страны Крым экспортирует в основном зерно, а в обратном направлении через порты Феодосии и Севастополя получает оливковое масло и цитрусовые. Предполагается использование в экспортных связях Крыма и Сирии продукцию Керченского стрелочного завода. Она будет направлена на

восстановление разрушенных в результате войны сирийских железных дорог. Планируется экспорт высокотехнологичного оборудования для нефтедобывающей и горноперерабатывающей промышленности Сирии. Эта страна готова поставлять в Крым фосфаты — необходимое сырьё для производства удобрений на химическом комбинате ООО «Титановые Инвестиции» (бывший «Крымский титан»), который в секторе производства этой продукции пока не функционирует. Остальные грузоперевозки морским транспортом в Средиземноморском и Азово-Черноморском бассейнах остаются для Крыма эпизодическими.

Перспективным направлением для Крыма является *добыча углеводородов на шельфе* Чёрного и Азовского морей. Ежегодно крымская компания «ГУП РК «Черноморнефтегаз» добывает 1,5–1,9 млрд м³ газа преимущественно в северо-западном секторе шельфа в пределах Причерноморско-Крымской нефтегазоносной области, в меньшей степени в Индоло-Кубанской нефтегазоносной области в Азовском море. Нефть на крымском шельфе почти не разрабатывается по экологическим и технико-экономическим причинам. А добыча газа в настоящее время связана с политическими трудностями. У России и Украины пересекаются двухсотмильные зоны в акватории Чёрного моря [11]. В этом случае реальную границу двух государств должно определять межгосударственное соглашение, которого пока не существует. Поэтому бурить новые скважины на шельфе Крыма ни одна российская компания не рискует.

Важной социокультурной функцией хозяйства региона является обеспечение его продовольственной безопасности. Рассмотрение хозяйственного комплекса Крыма с этой позиции приобретает особую важность в условиях прекращения регулярного товарообмена с украинскими регионами и зарубежными странами после 2014 г., откуда крымчане получали более половины внешних продовольственных товаров, а также в ситуации прекращения подачи днепровской воды по Северо-Крымскому каналу. В сфере продовольственной безопасности в Крыму наиболее остро стоит проблема зависимости от ввоза многих продуктов питания из других регионов России (особенно продукции животноводства, молочной продукции). Коэффициент самообеспеченности потребления в Республике Крым за последнее пятилетие сократился до 70%, а в Севастополе этот показатель менее 10% (один из самых низких в стране) [19]. Таким образом, положение дел в сфере продовольственной безопасности Крыма следует относить к группе рисков социокультурного развития региона.

С позиций территориальной организации хозяйства Крыма следует отметить несколько её особенностей. Территориальная организация хозяйства, которая понимается как его территориальная структура, имеющая элементы управления, переживает в Крыму смену приоритетной оси развития (рис. 3.46).

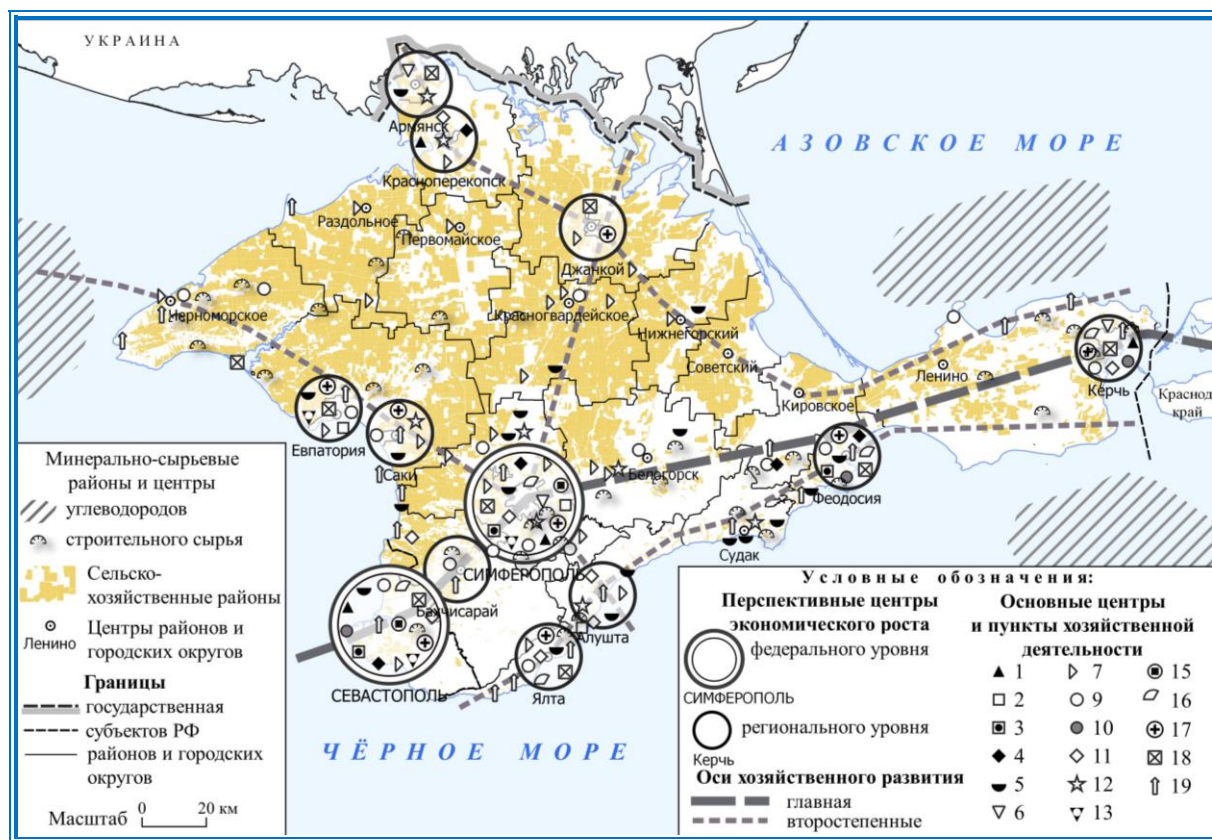

Рис. 3.46. Каркас территориальной структуры хозяйства Крыма.

Отраслевая принадлежность основных центров и пунктов хозяйственной деятельности (согласно ОКВЭД): 1 — производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; 2 — производство кожи и изделий из кожи; 3 — производство компьютеров, электронных и оптических изделий; 4 — производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; 5 — производство напитков; 6 — производство одежды; 7 — производство пищевых продуктов; 8 — производство прочих готовых изделий; 9 — производство прочей неметаллической минеральной продукции; 10 — производство прочих транспортных средств и оборудования; 11 — производство резиновых и пластмассовых изделий; 12 — производство химических веществ и химических продуктов; 13 — производство электрического оборудования; 15 — деятельность в области информации и связи; 16 — деятельность профессиональная, научная и техническая; 17 — деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; 18 — транспортировка и хранение; 19 — туризм и досуг.*

* — ОКВЭД - общероссийский классификатор видов экономической деятельности.

Приоритетные оси развития совпадают с географией и масштабами потоков людей, грузов, капитала, информации, рисунком транспортной сети и системы расселения населения, унаследованных регионом и подвергающихся в настоящее время пространственному изменению.

После воссоединения с Российской Федерацией приоритетная ось развития хозяйства Крыма сменила пространственную ориентацию. После формирования на севере Крымского полуострова барьерной по характеру связей российско-украинской границы, приоритетная ось развития территориальной структуры хозяйства Крыма получила западно-восточное направление, соединив ведущие экономические центры полуострова: Севастополь – Симферополь – Феодосию – Керчь трассой «Таврида» и мостом через Керченский пролив с территорией материковой части России.

Этот «поворот на восток» важного компонента территориальной структуры Крыма — новая тенденция в экономике региона, последствия которой ещё предстоит оценить.

Приоритетными *центрами развития* хозяйства Крыма в новой конструкции его территориальной структуры останутся города Симферополь и Севастополь как полифункциональные центры производства и сервисных отраслей экономики.

Бицентричность территориальной структуры хозяйства Крыма дополнится *вспомогательными, специализированными* на промышленном производстве и транспортно-логистической функции центрами экономического роста — городами Керчь и Феодосия, а также курортно-рекреационными центрами — городами Алушта, Бахчисарай, Евпатория, Саки и Ялта, где приоритетное развитие получают отрасли здравоохранения и пищевой промышленности.

Обширные территории центра и севера Крымского полуострова останутся в своеобразной аграрно-индустриальной тени. Здесь *центры экономической активности* сохранятся в моногородах Армянск и Красноперекоск, специализированных на химическом производстве, а также в городе Джанкой — центре переработки сельскохозяйственной продукции, активно формирующем специфическую функцию места жительства военнослужащих, охраняющих российско-украинскую границу.

Аграрные территории Крымского полуострова не смогут конкурировать в темпах экономического роста с теми, что расположились либо в рекреационных районах, либо вдоль трассы «Таврида». Здесь насыщение территориальной структуры хозяйства будет происходить точечно, «островами» экономического роста. Такими «островами» могут стать фермерские хозяйства, на основе которых уже сегодня возникают частные сыроварни, винодельни, хозяйства по разведению ценных пород рыб, мелкого рогатого скота и др. У Крыма в настоящее время есть уникальная возможность сохранить эти «островные» формы организации производства. В материковой части России крупные агрохолдинги «поглощают» мелкие агропредприятия. В Крым, благодаря западным санкциям, крупные агрохолдинги заходят с опаской. Для сельского Крыма малые формы организации агропроизводства в соединении с социальной поддержкой государства — предпочтительный вариант сохранения сельской системы расселения населения в регионе.

В заключении отметим, что территориальная структура хозяйства любого региона — крайне инерционное явление. Но даже она легко стирает традиционные скрепы, если речь идет о непредсказуемых ситуациях, подобных пандемии COVID-19. Закрыв государственные границы, ввергло мир в процесс формирования новых стандартов регионального благополучия. Крым оказался перед новыми вызовами: сохранить свою рекреационную специализацию или искать новые экономические приоритеты.

В настоящее время туристско-рекреационная отрасль сохранила роль приоритетной сферы деятельности в Крыму, но экономическая система региона должна искать варианты такого расширения воспроизводственных механизмов, которые позволят обеспечить экономическим развитием не только приморско-рекреационные территории полуострова, но и его глубинные, аграрные регионы и центры.

3.2. Проблема ресурсной зависимости хозяйственного комплекса Крыма: поливариантный прогноз и план действий

Крымский регион, имея уникальное географическое положение, разнообразные ландшафты, благоприятный климат, богатство природного, рекреационного и историко-культурного потенциалов, занимает весьма скромные позиции в хозяйственном комплексе России (табл. 3.24).

Т а б л и ц а 3.24. Место, занимаемое Республикой Крым и г. Севастополем среди субъектов Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям, 2019 г.

Социально-экономические показатели	Республика Крым, занимаемое место	г. Севастополь, занимаемое место
Площадь территории	69	84
Численность населения на 1.01.2020	25	77
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на душу населения	69	66
Валовой региональный продукт на душу населения в 2018 г.	77	81
Инвестиции в основной капитал на душу населения	32	37
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, в т.ч.		
– добыча полезных ископаемых	49	68
– обрабатывающие производства	65	78
– обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	47	63
– водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	44	68
Продукция сельского хозяйства	34	79
Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	75	34
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	58	46
Уровень занятости	72	36

Составлено по: [59].

В 2019 году валовой региональный продукт (ВРП) Республики Крым составил 469,28 млрд рублей и вырос на 3,1% по сравнению с 2018 годом. Учитывая, что в 2014 году ВРП региона составил 189,44 млрд рублей, можно

утверждать, что формально экономика Крыма выросла в 2,5 раза. Следует отметить, что доля валового регионального продукта Республики Крым в формировании валового регионального продукта Российской Федерации последние годы не меняется и составляет 0,5% (7,1% — в формировании ВРП Южного федерального округа (ЮФО) [62].

Крым входит в число регионов с относительно невысоким уровнем производства валового регионального продукта на душу населения. С 2016 г. по 2019 г. по ВРП на душу населения Республика Крым стабильно занимает последнее место в ЮФО. В 2019 году этот показатель был на уровне 245 411,7 руб. (среднее значение по РФ — 646 144,1 руб., по ЮФО — 400 883,7 руб.). Севастополь уступает только Республике Крым и Республике Адыгея, имея 306 891,7 руб. на душу населения (3 место в ЮФО) [62].

При этом по стоимости условного (минимального) набора продуктов питания по субъектам Южного федерального округа Республика Крым и г. Севастополь являются лидерами не только в ЮФО, но и опережают среднероссийские показатели (табл. 3.25).

Т а б л и ц а 3.25. Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания по Российской Федерации и субъектам, входящим в состав Южного федерального округа (декабрь, в расчете на одного человека в месяц)

	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	стоимость набора, руб.	изменение стоимости набора, % к декабрю предыдущего года	стоимость набора, руб.	изменение стоимости набора, % к декабрю предыдущего года	стоимость набора, руб.	изменение стоимости набора, % к декабрю предыдущего года
РФ	3 989,17	106,6	4 067,71	101,9	4 456,02	109,6
ЮФО	3 858,22	108,4	3 913,89	101,1	4 321,59	110,4
Республика Адыгея	3 919,07	107,7	3 909,18	102,3	4 213,48	109,7
Республика Калмыкия	3 969,13	107,4	4 116,82	102,5	4 570,96	109,7
Республика Крым	4 102,65	109,7	4 164,66	101,8	4 644,81	111,1
Краснодарский край	4 197,25	108,5	4 250,38	101,9	4 628,82	109,4
Астраханская область	3 877,08	105,9	4 095,50	102,0	4 429,79	108,0
Волгоградская область	3 605,86	107,8	3 569,43	100,0	3 930,71	111,6
Ростовская область	3 676,69	108,4	3 737,61	101,4	4 170,16	111,3
г. Севастополь	4 325,37	112,2	4 321,92	94,9	4 658,67	109,6

Составлено по: [62].

Что же сдерживает хозяйственное развитие региона? Несмотря на существенные финансовые вливания в экономику Крыма через механизм реализации государственных программ, следует учитывать, наряду с санкционными ограничениями, ресурсную зависимость региона и, прежде всего, его базовых отраслей хозяйства (энергетика, машиностроение, химическая промышленность, сельское хозяйство), от внешних источников топлива, сырья и материалов. Западные санкции создали существенные препятствия для прорыва в развитии инновационных секторов крымской экономики — прежде всего, отраслей цифровой экономики, для развития которой Крым обладал перспективными ресурсами. Ресурсообеспеченность базовых отраслей крымской экономики — это традиционная проблема, обострявшаяся в разные исторические периоды развития региона в водном хозяйстве, энергообеспечении, продовольственной безопасности и др. В 2014 году ресурсообеспеченность Крыма была подвергнута украинским государством новому испытанию — тактике водной, энергетической, транспортной и продовольственной блокад Крымского полуострова, ограничения свободного доступа к банковским займам и кредитам, инновационным и технологическим ресурсам для развития отраслей цифровой экономики.

Проблемы ресурсной зависимости хозяйственного комплекса Крыма можно условно подразделить на сформированные *природно-географическими факторами* (особенности природных условий региона, наличие либо отсутствие каких-либо природных ресурсов), *природно-антропогенными факторами* (нерациональное использование обществом имеющихся природных ресурсов), *антропогенными факторами* (геополитическими, геоэкономическими, социокультурными и прочие факторами, оказывающими воздействие на использование/доступ к использованию тех или иных ресурсов). К примеру, из-за санкционных ограничений для Крыма актуальна невозможность использовать ресурсный потенциал морских портов для обслуживания международных перевозок, ресурсов местного виноделия для экспорта вин на мировой рынок и т. д. Чрезвычайно важной в упомянутом контексте представляется оценка ресурсной зависимости ИТ-сектора с точки зрения доступности информационных технологий. К отрасли информационных технологий (ИТ/ИТ) относятся следующие виды экономической деятельности: разработка программного обеспечения, оказание услуг (выполнение работ) в области компьютерных технологий, обработка данных, размещение информации.

Ряд проблем ресурсообеспеченности Крыма в настоящее время уже удалось решить, благодаря реализации федеральных и региональных программ социально-экономического развития, что создало условия для реализации целого ряда проектов в различных отраслях экономики Крыма (рис. 3.47).

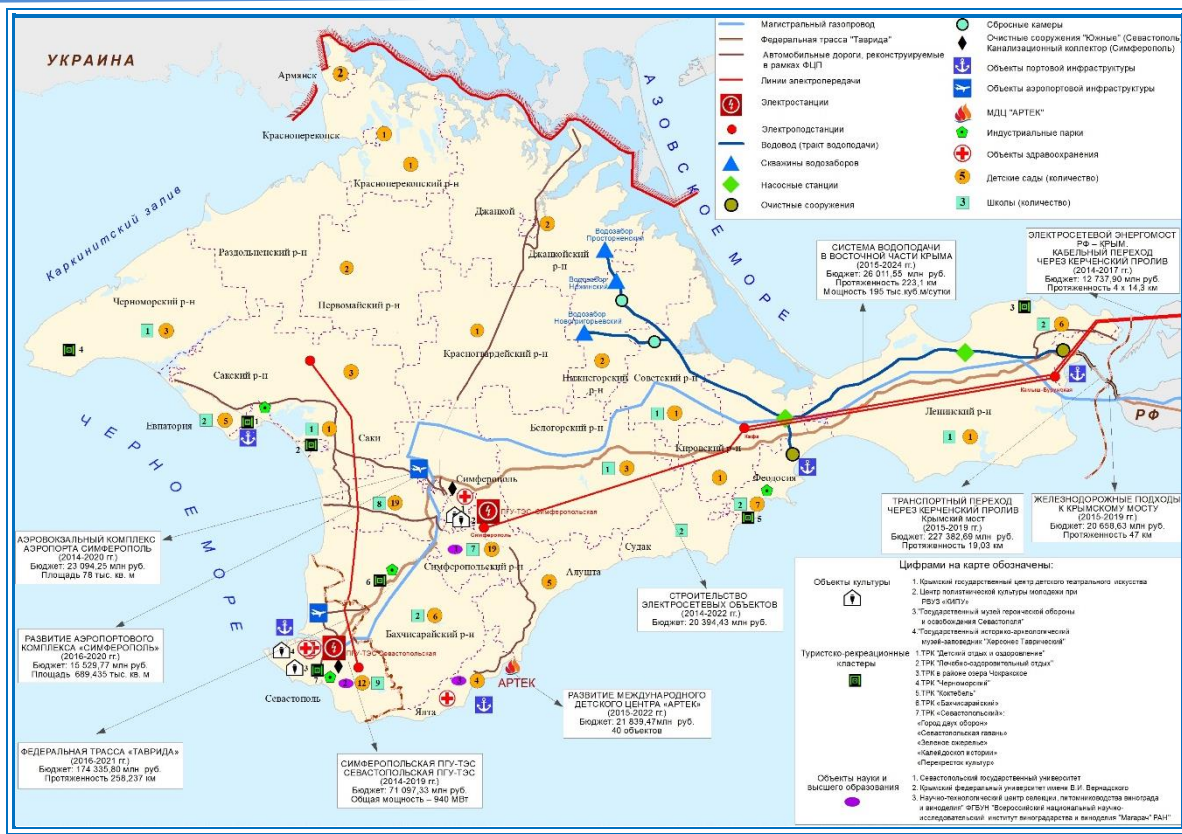

Рис. 3.47. Новые проекты социально-экономического развития Крыма.

Фактически эти проекты затронули самые болезненные точки крымского хозяйства — объекты транспортной и социальной инфраструктуры, энергетику, водообеспечение населения и отраслей сельского хозяйства Крыма водой. Реализация ресурсных проектов создала задел для автономности функционирования базовых отраслей хозяйства региона и сформировало каркас для нового этапа инфраструктурного освоения Крыма.

К 2014 году энергосистема Крыма находилась практически в полной зависимости от поставок электроэнергии и топлива для электростанций. Крым получал более 90% потребляемой электроэнергии с материковой части Украины. Общая установленная мощность всех крымских ТЭЦ составляла 143 МВт. Общая генерация электроэнергии в 2014 году достигала 1,13 млрд кВт·ч (в 2010 году — 723,1 млн кВт·ч). Реализация новых проектов развития электроэнергетики Крыма позволила выйти на уровень полной энергонезависимости. В 2019 году мощность электростанций составила 1,8 млн кВт в Республике Крым и 1,7 млн кВт в г. Севастополе. Объем производства электроэнергии соответственно — 3,7 и 2,9 млрд кВт·ч [59]. Благодаря реализации Федеральной целевой программы (ФЦП) Крым успешно интегрируется в российское экономическое пространство [76], обеспечена его транспортная доступность, снимаются инфраструктурные ограничения, тормозившие устойчивое развитие региона (рис. 3.48). ФЦП позволила совершить на полуострове «инфраструктурную революцию» —

введены в эксплуатацию новый терминал Международного аэропорта «Симферополь», автомобильная часть Крымского моста, идет строительство федеральной трассы «Таврида» [49].

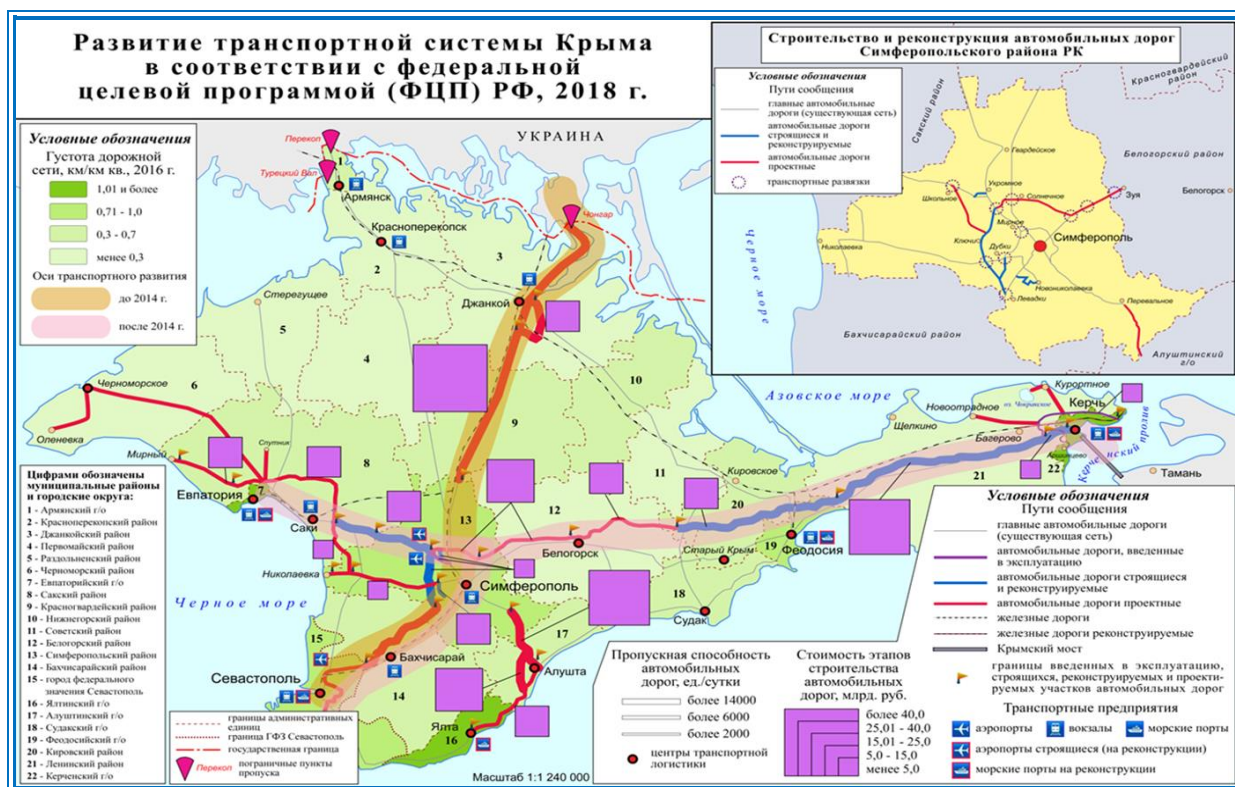

Рис. 3.48. Развитие транспортной системы Крыма в соответствии с федеральной целевой программой «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года».

Источник: [49].

Создание современной транспортной инфраструктуры и обеспечение бесперебойного транспортного сообщения с материковой частью России полностью решило проблему доставки необходимых хозяйственному комплексу Крыма продовольственных ресурсов и недостающих строительных материалов.

Важнейшим следствием «инфраструктурной революции» является необходимость трансформации не только транспортной, но и логистической системы Крыма. Невозможно решать социально-экономические проблемы региона в отрыве от развития его *логистической инфраструктуры* и её интеграции в общероссийские логистические сети. Вместе с тем, Крым пока остается логистическим тупиком, в который разнообразная продукция поступает, а сам регион вывозит на внешние рынки значительно меньше товаров, что свидетельствует о низкой производительности его хозяйственного комплекса [80].

Процесс формирования транспортно-логистической системы Крыма многоэтапен:

1 этап — формирование первого нижнего уровня взаимодействия терминальных и грузовых комплексов, складских хозяйств, туроператоров, транспортных предприятий;

2 этап — появление логистических центров различной мощности (местные, региональные и международные);

3 этап — формирование региональных транспортно-логистических систем (РТЛС);

4 этап — формирование транспортно-логистического комплекса (ТЛК);

5 этап — интеграция региона в единую интегрированную национальную ТЛС Российской Федерации как подсистему макрологистической системы [7].

Территориальные особенности сложившейся транспортной сети Крыма определяют размещение транспортно-логистических центров с их пространственной ориентацией на федеральную трассу «Таврида» (рис. 3.49).

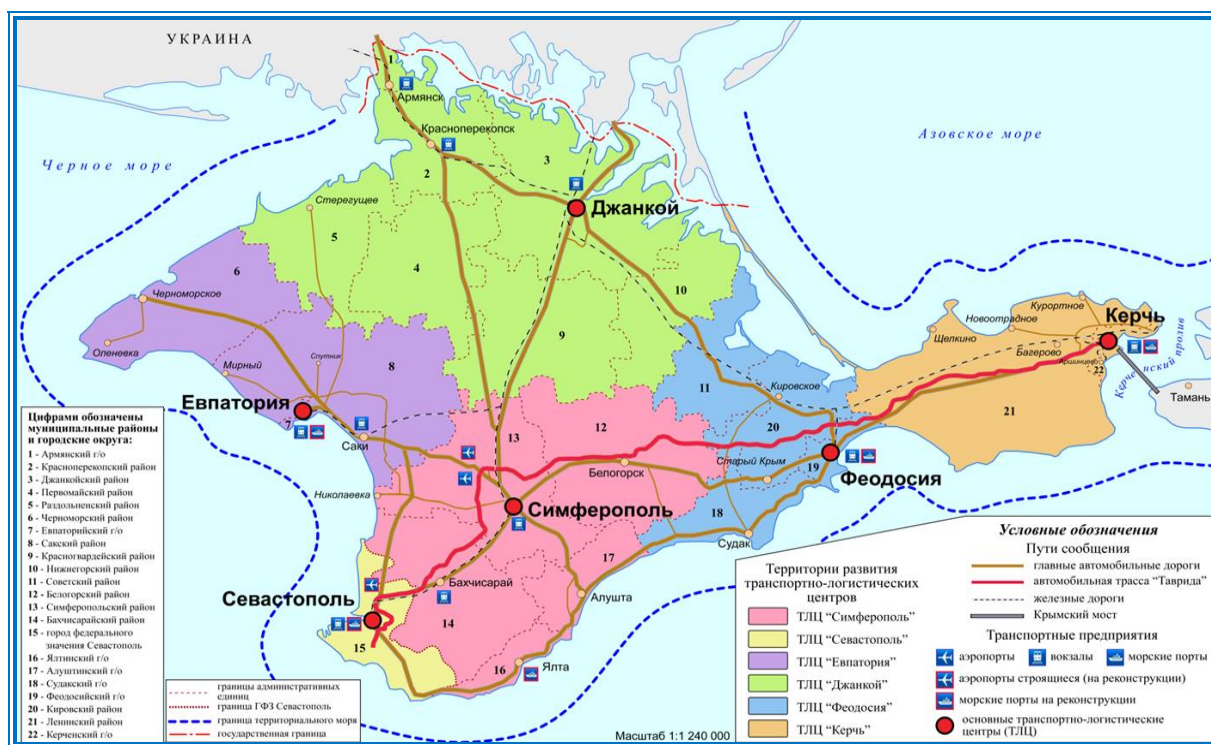

Рис. 3.49. Схема перспективного размещения транспортно-логистических центров в Крыму.

Источник: [49].

Данная логистическая система должна задействовать все виды транспорта, доступные Крымскому региону, а также оптимизировать системы и процессы товародвижения, включая обслуживание пассажиропотоков, доставку и распределение грузов, что, в свою очередь, будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию туристическо-рекреационной индустрии [49].

Крым находится на начальном этапе формирования новой транспортно-логистической системы. До настоящего времени в силу разных причин в Республике Крым не сформировались крупные грузовые транспортно-логистические центры. Только в 2021 году завершаются первые проекты их создания. Так, к концу 2021 года под Симферополем близ трассы «Таврида» будет завершено строительство первого в Крыму крупного логистического центра (общая площадь складских помещений 40 тыс. м²) с полным комплексом логистических услуг — от аренды складов с современной системой управления до доставки грузов.

В 2020 году началось строительство производственно-логистического комплекса для Минобороны Российской Федерации в Севастополе

(Инкерман) на 13,4 млрд рублей, которым смогут воспользоваться и предприниматели [10].

Учитывая особенности транспортно-географического положения Крыма, приоритетами при формировании его транспортно-логистической системы должны стать:

- организация эффективной региональной системы обслуживания грузо- и пассажироперевозок, обеспечивающей взаимодействие в логистических центрах всех возможных видов транспорта;
- внедрение современных информационных технологий в процесс организации и обслуживания перевозок;
- в дальнейшем (при условии снятия санкций) — включение региональной ТЛС в международные транзитные потоки путем использования преимуществ транспортно-географического положения Крыма в качестве транзитного узла.

Критическое значение для нормального функционирования всей хозяйственной системы региона имеет фактор *водообеспечения*. Водохозяйственный комплекс — важнейшая основа жизнедеятельности населения, социально-экономической, производственной и рекреационной инфраструктуры — всегда был одним из наиболее ресурсозависимых структурных компонентов хозяйства Крыма.

Проблема водных ресурсов не является специфичной только для Крыма. Дефицит воды относится к общемировым рискам. Если сегодня на каждого жителя Земли приходится в среднем 750 м³ в год пресной воды, то к 2050 году это количество уменьшится до 450 м³. До 80% стран мира окажутся в зоне, которая по классификации ООН относится к категории ниже черты дефицита водных ресурсов [57]. Согласно «Докладу ООН о мировом развитии водных ресурсов 2021 г.», к 2030 году в мире возникнет дефицит воды в размере 40% [27].

Дефицит воды нередко приводит к межгосударственным водным конфликтам. Так, река Иордан, протекающая через Израиль, Сирию, Ливан, Иорданию, является центром постоянных межгосударственных конфликтов уже более 60 лет. Река Инд являлась причиной ряда конфликтов между Индией и Пакистаном. В Африке из-за воды нередко вспыхивают вооруженные конфликты. Возник водный конфликт между Россией и

Украиной после блокировки последней в апреле 2014 года Северо-Крымского канала.

Однако утверждать, что главной причиной недостатка воды в Крыму стало перекрытие Северо-Крымского канала, было бы неверно. Этому способствуют, прежде всего, циклические изменения климатических условий в регионе в части выпадения атмосферных осадков. Основными факторами, определяющими запасы влаги в Крыму, являются, с одной стороны, количество атмосферных осадков, конденсационной влаги, поверхностный и подземный сток, а с другой — ее испарение, периодичность засух.

Крым относится к водонедостаточным регионам, что обусловлено влиянием таких факторов, как сравнительно небольшое количество атмосферных осадков, продолжительное сухое лето, распространение в горах карстующихся пород. В Крыму среднегодовые суммы осадков изменяются от 300–400 мм в степных районах до 1 000–2 000 мм в горах. Неравномерно и сезонное распределение осадков: в степном и предгорном Крыму их максимум приходится на июнь — июль; на ЮБК и в южной части гор — на январь или декабрь, а на западном и восточном побережьях осадки выпадают относительно равномерно в течение года. Повторяемость весенних засух в северной части Равнинного Крыма составляет 40%, т. е. в среднем за 10 лет засухи могут повториться 4 раза. Летние засухи в Крыму — почти ежегодное явление, их повторяемость составляет 80–90%. Обычно средняя продолжительность пересыхания в устьевых участках рек 2–3 месяца. Атмосферные осадки на территории г. Севастополя в течение года выпадают довольно равномерно — от 280 до 400 мм [24].

Однако, сложившиеся многолетние тенденции режима осадков подвержены изменениям. Так, согласно исследованиям Института физики атмосферы имени А. М. Обухова РАН, климатические прогнозы для территории Крыма весьма неутешительны. Глобальное потепление привело к тому, что за последние 40 лет среднегодовая температура в Крыму повысилась примерно на 2° С. На такую же величину увеличилась и температура вод Черного моря. Заметно меняется характер погоды в Крыму. По мнению заместителя директора Института физики атмосферы имени А. М. Обухова РАН В. А. Семенова, в будущем будет заметно жарче. Через 20 лет количество аномально теплых дней удвоится, а аномально холодных вдвое уменьшится. Среднегодовые суммы осадков в масштабах нескольких десятилетий будут меняться слабо, но межгодовые и десятилетние вариации могут достигать 30–50% от нормы [70].

Собственные ресурсы пресной воды в Крыму крайне малы. Среднее многолетнее значение водных ресурсов за период 1930–1980 гг. составляет в Крыму 1 км³/год (среднее значение по России — 4 260,3 км³/год, по ЮФО — 560,6 км³/год). По этому показателю Крым занимает последнее место в России. Показатель водообеспечения на одного жителя крымского региона — 4,3 тыс. м³/год (среднее значение по России — 29,06 тыс. м³/год по ЮФО — 8,4 тыс. м³/год). Примерно такой же уровень водообеспечения в Краснодарском и Ставропольском краях [24]. Следствием неодинаковых

условий формирования и размещения поверхностных вод в Крыму стало четкое выделение равнинной степной зоны с малым количеством поверхностных водотоков и горной лесной с довольно густой речной сетью, где берут начало практически все реки региона.

На Крымском полуострове насчитывается 1 657 постоянных и временных водотоков (рек, ручьев, балок и крупных оврагов), общей протяженностью 5 996 км, среди них собственно рек около 150. Густота речной сети горного Крыма составляет 0,7 км/км², речной сети равнинного Крыма — не превышает 0,12 км/км². На Керченском полуострове речная сеть представлена в основном балками, по которым вода течет на север в Азовское море, на юг — в Чёрное море и на восток — в Керченский пролив [24]. Большая часть рек Крыма имеет длину до 10 км.

В Крыму расположено свыше 300 озёр и лиманов, большая часть которых солёные, мелководные, располагаются вдоль степной части побережья, летом некоторые озёра пересыхают.

Особенностью Крыма является частое чередование многоводных и маловодных лет, что определяет резкие изменения в объемах водных ресурсов рек от года к году. Это приводит к резкому падению объемов стока рек в засушливые периоды.

В Крыму для орошения, водоснабжения, рыбоводства и других потребностей на крымских реках и временных водотоках создано 23 крупных водохранилища общим объёмом около 400 млн м³, из них: 15 водохранилищ естественного стока и 8 наливных (табл. 3.26). Водоохранилища естественного стока заполняются во время осенне-зимнего периода и во время весенних паводков, иногда — летом при ливнях [25].

Т а б л и ц а 3.26. Характеристики водохранилищ Крыма

№ п/п	Наименование	Местоположение	Источник питания	Полный объем, млн м ³	Мертвый объем, млн м ³	Назначение
1	2	3	4	5	6	7
1	Ленинское	с. Ленинское, Ленинский р-н	СКК	7,70	1,0	В
2	Межгорное	с. Скворцово, Симферопольский р-н	СКК	50,0	1,7	В
3	Самарлинское	с. Виноградное, Ленинский р-н	СКК	8,0	1,0	В
4	Станционное	с. Станционное, Ленинский р-н	СКК	24,0	1,2	В
5	Феодосийское	с. Новопокровка, Кировский р-н	СКК	15,37	4,0	ВО
6	Фронтное	с. Фронтное, Ленинский р-н	СКК	35,0	6,0	В

Продолжение таблицы 3.26.

1	2	3	4	5	6	7
7	Сокольское	с. Сокольское, Ленинский р-н	СКК	2,26	0,7	В
8	Зеленоярское	с. Зеленый Яр, Ленинский р-н	СКК	3,02	0,66	В
9	Аянское	с. Заречное Симферопольский р-н	р. Аян	3,90	0,150	В
10	Загорское	с. Синапное Бахчисарайский р-н	р. Кача	27,85	2,2	В
11	Изобильненское	с. Изобильное, г. Алушта	р. Улу- Узень	13,25	0,3	В
12	Партизанское	с. Партизанское Симферопольский р-н	р. Альма	34,40	2,2	В
13	Симферопольское	г. Симферополь	р. Салгир	36,0	2,0	ВО
14	Старокрымское	г. Старый Крым	р. Чурюк-Су	3,15	0,150	ВО
15	Альминское	с. Почтовое, Бахчисарайский р-н	р. Альма	6,2	0,2	О
16	Балановское	с. Баланово, Белогорский р-н	р. Зуя	5,0	0,32	ОР
17	Бахчисарайское	г. Бахчисарай	р. Кача	6,89	0,25	О
18	Белогорское	г. Белогорск	р. Бююк- Карасу	23,3	1,8	О
19	Кутузовское	с. Нижняя Кутузовка, Алушта	р. Демерджи	1,11	0,4	В
20	Льговское	с. Долинное Кировский р-н	р. Змеиная	2,20	0,24	ВО
21	Тайганское	г. Белогорск	р. Джайваган- нская	13,80	0,25	О
22	Счастливенское	с. Счастливое Бахчисарайский р-н	р. Манаготра	11,80	0,26	В
23	Чернореченское	ГФЗ Севастополь	р. Чёрная	64,2	1,0	В

Примечание: ГФЗ — город федерального значения; СКК — Северо-Крымский канал; О — орошение; В — водоснабжение; Р — рекреация.

Составлено по: [24; 25].

Проблема дефицита водных ресурсов всегда являлась для полуострова чрезвычайно актуальной, но в наибольшей степени проявилась после прекращения подачи воды по Северо-Крымскому каналу. До 2014 года водообеспечение Республики Крым на 86,7% осуществлялось за счет днепровской воды, поступающей по Северо-Крымскому каналу, идея создания которого была высказана в 1833 г. основателем и директором Никитского ботанического сада Х. Х. Стевенем.

До 2014 года Крым ежегодно получал по Северо-Крымскому каналу более 1 млрд м³ днепровской воды. Например, в 2014 году на орошение планировалось направить 678,2 млн м³ воды, на наполнение наливных водохранилищ — 128 млн м³. В 2013 году на нужды орошения Крым получил около 1,3 млрд м³ днепровской воды [58]. Вода Северо-Крымского канала использовалась в технологическом цикле химических предприятий северного Крыма, орошаемом земледелии степной части полуострова, а также в водоснабжении Симферополя и городских поселений Восточного Крыма (Судака, Феодосии, Щёлкино, Керчи), где проблема водообеспечения проявлена особенно остро ввиду отсутствия здесь поверхностных источников воды и недостаточной разведанности месторождений подземных вод.

После перекрытия СКК проблему водообеспечения населения восточных районов Крыма частично удалось решить за счет переброски части внутреннего стока р. Бююк-Карасу, которую пополнили водой из Белогорского и Тайганского водохранилищ. С этой целью у с. Новоивановка Нижнегорского района построен комплекс гидротехнических сооружений.

Из общей протяженности Северо-Крымского канала по территории Республики Крым (293 км) с 2014 года круглогодично в работе задействовано 147,7 км канала. Русло канала используется для обеспечения гарантированного водоснабжения населения городов Керчь, Феодосия, Судак и населённых пунктов Ленинского района путем переброски воды из Белогорского и Тайганского водохранилищ по реке Бююк-Карасу [46].

В восточном Крыму увеличилось использование ресурсов подземных вод. Сооружены Новогригорьевский, Нежинский и Просторненский водозаборы в Джанкойском и Нижнегорском районах, в которых предусмотрено бурение по 12 артезианских скважин глубиной от 110 до 180 метров.

Вместе с тем, центральные, северные и западные регионы Крымского полуострова испытывают острую необходимость в водных ресурсах, отвечающим нормативным требованиям по засолённости и общей загрязнённости [58].

Так как основным потребителем воды в Крыму всегда было сельское хозяйство (70–80% воды от общего объема ее использования), то сильнее всего дефицит пресной воды отразился на этой отрасли. Блокирование канала существенно повлияло на урожайность, объем производства сельхозпродукции и доходность предприятий отрасли. Это привело к трансформации всей структуры посевов: в северном Крыму прекратило существование рисосеяние, производство сои, сократились посевы кукурузы, подсолнечника и других влаголюбивых культур (рис. 3.50, табл. 3.27). В результате из севооборота ушло сразу 200–250 тыс. гектаров земельных угодий. Вместо 130 тысяч гектаров, когда-то орошаемых из Северо-Крымского канала в Крыму, в настоящее время пользуются поливом лишь 21,5 тыс. гектаров [74].

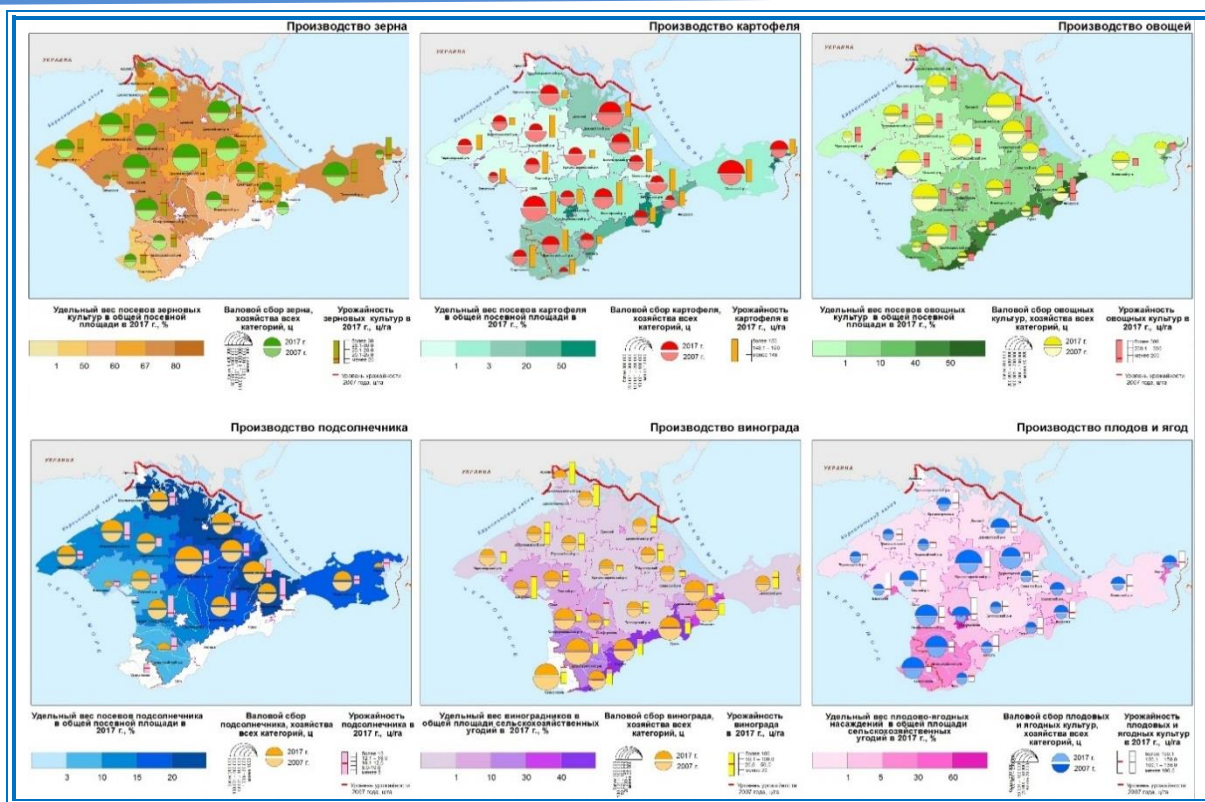

Рис. 3.50. Динамика отраслей растениеводства Крыма.

Т а б л и ц а 3.27. Посевные площади сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств Республики Крым (тыс. га)

	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6
Хозяйства всех категорий					
Вся посевная площадь, в т.ч.:	706,1	744,6	751,1	770,5	762,5
зерновые культуры	447,1	481,6	529,4	559,8	571,9
технические культуры	221,8	226,6	178,3	173,7	152,9
картофель	5,2	4,6	4,3	4,1	4,0
овощебахчевые культуры	8,3	7,9	7,5	7,8	7,6
кормовые культуры	23,7	23,8	31,5	25,1	26,1
Сельскохозяйственные организации					
Вся посевная площадь, в т.ч.:	455,2	474,5	478,3	476,1	453,9
зерновые культуры	280,5	306,8	326,8	336,5	334,3
технические культуры	158,0	151,4	128,6	123,2	103,1
картофель	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
овощебахчевые культуры	1,0	0,8	0,8	0,8	0,4
кормовые культуры	15,4	15,2	21,7	15,5	15,7
Хозяйства населения					
Вся посевная площадь, в т.ч.:	58,6	41,3	34,9	30,8	27,7
зерновые культуры	43,5	28,3	22,8	19,6	16,7
технические культуры	1,7	0,9	0,9	0,8	0,8

Продолжение таблицы 3.27.

1	2	3	4	5	6
Картофель	4,4	3,7	3,2	3,0	2,8
овощебахчевые культуры	5,0	4,5	4,3	3,9	4,0
кормовые культуры	4,1	3,8	3,7	3,5	3,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели					
Вся посевная площадь, в т.ч.:	192,4	228,8	237,9	263,6	280,9
зерновые культуры	123,2	146,5	179,8	203,6	220,8
технические культуры	62,1	74,3	48,8	49,7	49,1
картофель	0,5	0,5	0,7	0,9	0,9
овощебахчевые культуры	2,4	2,7	2,4	3,1	3,1
кормовые культуры	4,2	4,9	6,1	6,1	6,9

Составлено по: [62].

Отсутствие воды привело не только к трансформации отраслевой структуры сельского хозяйства, но и сформировало отсроченные риски. Перекрытие Северо-Крымского канала нарушило в Крыму построенную еще во времена СССР налаженную систему ирригации, что чревато негативными последствиями для окружающей среды. Прекращение орошения на ранее поливных землях неизбежно приведет к ухудшению мелиоративной обстановки в результате засоления почвы. Это связано с прекращением промывного режима почвы, который поддерживался орошением. В результате может произойти возвращение около 25–30 тыс. га орошаемых земель к исходному засоленному состоянию с последующим их выбытием из сельскохозяйственного оборота [58]. А это уже совершенно иной уровень проблемы.

В настоящее время на бывших поливных землях крымские аграрии сосредоточились на возделывании засухоустойчивых зерновых культур (табл. 3.27). Несмотря на трехлетнюю засуху, в 2021 году собран урожай зерновых культур более 1 млн тонн (при собственной потребности Крыма в продовольственной пшенице в 450 тысяч тонн и таком же количестве зерна для животноводства).

В первые годы водной блокады в Крыму сильно пострадало овощеводство и плодоводство. Сократились посевные площади овощебахчевых культур, особенно в сельскохозяйственных предприятиях (табл. 3.27).

Однако анализ итогов поливного сезона 2020 года показал устойчивую тенденцию роста общего уровня использования орошаемых земель по их прямому назначению. Всего в 2020 году водопользователями Крыма выполнены поливы на площади 21,5 тыс. га сельхозугодий. В структуре поливных сельхозкультур преобладают многолетние насаждения — 61% площадей, овощи открытого и закрытого грунта — 9%, зерновые культуры — 6%, технические и кормовые — 4 и 5%

соответственно, оставшиеся 15% поливаемых площадей приходится на садово-огородные и приусадебные участки, земельные паи граждан [46].

Дефицит водных ресурсов побудил сельхозпроизводителей использовать высокоэффективные современные системы полива, что является весьма эффективным способом снижения водопотребления. В частности, в последние годы отмечено повсеместное целенаправленное внедрение систем капельного полива. В 2020 году площадь полива с использованием систем капельного орошения составила 68%, дождеванием — 20% и по бороздам 12%. Площади поливных земель ежегодно увеличиваются практически во всех районах Республики Крым. Общий прирост площадей полива с 2015 по 2020 годы в республике составил 10,8 тыс. гектар.

По мнению крымских ученых, есть колоссальный *резерв получения воды* для нужд орошения в виде очищенных сточных и коллекторно-дренажных вод. Это на сегодняшний день наиболее перспективный и экономически эффективный способ их утилизации. Значительных успехов в данном направлении достиг Израиль. Ежегодно объем сточных вод в этой стране составляет около 520 млн м³, из них 375 млн м³ после очистки используются в сельском хозяйстве [58].

По мнению президента РАН А. М. Сергеева, Крым при грамотном управлении обладает достаточными водными ресурсами для решения как бытовых, так и сельскохозяйственных нужд [21].

Критическая ситуация с водоснабжением Крыма, сложившаяся в 2020 году, обусловила необходимость принятия Правительством РФ 16 октября 2020 г. «Комплексного плана по обеспечению надежного водоснабжения Республики Крым и г. Севастополя». Из федерального бюджета на решение проблемы до 2024 года выделено 48 млрд рублей. Ожидаемый результат — 309, 87 тыс. м³ воды в сутки [33]. Согласно плану, на полуострове должны отремонтировать сети водоснабжения и построить современную инженерную инфраструктуру, в том числе водозаборы, водоотводы и очистные сооружения.

В комплексный план по обеспечению надёжного водоснабжения полуострова включили 14 мероприятий [33]: снижение потерь в сетях водоснабжения (2020–2023 гг.), геологическое изучение и разведка водозаборов в целях увеличения использования подземных вод (2020 г.), строительство Бештерек-Зуйского водозабора и водовода до г. Симферополя (2020–2024 гг.), разработка технико-экономического обоснования по инвестиционному проекту «Использование Межгорного водохранилища для восполнения дефицита воды и водообеспеченности г. Симферополя и других вододефицитных регионов» (2019–2021 гг.), проведение комплекса мероприятий по переброске воды из Кадыковского карьера (2020 г.), строительство водозабора на р. Бельбек с очистными и инженерными сооружениями и водосбросом на Водопроводный узел № 3 г. Севастополя (2020–2021 гг.), геологическое изучение недр в целях выявления новых месторождений питьевых подземных вод на территории Республики Крым и

г. Севастополя (2021–2022 гг.), переброска части стока р. Салгир в Межгорный гидроузел (2021 г.), строительство сооружений по опреснению морской воды по технологии обратного осмоса (2020–2021 гг.), строительство водоводов от Чернореченского водохранилища до Водопроводного узла № 3 г. Севастополя (2021–2024 гг.), проектирование и строительство канализационных очистных сооружений «Южные» г. Севастополя (2020–2024 гг.), очистка стоков на канализационных очистных сооружениях «Южные» для повторного использования в технических целях (2021–2024 гг.).

В качестве решения проблемы вододефицита в Крыму предлагаются разные пути. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из первых проектов, предложенных вскоре после перекрытия СКК, был проект *переброски воды в Крым из реки Кубань*. Однако от него очень быстро отказались в силу ряда рисков и ограничений. Прежде всего, техническая реализация проекта переброски вод р. Кубань и ее эксплуатация обошлись бы бюджету страны слишком дорого. Кроме того, 2020–2021 гг. ярко продемонстрировали схожесть климатических условий Крыма и Краснодарского края как в части возникновения крупных паводков, в ходе которых паводковые воды сбрасываются в море, так и в части периодичности засушливых периодов, когда ужесточается режим водоснабжения населенных пунктов Кубани. Ну и, наконец, объем годового стока реки Кубань (он составляет около 13,5 км³, для сравнения годовой сток р. Днепр - 53,5 млрд м³) объективно не сможет компенсировать потери воды от перекрытия Северо-Крымского канала. Все это подтверждает отсутствие на Кубани лишних резервов пресной воды.

Опреснение воды. В рамках Комплексного плана по обеспечению надежного водоснабжения Республики Крым и г. Севастополя Правительство РФ выделило 8,2 млрд. рублей на строительство в 2021–2022 гг. сооружений по опреснению морской воды по технологии обратного осмоса в Республике Крым и Севастополе. Мощность каждой из установок должна была составить 20 тыс. кубических метров воды в сутки. Первый опреснитель стоимостью 3 млрд рублей планировался в Ялте, второй — в Сакском районе. Проект активно лobbировался правительством Крыма.

Так как окончательное решение о строительстве на полуострове опреснительных установок не принято и существуют разные мнения по вопросу эффективности и целесообразности данного проекта, то следует остановиться на его оценке подробнее. На наш взгляд, учитывая цикличность атмосферных осадков в Крыму, попытка подобного решения проблемы нерациональна и даже вредна.

Во-первых, анализ мирового опыта показывает, что проблема вододефицита вполне решаема путем рационального использования всех уже имеющихся в регионе природных водных ресурсов, очистки и использования сточных вод (это подтверждает опыт Израиля, который использует до 96% очищенных сточных вод для нужд сельского, коммунального хозяйства или для пополнения подземных горизонтов.). Кроме того, реализация проектов по опреснению экономически выгодна и целесообразна только в странах с

высокими доходами населения. Например, в Израиле, Саудовской Аравии, на Мальте уже многие годы используют опреснённую морскую воду для технических нужд и даже питья.

Во-вторых, на сегодняшний день в РФ отсутствует законодательная и нормативная база по опреснению воды, а ее разработка и принятие потребует времени. Для России это пилотный проект, к тому же достаточно дорогой и энергоёмкий.

В-третьих, высокая цена опресненной воды (в зависимости от исходного соленосодержания будет составлять от 30 до 60 рублей за кубический метр) и малые мощности установок (по 20 тыс. кубических метров в сутки) никак не решат проблему водообеспечения полуострова. Только Симферополю для водоснабжения требуется порядка 150 тыс. кубических метров воды в сутки.

В-четвертых, сброс отработанной рапы в море (а ее остается до 50–60% от общего объема) неизбежно приведет к нарушению экосистемы прибрежных вод, поэтому необходимо создание сопутствующих производств по переработке рапы.

В-пятых, погодные условия 2021 года показали, что пик засухи в Крыму пройден и следующее маловодье можно прогнозировать только через 6–8 лет, что значительно снизило остроту водного дефицита в регионе.

Поэтому острой необходимости в размещении на полуострове крупных опреснительных установок на данный момент нет.

Исходя из этого необходимо сосредоточиться на вопросах *рационального использования имеющихся водных ресурсов*, уменьшении водоемкости производственных процессов в жилищно-коммунальном хозяйстве. А здесь проблемы не менее острые, а скрытые ресурсы не менее значительны.

Так, по разным оценкам, от 50 до 70% подготовленной воды, поставляемой потребителям, теряется из-за высокой степени износа водопроводных сетей. В целом на полуострове износ составляет 65%. В Симферополе нуждается в замене 90% водоводов, 98% внутриквартальных сетей и 69% уличных сетей. При этом в Севастополе ситуация несколько лучше: изношены лишь 67% водоводов, 63% уличной сети и 40,7% внутриквартальной [30].

Снижение потерь воды при ее транспортировке потребителям позволят существенно снизить напряженность в водообеспечении населения и хозяйства. На это направлены мероприятия по реализации Комплексного плана по обеспечению надежного водоснабжения Республики Крым и г. Севастополя [33].

Учеными Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского разработана «дорожная карта» с полным перечнем необходимых мероприятий, включая мониторинг, ремонт и реконструкцию водопроводных сетей, строительство новых участков, а также модернизацию режима их работы. В частности, предлагается внедрить компьютерные системы контроля и автоматизации технологических процессов в системах

водоподготовки, водоснабжения, транспортировки. Это нужно для снижения утечек и потерь воды. Необходимо ввести научно обоснованные нормы и режимы водопотребления на периоды дефицита водных ресурсов, комплексные системы учета расхода воды и так далее [65].

В 2021 году стабилизировать ситуацию с водой в Крыму удалось за счет добычи воды из подземных горизонтов, которые стали одним из важнейших источников водоснабжения хозяйственного комплекса и населения региона. Пресные подземные воды, наряду с поверхностными, используются, прежде всего, для питьевых целей, формируя порой единственный источник обеспечения населения питьевой водой высокого качества.

По данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации прогнозные ресурсы подземных вод Республики Крым составляют 1 216,4 тыс. м³/сутки, запасы — 1 102,9 тыс. м³/сутки, степень разведанности ресурсов — 90,7%, степень освоения ресурсов — 18,2%, степень освоения запасов — 16,4%. В г. Севастополь запасы подземных вод составляют — 90,9 тыс. м³/сутки, степень освоения запасов — 37,8% [24].

В Крыму существует проблема глубокой добычи подземных вод. Современные геофизические методы позволяют быстро, с относительно малыми затратами и надежно, изучать пласты залегания подземных вод до трехсот метров. В Крыму проводились исследования и добывается вода лишь с глубины в 180 метров [70].

Существует также проблема исчерпаемости ресурсов подземных вод. При чрезмерной добыче происходит замена пресной воды подземных слоёв морской, которая подсасывается из моря в места выработки водяных пластов. Далее по цепочке следует засоление почв и в дальнейшем деградация их сельскохозяйственного назначения. Описанный процесс уже отмечен в Джанкойском и Краснопереконском муниципальных районах.

Еще одним вероятным способом решения проблемы вододефицита стал проект *извлечения запасов пресной воды из-под Азовского моря*. По оценкам ученых Севастопольского государственного университета, запасы пресной воды под Азовским морем составляют около 90–100 млрд м³. Ученые полагают, что в год Крым способен забирать не более одной сотой от общего объема. Запасы пресной воды, накопленные под дном Азовского моря, могут полностью заменить Северо-Крымский канал [75].

Запасы пресной воды под Азовским морем сформированы двумя путями — подрусловым стоком рек Дон и Кубань и особенностями геологических структур, сформировавшими равнинный Крым и имеющими продолжение под Азовским морем.

О существовании пресных вод под Азовским морем было известно еще советским гидрогеологам, проводивших исследования палеорусел реки Дон. Но результаты этих разработок не были востребованы в Крыму, имевшем воду Днепра в Северо-Крымском канале. В апреле 2021 года специалисты Росгеологии начали выполнение детальных

геологоразведочных работ и в ходе бурения первой поисковой скважины в акватории Азовского моря получили приток воды из пласта на глубине около 100 метров.

По данным Росгеологии, объём пресной воды, полученной таким способом, может составлять от 500 млн до 1,2 млрд м³ в год. Эти воды могут быть использованы для обеспечения устойчивого водоснабжения не только Крыма, но Краснодарского края, Республики Адыгея и Республики Калмыкия [63]. Если вода из Азовского моря окажется пригодной для потребления, ее можно будет перебросить по Северо-Крымскому каналу в северные районы Крыма обратным током и использовать для орошения.

Запасы пресной воды в геологических структурах равнинного Крыма, которые имеют свое продолжение под Азовским морем, сформировались благодаря особенностям водоносных горизонтов, состоящих из пористых, трещиноватых известняков. Мелководность Азовского моря (3–10 метров) позволяет вести добычу через эксплуатационные скважины с платформ, как это осуществляется при добыче нефти на морском шельфе [34].

Однако, добыча пресной воды в Азовском море имеет довольно высокие риски. В результате добычи пресной воды под дном Азовского моря может произойти замещение добытых пресных вод солеными на суше, так как береговой приток пресной воды на азовском побережье достаточно мал. Вода из-под дна Азовского моря может оказаться низкокачественной, что потребует ее доочистки либо опреснения. Поэтому описанный выше источник водоснабжения не может, на наш взгляд, считаться перспективным.

Большой источник пресной воды обнаружили крымские учёные в районе *мыса Айя* на Южном берегу Крыма. Пресная вода вытекает из подводной пещеры. По словам крымских экспертов, большой объём пресной воды из найденного источника уходит в море [9]. Эта вода могла бы стать дополнительным источником водоснабжения Балаклавы и Севастополя. Подобные проекты реализуются в ряде стран Средиземноморья.

Дефицит водных ресурсов выдвигает в Крыму в качестве важнейшей проблему водосбережения, решение которой позволит существенно улучшить ситуацию с нехваткой воды на полуострове. Площадкой, объединившей экспертов в области проблем водной и водно-экологической безопасности, стал открытый на базе НИИ сельского хозяйства Республики Крым «Южный филиал Института водных проблем РАН» (г. Симферополь). Официальное открытие филиала состоялось в октябре 2021 года [45].

Анализирую проблему ресурсной зависимости Крыма, нельзя обойти вниманием еще один чрезвычайно важный аспект, оказывающий влияние на развитие хозяйственного комплекса региона. Речь идет о тех ограничениях, которые были наложены на крымскую IT-сферу в 2014 году путем введения санкций, что буквально отрезало крымских разработчиков программного обеспечения (ПО) от необходимых ресурсов и поставило их на грань выживания.

IT-сфера в современных реалиях является тем драйвером, который, с одной стороны, обеспечивает успешное развитие практически всех сегментов

хозяйственного комплекса страны/региона/территории, а с другой стороны, в условиях пандемии COVID-19, позволяет, благодаря возможности удаленной работы, сохранить рабочие места. В тоже время, IT-сфера, являясь глобальной по своей сути, напрямую зависит от возможности свободного доступа к ресурсам и обмену разработками.

В 2014 году в числе перспективных проектов социально-экономического развития крымского региона стали активно предлагаться проекты развития IT-сферы. Министерство связи и массовых коммуникаций России уже в мае 2014 года предложило открыть на территории Крыма технопарк на 20 тыс. м² на территории Севастопольского госуниверситета [40]. В 2015 году был анонсирован проект создания аналога Кремниевой долины в Крыму к 2020 году. Предполагалось, что технопарк «Цифровая долина» займет 57 га около аэропорта г. Симферополь и объединит около 18 тыс. IT-специалистов [79]. Крымские власти хотели возобновить проект и в последующие годы, но Цифровая долина в Республике Крым так и не появилась.

Крым действительно может стать удобной площадкой для разработки IT-технологий и их применения в качестве инструмента развития других отраслей региона. Среди основных преимуществ — благоприятные природно-климатические условия, понятная социокультурная среда, поступательное социально-экономическое развитие через реализацию федеральных проектов и национальных программ, поддержка развития IT-отраслей со стороны государства и т. д. Тем более Крым уже накопил достаточно приличный ресурсный потенциал в этой перспективной сфере деятельности.

Однако, реализация идей по созданию технопарков практически сразу была приторможена не столько недостатком финансирования, сколько введением против Крыма нового типа блокады — «электронной блокады» (IT-блокады или цифровой блокады) — через серию санкций. Уже в первой половине 2014 года был запрещен импорт товаров из Крыма в Европу и допуск инвестиций на полуостров, а с конца января 2015 года крупнейшие американские IT-компании, производители устройств и провайдеры услуг, прекратили обслуживание жителей Крыма. Введенные санкции имели для Крыма следующие последствия [83]:

- прекращение официальных поставок в регион компьютеров, мобильных устройств, приставок и прочих гаджетов (Apple, Dell, Hewlett-Packard и др.);
- запрет на предоставление платных сервисов и услуг, а также широкого спектра сервисов для бизнеса (AdWords и AdSense от Google, Apple, GoDaddy, Spotify и др.);
- запрет на доступ к загрузке программного обеспечения для мобильных платформ, включая бесплатные приложения и обновления уже установленного ПО (Apple App Store и Google Play и др.). Впоследствии данные ограничения были смягчены, крымчане вновь смогли загружать

бесплатные приложения и получать обновления для уже имеющихся, однако ограничение на покупку платного ПО осталось в силе;

- прекращение работы торговых интернет-площадок (eBay, Amazon и др.);
- Visa, MasterCard и другие платёжные системы перестали осуществлять транзакции на территории полуострова и за его пределы;
- сервис онлайн-бронирования гостиниц Booking.com в июле 2018 года скрыл рейтинги отелей Крыма и отзывы верифицированных пользователей, на основании которых формируются итоговые оценки;
- цифровая платежная система PayPal прекратила обслуживать крымских клиентов;
- сервис потокового вещания Netflix заблокировал свои услуги для жителей полуострова;
- владелец площадки цифровой дистрибуции Steam, Valve Corporation ограничил принятие платежей с территории полуострова;
- одна из крупнейших в мире фриланс-бирж oDesk прекратила обслуживание аккаунтов из Крыма;
- Apple заблокировала аккаунты разработчиков App Store из Крыма, а также из магазина приложений были удалены опубликованные из Крыма продукты;
- запрет экспорта Fedora, дистрибутива операционной системы Linux, на территорию Крыма;
- в декабре 2018 года Slack начал блокировать аккаунты, имеющие связь с Крымом;
- в конце июля 2019 года сервис хостинга IT-проектов GitHub начал блокировать разработчиков из Крыма;
- на полуострове недоступны продукты компании Atlassian, предоставляющей широкий спектр инструментов и сервисов для разработки и поддержки программного обеспечения: Bitbucket — один из крупнейших хостингов IT проектов; Confluence — менеджер рабочих пространств для ведения разработки; Jira — система отслеживания и ведения IT проектов; а также Trello — облачный сервис управления проектами на основе карточек. Trello широко используется не только в разработке ПО, но и в других сферах, включая личное пользование. Данные инструменты и сервисы в существенной мере облегчают ведение IT проектов и являются незаменимыми в процессе командной разработки;
- Корпорация Microsoft приостановила распространение своих продуктов на территории Крыма, в частности операционных систем семейства Windows и офисных пакетов Office.

Наиболее ощутимо санкционный удар сказался на развитии сферы IT-технологий. В частности, ограничение доступа разработчиков ПО к глобальной ресурсной базе привело к закрытию IT-компаний и мощному оттоку специалистов, занятых в этой сфере. По разным оценкам число IT-компаний сократилось почти вдвое. При этом мировой рынок информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) развивается

чрезвычайно быстрыми темпами. Объем мирового рынка ИКТ в 2019 году достиг 3,74 трлн долл. На Россию приходится лишь 0,9 % от объёма мирового экспорта и 1,6% от объёма мирового импорта ИКТ-услуг. На весь Южный федеральный округ приходится 2,4% объема экспорта ИКТ-услуг [64]. При этом не менее 96% российского экспорта программного обеспечения приходится всего на 40 субъектов России [60]. Крым, занимая мизерное место на внутреннем рынке ИКТ-услуг, здесь практически не представлен.

По данным Ассоциации «Крымский ИТ-Кластер» ИТ-отрасль Крыма, которая до 2014 года на 99% работала на западные компании, практически полностью переключилась на отечественный рынок: почти 70% ИТ-компаний Крыма работает с клиентами из России и стран СНГ, по 12,5 % — заказчики из США и Европы, остальное — клиенты из Австралии, Африки, Южной Америки [32].

Так как ожидать снятия либо смягчения санкций в ИТ-сфере в обозримом будущем ожидать не приходится, то, на наш взгляд, возможны следующие пути решения проблемы:

1. Переориентация разработчиков ПО на внутренний рынок, но для этого российские ИТ-компании должны открывать рабочие места в Крыму, а госкомпании — обеспечить заказами разработчиков ПО на полуострове.

2. Так как из-за санкций зарубежные компании опасаются заключать договоры с разработчиками или компаниями из Крыма, то выходом является работа в качестве второго звена материковых ИТ-компаний, имеющих выход на внешний рынок.

3. Работа на западных заказчиков в «серой зоне» с использованием VPN-сервисов и проху-серверов, в условиях постоянной угрозы блокировки рабочего аккаунта и сложностями в использовании платежных инструментов.

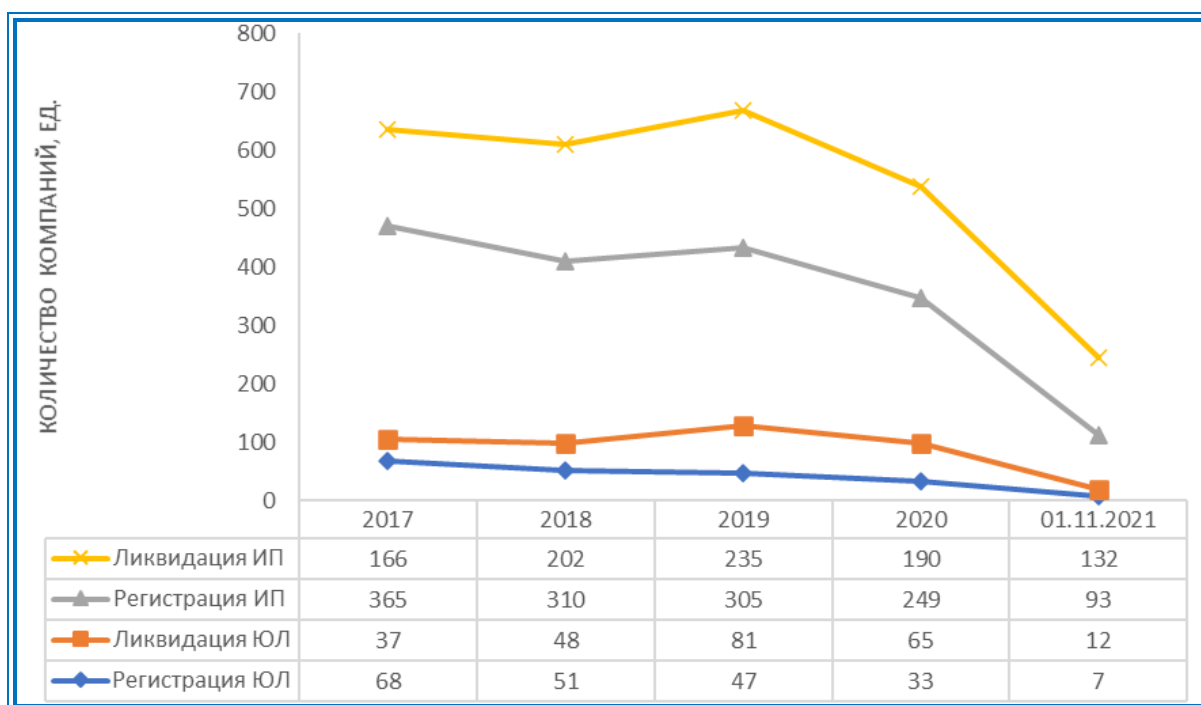
Таким образом, в условиях санкций перспективы ИТ-отрасли Крыма в значительной мере зависят от пакета мер поддержки этого сектора экономики со стороны государства и материковых ИТ-компаний.

Пока в экспертном сообществе Республики Крым обсуждаются проекты будущего цифрового развития и создания собственных точек роста ИТ-сектора, в Севастополе создан инновационный технопарк «ИТ Крым» — инновационная площадка, способная, как заявляют ее создатели, дать все необходимое современному ИТ-специалисту для создания высокотехнологичных ИТ-продуктов мирового уровня. 15 мая 2018 года было объявлено об открытии инновационного Технопарка «ИТ КРЫМ» в г. Севастополь, а весной 2021 года в нём уже зарегистрированы и работали 15 резидентов [72].

Государство проводит активную политику по поддержке развития ИТ-сферы в стране — льготы в рамках налогового маневра, льготное кредитование для проектов внедрения отечественного ПО, упрощенная государственная аккредитация ИТ-компаний, грантовые конкурсы для ИТ-проектов, субсидирование малого бизнеса для закупки отечественного ПО и т. д. [37]. Кроме того, на территории Республики Крым и г. Севастополь

действует особый режим свободной экономической зоны, призванный стимулировать развитие здесь IT-бизнеса. Анализ динамики числа резидентов подтверждает, что в Крыму зарегистрировано гораздо больше компаний, чем в любой другой СЭЗ [28]. Но привело ли это к серьезному росту числа IT-компаний в Крыму? По данным АО «Информационное агентство Интерфакс» из общего количества компаний, действующих в РК в 2021 году, на долю компаний, занятых в области информации и связи приходилось 2,5% среди индивидуальных предпринимателей и 1,97% среди юридических лиц (в 2017 году — соответственно 2,3 и 2,09%), в г. Севастополь соответственно 4,3 и 2,39% (в 2017 году — 3,74 и 2,6%). Основная часть компаний, занятых в этой сфере, занимается разработкой ПО и информационными технологиями (в зависимости от правовой формы от 67 до 90% в Севастополе, от 46 до 86% в Республике Крым).

Показательна статистика динамики регистрационных действий в этой сфере экономической деятельности (рис. 3.51; 3.52). Общим трендом стало снижение числа регистрации новых компаний как в Республике Крым, так и в г. Севастополь.

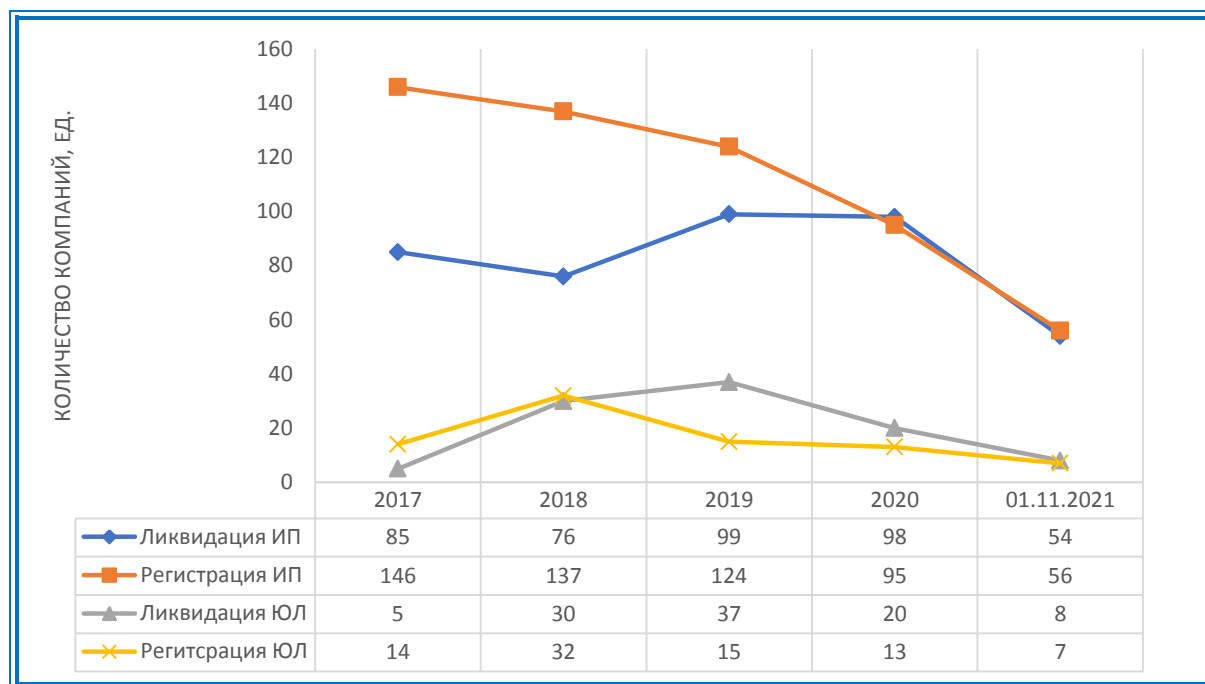

ИП — индивидуальные предприниматели

ЮЛ — юридические лица

Рис. 3.51. Динамика регистрационных действий IT-компаний Республики Крым.

Источник: [77].

ИП — индивидуальные предприниматели

ЮЛ — юридические лица

Рис. 3.52. Динамика регистрационных действий ИТ-компаний г. Севастополь.

Источник: [78].

Приведенные выше графики подтверждают специфику ИТ-деятельности и ее привязку к глобальному рынку, наталкивающуюся на существенные препятствия в Крыму, ограничивающие возможность локации ИТ-бизнеса в этом регионе в условиях санкций. Решающую роль играют риски по отсутствию возможности привлечения необходимого иностранного финансирования на начальном этапе развития проекта; осуществления сотрудничества с международными компаниями из-за сложностей с размещением продуктов в магазинах App Store и PlayMarket; продажи своей доли проекта иностранному инвестору по достижении пика его развития.

Указанные риски могут быть нивелированы только в одном случае: если финансирование ИТ-компаний, локализованной в Крыму, будет осуществляться из российских источников и удовлетворять потребности только отечественного рынка, в том числе госсектора. Падение динамики регистрации новых компаний показывает, что действующие в регионе преференции не смогли заинтересовать новых инвесторов, так как существенным образом не отличаются от льготных условий, предоставляемых ИТ-бизнесу в других субъектах РФ, а вот наличие санкций ставит под угрозу осуществление деятельности на международной арене.

Таким образом, действие санкций, ограничивающих доступ ИТ-компаний к критическим ресурсам для стабильной работы, не способствует ни регистрации офисов ИТ-компаний на территории Республики Крым и г. Севастополь, ни созданию на территории полуострова второго звена материковых компаний.

Среди факторов, сдерживающих развитие ИТ-сферы в Крыму, следует также указать разрозненность усилий в этой сфере между региональными органами власти, отсутствие внятной стратегии развития информационных технологий, единой модели цифровой трансформации. Следует учитывать, что комплексный характер проблемы, препятствующей цифровой трансформации, требует обеспечения согласованности действий всех исполнительных органов государственной власти Республики Крым и г. Севастополь.

Подводя итог, следует отметить, что проблема ресурсной обеспеченности хозяйственного комплекса Крыма многоаспектна и возникла под влиянием целого ряда факторов как внешнего, так и внутреннего порядка. Поэтому и решение этих проблем должно носить комплексный характер и иметь научное обоснование. За прошедшие восемь лет Крыму удалось обеспечить транспортную доступность полуострова, достичь энергонезависимости, решить вопрос продовольственной безопасности, получить доступ к необходимым сырьевым ресурсам и материалам, ликвидировать острый дефицит воды.

Но проблемы никуда окончательно не ушли. Наиболее критичным и до конца не решенным остается вопрос водообеспечения. Растущая динамика социально-экономического развития и планы по развитию цифровой экономики вскоре потребуют существенного расширения имеющихся энергетических мощностей. Сохранение на полуострове химических производств и промышленности строительных материалов неизбежно поставит вопрос не только их ресурсообеспечения, но и увеличит рост нагрузки на окружающую среду.

Санкционные ограничения отрезали доступ крымским компаниям к ресурсам, определяющим развитие инновационных отраслей, ИТ-сектора, морского и авиационного транспорта, добычи углеводородов на шельфе Черного моря и других чрезвычайно важных для хозяйственного комплекса Крыма отраслей и производств. При сохранении санкций ожидать существенного прорыва в их развитии маловероятно. Это актуализирует задачу активизации работы по снятию не только внешних, но и «внутренних» санкционных ограничений со стороны отечественных компаний и банков, опасющихся рисков при размещении своих подразделений в Крыму.

Опыт показал, что решение существующих проблем развития Крыма возможно только при условии мобилизации необходимых ресурсов всех уровней — федерального, регионального, муниципального.

3.3. Инновационный Крым: потенциал и ограничения

Социокультурному пространству Крыма присуща неоднородность. Это естественное явление, поскольку социокультурное пространство включает в свою структуру как материальные объекты, так и ценностные характеристики самих объектов и процессов их формирующих.

Неоднородность социокультурного пространства в Крыму закреплена его субъектно-административной структурой.

Географически единая территория Крымского полуострова представлена двумя субъектами административно-территориального устройства — Республикой Крым и городом федерального значения Севастополем. У этих субъектов различаются территориальные (площадные и топологические), демографические, экономические и социальные характеристики. Оба территориальных субъекта единого Крыма управляются в собственных правовых контурах и формируют различные приоритеты развития.

Республика Крым — это инфраструктурный каркас полуострова, его социально-экономический приоритет развития в Российской Федерации. Город федерального значения Севастополь — военно-морская база Черноморского флота РФ, хранитель особой идентичности и военно-политической миссии Крыма. В состав России оба региона вошли с примерно равными возможностями трансформации своих социокультурных характеристик. Оба субъекта обладают устойчивой и закреплённой в сознании их жителей региональной идентичностью. И Республика Крым, и Севастополь находятся под разнообразными санкциями международных организаций и западных стран. Оба региона являются дотационными и получают из федерального центра финансовые вливания на развитие. Местные элиты обоих регионов традиционно разделены не только территориально, но и ментально, что сформировало у них стойкое неприятие возможности объединения Республики Крым и Севастополя в единый административно-правовой функционал, позволяющий решать многие проблемы развития Крыма объединёнными усилиями.

Ментально объединение Республики Крым и города Севастополь происходит на уровне самоощущения их жителей, считающих, что оба субъекта Российской Федерации имеют потенциал нерешённых социальных проблем, связанных с уровнем жизни в регионах проживания (рис. 3.53). Проблема повышения уровня жизни населения Крыма — ключевая в определении долгосрочных перспектив развития региона. У этой проблемы есть три драйвера или спусковых механизма, которые позволят если не решить проблему изменения уровня жизни населения Крыма, то, по меньшей мере, создать предпосылки для такого изменения. В число драйверов влияния на характеристики уровня жизни населения Крыма следует отнести: демографическую составляющую «человеческого капитала» региона, степень региональной устремлённости к инновационному развитию и наличие в регионе долгосрочных инвестиций, создающих конкурентную бизнес-среду.

Рис. 3.53. Оценка местных жителей уровня жизни в Крыму по сравнению с другими регионами России

Составлено по: результатам авторского онлайн-опроса общественного мнения в Крыму, 2020 г.

Понятие «человеческий капитал» многогранно. В нашей работе мы соотносим человеческий капитал с факторами регионального развития и трактуем это понятие как среду обитания и трудовой деятельности людей, в которой учтены их потребности в воспроизводстве и здоровом образе жизни, квалифицированном труде, постоянном росте образовательных и трудовых компетенций. Демографическая составляющая человеческого капитала в регионе служит не только индикатором уровня и качества жизни его населения, но и смыслом регионального развития. Без людей, имеющих комфортную в широком смысле среду обитания, не имеет смысла говорить о перспективах развития региона.

Демографическая составляющая человеческого капитала в Крыму имеет целый ряд характеристик, позволяющих судить о том, что в этой сфере у региона реализуется в настоящее время комбинация *консервативного* (санкционного) и *модернизационного* (догоняющего) сценариев решения задач, сформулированных в Стратегиях социально-экономического развития Республики Крым и города Севастополя до 2030 года [68, с. 163; 69, с. 15;]. Результатом осуществления в Крыму консервативного сценария может быть отток наиболее амбициозных и талантливых кадров в другие регионы и за рубеж. Модернизационный сценарий позволит улучшить демографическую ситуацию и человеческий капитал, но прибывающие в Крым кадры не будут характеризоваться высокой квалификацией. В обеих Стратегиях задачи демографической составляющей человеческого капитала сформулированы по трём схожим для Республики Крым и города Севастополя проблемам:

– *демографической стабилизации*, смысл которой раскрывается в необходимости роста численности населения за счёт увеличения рождаемости, снижения смертности (особенно младенческой и лиц в трудоспособном возрасте);

– создания условий для управления миграционным приростом населения за счёт притока и закрепления в регионе молодёжи, лиц в трудоспособном возрасте, имеющих трудовую квалификацию;

– соотносением всех демографических процессов с социальными возможностями проживания людей в условиях городской и сельской местностей. Понимание смысла этой проблемы требует пространственной дифференциации территории Крыма на Центр, Полупериферию, «Продвинутую» и «Глубокую» периферию. Авторы сделали подобное членение территории с целью объединения социально-демографических перспектив развития внутрикрымских районов, определяемых не столько их административными статусом и границами, сколько географическим положением относительно главных фокусов социокультурного роста — городами Симферополь и Севастополь, — а также «старыми» и новыми осями социокультурного освоения территории Крымского полуострова, появившимися после вхождения Крыма в состав России (рис. 3.54).

В последние годы появились научные публикации, в которых демографический аспект формирования социального капитала Крыма исследовался в сопоставлении с динамикой воспроизводственных процессов в регионе [22; 36; 50] и контрольных показателей Стратегии социально-экономического развития Республики Крым и города Севастополя [1; 71]. Основным выводом этих работ является констатация противоречивости и сложности процесса сохранения человеческого капитала в Крыму в условиях санкционных ограничений и действия фактора пандемии Covid-19.

Для сохранения качественных и количественных характеристик человеческого капитала в Крыму следует смягчать действие общероссийских тенденций воспроизводства населения: снижения рождаемости, роста смертности, особенно в группе людей трудоспособного возраста, старения населения, миграционного прироста населения регионов за счёт малоквалифицированных мигрантов (табл. 3.28).

Т а б л и ц а 3.28. Основные демографические характеристики формирования человеческого капитала в Крыму

Показатели	Республика Крым		г. Севастополь	
	2015 г	2019 г.	2015 г.	2019 г.
Численность населения (тыс. чел)	1 895,9	1 911,8	398,9	443,2
Общий коэффициент естественного прироста (убыли) населения (‰)	-2,7	-4,0	-1,4	-3,4
Смертность от всех причин (‰)	15,3	14,0	14,9	13,0
Младенческая смертность, случаев на 1 000 родившихся живыми (‰)	6,2	4,6	4,9	3,5
Смертность в трудоспособном возрасте на 100 тыс. чел соответствующего возраста	128,9	513,8	115,0	454,7
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,5	72,7	70,6	73,5

Составлено по: [23; 43].

Приоритеты перспективного развития социокультурного пространства Крыма

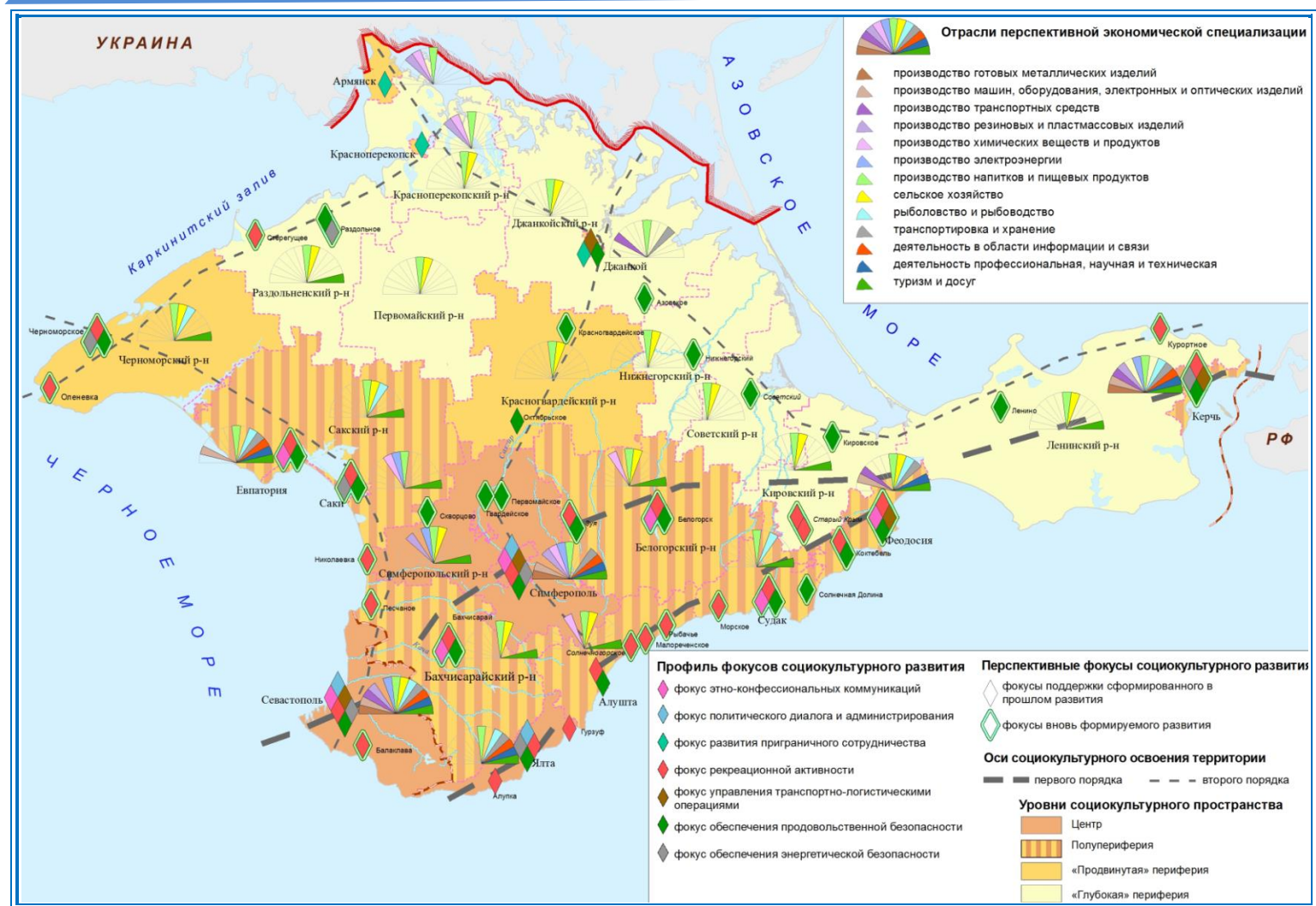

Рис. 3.54. Стратегия социокультурного развития Крыма.

Разработано авторами по: [4].

В демографических характеристиках человеческого капитала Крыма растёт естественная убыль населения, вызванная его высокой смертностью. Коэффициент отрицательного прироста (убыли) населения в Крыму один из самых высоких в стране. Естественная убыль населения в Крыму характерна для всех типов территорий, но интенсивней она происходит в городской местности, по сравнению с сельской периферией. В сельских территориях Крыма убыль населения происходит в 2,5–3 раза медленнее, чем в городской среде, благодаря более высокому уровню рождаемости [50].

Перспективы перелома в росте показателя естественной убыли населения в крымском регионе и России в целом трудно определяемы. Это вызвано и «демографической ямой» 1990-х годов, когда в детородный возраст вступило малочисленное поколение, рождённое от небольшого количества женщин, появившихся в послевоенные 1950–1960 годы. Сказываются и последствия пандемии Covid-19, которая повлияла не только на сокращение рождаемости, но и резко изменила репродуктивное поведение населения, откладывая появление потомства на неопределённое время, что создаёт условия для старения населения в регионах. Заметим, что в прогнозах российских демографов, рассчитанных до 2035 года, сохраняется пессимистический вариант динамики показателя превышения смертности над рождаемостью. Естественная убыль населения российских регионов сохранится в ближайшие 10–15 лет. Таким образом, проблема депопуляции населения — это не только региональная, а точнее, государственная проблема, требующая дифференцированного подхода к демографическим ресурсам регионов России.

Депопуляцию населения Крыма перекрывает миграционный прирост. За счёт мигрантов сохраняется рост численности населения Крыма. Но перенос акцента на рост численности населения региона за счёт его миграционной привлекательности — экономически опасно.

Во-первых, в условиях пандемии (не только ковидной) миграция становится спусковым механизмом в распространении заболеваний. Поэтому закрытие границ, карантинные мероприятия, среди которых самым болезненным становится локдаун или «закрытие всего и вся», делают миграционные перемещения непредсказуемыми и бессмысленными. Следовательно, сохранение миграций в качестве главного источника компенсации естественной убыли населения в регионе перестаёт срабатывать.

Во-вторых, миграционные потоки в российских регионах (и Крым не является исключением) — это, как правило, перемещение дешёвой или малоквалифицированной рабочей силы. Особенно привлекательны для неё регионы, где осуществляются крупные строительные проекты. А после окончания пандемии квалификационная и образовательная структуры мигрантов могут только ухудшиться. Социологические опросы о рисках, связанных с пандемией, проведённые в различных регионах России в 2020 году, показали, что максимальным риском в условиях пандемии

респонденты считали не возможность заболеть коронавирусной инфекцией, а падение качества образования в условиях дистанционной работы образовательных учреждений [53, с. 162]. Если регион устремлён к инновационно-инвестиционной активности, его руководству следует уделить внимание сокращению притока мигрантов, в целом. Неизбежное в этом случае уменьшение численности населения региона должно стать стимулом к появлению отраслей с высокой инновационностью и производительностью труда, где и станет концентрироваться трудовой потенциал территории. Ещё один риск миграционного прироста — привнесение в регион чуждых его местным жителям ценностей, что в контексте сложной этноконфессиональной структуры Крыма может создать проблему столкновения интересов носителей разных ценностей и угрожать сохранению крымской региональной идентичности. Эта проблематика наиболее актуальна для крупных городов и приморских рекреационных территорий полуострова.

С позиций региональных социокультурных процессов *инновации* — это нововведения (в широком смысле этого понятия), которые внедряются с целью решения социально значимых проблем, улучшения социального самочувствия регионального сообщества и создания благоприятной социокультурной среды [38]. Учитывая сложный комплекс проблем социокультурного развития Крыма, описанных в предшествующих параграфах монографии, можно утверждать, что наиболее эффективное развитие социокультурного пространства полуострова возможно по инновационному сценарию. Формирование «инновационного Крыма» подразумевает внедрение новшеств не только научно-технического и технологического характера (именно на этих видах инноваций фокусируются документы стратегического планирования Республики Крым и г. Севастополя), но и внедрения комплекса организационно-управленческих, образовательных, маркетинговых, информационно-коммуникационных, экологических, социальных, туристско-рекреационных и культурных новаций.

Переход к инновационно-инвестиционной модели стратегического регионального развития может стать эффективным средством реализации ресурсного, производственного и кадрового потенциалов Крыма, выхода региона из статуса дотационных российских территорий и перехода от «догоняющих» к опережающим тенденциям развития.

По оценкам, полученным с использованием различных методик [29; 41; 61], Крым относится к типу регионов с невысоким уровнем инновационного развития. Нереализованность и низкий уровень коммерциализации своего внутрирегионального потенциала под влиянием внешних ограничений и внутренних социально-экономических проблем привели к следующему состоянию инновационной среды в Крыму (табл. 3.29). Предприятия Республики Крым отличаются низкой инновационной активностью, т. к. в период 2017–2020 гг. из всех

обследуемых Росстатом организаций региона только 4,6–8,7% осуществляли инновационную деятельность, причём, их доля в рассматриваемый период сокращалась. На этом фоне происходил рост среднесписочной численности работников предприятий, осуществляющих инновационную деятельность (более чем в 2 раза за 4 года), и затрат на инновационную деятельность (с 621 млн руб. в 2017 г. до 764 млн руб. в 2019 г. и самым большим значение показателя за последние годы — 7,7 млрд руб. в 2020 г.).

Т а б л и ц а 3.29. Основные показатели инновационной деятельности предприятий Крыма, 2017–2020 гг.

Индикаторы	Республика Крым				Севастополь			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
Инновационная активность предприятий (доля организаций, осуществлявших инновационную деятельность в общем числе обследованных организаций, %)	8,7	7,2	4,6	4,8	10,6	12,6	6,0	17,6
Среднесписочная численность работников организаций, осуществляющих инновационную деятельность, тыс. чел.	14,4	15,2	32,9	37,6	1,5	0,6	6,5	14,7
Стоимость произведенных инновационных товаров, работ и услуг, млрд руб.	1,4	1,1	0,2	1,7	0,7	0,8	0,9	1,7
доля в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг, %	1,4	0,8	0,1	0,7	5	4,5	5,7	5,9
Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	621	602	764	7763	46	83	555	800

Составлено по: [44].

Стоимость произведенных инновационных товаров предприятиями республики имела колеблющуюся динамику и значение не более 1,7 млрд руб. Таким образом, в последние годы в Республике Крым происходит негативная тенденция концентрации производства инноваций на небольшом числе предприятий. Более позитивный эффект инновации дают в состоянии их широкой территориальной дифференциации, т. к. увеличиваются скорости их внедрения и появления инноваций с местной спецификой.

В городе Севастополе тенденции иного порядка — на его территории наблюдается рост всех основных показателей инновационной деятельности предприятий (табл. 3.29). Всё больше предприятий этого субъекта РФ вовлекаются в инновационную деятельность, что позволило к 2020 г. увеличить численность их работников до 14,7 тыс. человек, что почти в 10 раз больше показателя в 2017 г. Эта мера, а также рост затрат на инновационную деятельность на предприятиях города (в 17 раз за 4 года), позволили за рассматриваемый период более чем в 2 раза увеличить стоимость произведённых инновационных товаров, работ и услуг.

Исследования Росстата [44] показывают, что предприятия обоих крымских субъектов (53 организации в Республике Крым и 46 — в г. Севастополе по данным 2020 г.) производят инновации уровня новизны «новые для рынка сбыта организации» или «инновации, подвергшиеся усовершенствованию» и не генерируют инновации «новые для мирового рынка».

Инновационный сценарий в «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» предусматривает не только модернизацию существующих отраслей, но и появление новых для региона технологических проектов на базе пятого и шестого технологических укладов, а также внедрение ряда организационно-управленческих инноваций.

Продуктовые инновации преобладают в подразделениях индустрии туризма Крыма, где опережающее развитие новых туристских продуктов нередко выступает фактором оживления потребительского спроса и роста конкурентоспособности туристских дестинаций. К числу общественно значимых инновационных проектов относятся Центр винного туризма в Ялте, проект яхтенной марины «Развитие Балаклавы» и «Создание парка живой истории «Федюхины высоты» в Севастополе.

Новой идеей для Крыма является создание группы технопарков, не только реализующих высокотехнологичное производство, но и создающих прогрессивные формы многофункциональной организации пространства. В апреле 2019 г. в Крыму открылся первый частный технопарк (ГРЭС, Симферополь) с самой крупной в ЮФО линией по порошковой покраске крупногабаритных изделий мощностью 6 тыс. м² в сутки. Технопарк планирует объединить около 10 резидентов, представляющих не только производственные, но и образовательные, архитектурные и другие организации [6]. На стадии бизнес-плана находится технопарк, нацеленный на производство электротранспортной продукции. Технопарк, инвесторами которого готовы выступить предприятия, входящие в производственную цепочку электромобилей «Эльтавр», будет включать инжиниринговый центр, выставочный комплекс, экодеревню для персонала, полигон для колесных и водных транспортных средств [72]. В Севастополе для продвижения информационных технологий создаётся технопарк «ИТ Крым» [8].

Идея кластерной организации производительных сил в Крыму, эффект которой заключается в продуманном сочетании межотраслевой кооперации, конкуренции и инновационной направленности, декларируется во многих документах стратегического планирования и целевых государственных программах. Пока на территории Крыма нет примеров успешной работы региональных или локальных кластеров. Туристские кластеры, реализуемые в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года», по сути, представляют собой инфраструктурные проекты, лишь готовящие почву для локализации инвестиций под различные объекты будущих кластеров. Тем не менее, перспективными направлениями кластеризации видятся рекреация и туризм, виноградарско-винодельческий и другие сектора

агропромышленного комплекса, судостроение, приборостроение, информационные и образовательные технологии. Основными проблемами развития крымских кластеров являются низкий уровень инновационности, недостаточно разработанный организационно-экономический механизм реализации кластерной стратегии и мотивации потенциальных участников кластера к налаживанию и поддержанию сотрудничества в рамках сетевого взаимодействия и саморегуляции кластерных образований. Действия государства в рамках инновационной политики должны определяться с учетом внешнеэкономической ситуации, национальных приоритетов и построения системного взаимодействия органов власти и предпринимательских структур. В особой поддержке нуждается малое и среднее инновационное предпринимательство. В 2019 г. на цели реализации региональных проектов «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и Государственной программы Республики Крым «Экономическое развитие и инновационная экономика» было выделено более 1,8 млрд руб. [55].

Обследование предприятий Крыма [44] выявило следующие основные факторы, препятствующие производству и внедрению инноваций.

Наиболее проявленными факторами (18–27% предприятий отметили их как основные или значимые) оказались недостаток собственных денежных средств, высокая стоимость нововведений, высокий экономический риск, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, высокая конкуренция на рынке.

Перечисленные факторы носят преимущественно внешний характер, т. е. низкую инновационную активность предприятия Крыма объясняют не сквозь призму проблем внутренних мотиваций и возможностей. Данная особенность коррелирует с низким уровнем самоорганизации крымских предприятий в формировании инновационно-инвестиционной деятельности и кластерных инициатив, которые внедряются в регионе «сверху». На этом фоне наименьшую степень проявленности имеют проблемы инновационной деятельности, связанные с природно-климатическими рисками, недостатком информации о рынках сбыта и новых технологиях, неразвитостью кооперационных связей и рисками сельскохозяйственного производства. Перечисленные позиции большая часть предприятий Крыма оценила, как отсутствующие или незначительные факторы, препятствующие инновационной деятельности.

Оценивая инновации, влияющие на социокультурную среду в Крыму, следует рассмотреть феномен восприимчивости местных жителей и туристов к внедрению цифровых технологий, катализатором которого, в том числе, послужила пандемия Covid-19. Исследование А. А. Михайловой [42], построенное на индексной методике оценки восприимчивости населения к цифровизации при помощи сравнительного анализа посещаемости интернет-сервисов жителями регионов России по пяти категориям «цифровая экономика», «цифровое государство», «информационный обмен», «пространственная мобильность», «научная коммуникация», в отношении

Крыма выявило следующие особенности. По агрегированному уровню восприимчивости населения к внедрению цифровых технологий Республику Крым и г. Севастополь автор отнесла к передовым регионам. В разрезе отдельных категорий наибольшая восприимчивость населения Республики Крым и Севастополя отмечалась в пространственной мобильности (организация передвижения: использование онлайн-карт, сервисов бронирования авиабилетов, отелей и т.д.), информационном обмене (использование новостных порталов и агрегаторов) и цифровой экономике (приобретение товаров и услуг через Интернет), а в Севастополе ещё и в научной коммуникации (осведомленность о научных достижениях путём использования информационно-справочных порталов). Относительно низкий уровень восприимчивости населения Крыма был отмечен к сфере цифровое государство (получение государственных услуг с помощью онлайн сервисов).

Кроме внедрения цифровых онлайн-сервисов спросом у крымского сообщества пользуются технологии бесконтактного взаимодействия в сфере торговли, банковских услуг, безопасности и на транспорте, многие из которых получили бурное развитие в период пандемии коронавирусной инфекции. Для жителей и туристов Крыма по-прежнему остаются недоступными популярные среди россиян сервисы «Сбер», «Яндекс.Такси», Uber и др. Из-за санкций в Крыму ухудшилась доступность многих зарубежных IT сервисов, продуктов компаний Microsoft Corporation, Apple, Google и ряда других ключевых участников мировой IT-сферы. Ситуация в этой среде для Крыма усугубляется тем обстоятельством, что регион не обеспечивает себя инновациями-аналогами. Эти обстоятельства порождают феномен цифрового неравенства Крыма, по сравнению с другими регионами страны и вынужденное массовое цифровое пиратство как на бытовом, так и на корпоративном уровне. Данная проблема смягчается внедрением отечественных и несанкционных зарубежных цифровых продуктов, которые пока проигрывают по своему функционалу продуктам ведущих мировых IT-компаний.

Последние годы ознаменовались активизацией *инвестиционной деятельности* на полуострове. По данным Корпорации развития Республики Крым, объем инвестиций, поступивших в регион за период с января по октябрь 2021 г., вырос в 10 раз по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. [6]. В Послании Главы Республики Крым об инвестиционном климате в регионе сообщается, что республика поднялась на 16 пунктов в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и вошла в топ-10 регионов по динамике роста показателей улучшения инвестиционного климата и создания комфортных условий для бизнеса. В 2021 г. в Республике Крым реализуется 219 инвестпроектов с общим объёмом инвестиций 193,5 млрд. рублей, в рамках которых планируется создать свыше 13 тысяч рабочих мест. К 2025 г. поставлена цель по привлечению в Крым не менее 800 млрд руб. инвестиций [72]. На Инвестиционном портале региона представлены 20 инвестиционных

площадок, 2 индустриальных парка, 116 проектов для государственно-частного партнерства, 1 586 объектов бюджетных инвестиций. В Севастополе реализуется 92 проекта.

Среди актуальных задач инвестиционного процесса в Крыму выделим следующие:

- поддержка инвестиционных проектов, имеющих прорывной инновационный характер и обеспечивающих достижение конкурентных позиций в высокотехнологичных отраслях экономики. Подобные цели декларируются в проекте «Технопарк «ИТ Крым» (Инновационный ИТ-кластер в городе Севастополе) [8];

- необходимость пересмотра вектора инвестиционного движения в Крыму. В Республике Крым наблюдаются резкие диспропорции в территориальной структуре распределения инвестиционного потока. Так, в Республике Крым около 90% инвестиций направлялись в Симферополь, Симферопольский район, Ялту, Феодосию и Керчь. При среднем значении освоенных инвестиций в основной капитал на 1 жителя Республики Крым 78,8 тыс. руб. (2020 г.) на 1 жителя Ялты приходилось 188,5 тыс. руб., на 1 жителя Симферополя — 232,9 тыс. руб., в то время как подушевой объём инвестиций в 13 городах и муниципальных районах Северного и Центрального Крыма не колеблется в пределах 3,7–20 тыс. руб. (табл. 3.30). В 2020 г. в четырех муниципальных образованиях не реализовывалось ни одного инвестпроекта. В новых планах инвестиционного освоения полуострова приоритетное место должны занять районы Северо-Западного Крыма (Черноморский и Раздольненский муниципальные районы) и Восточного Крыма (Ленинский муниципальный район), где не актуализирован ресурсный потенциал для развития рекреации, туризма и энергетики;

- завершение системной модернизации общехозяйственной и социальной инфраструктуры Крыма за счёт средств государственного бюджета. Ключевое значение имеет решение проблемы водоснабжения;

- инвестиционный процесс в Крыму тормозится из-за нехватки собственных средств у предпринимателей-резидентов. В 2019 г. соотношение собственных и привлеченных средств в структуре инвестиций в основной капитал Республики Крым составляло 14,9 к 85,1%, и только в 9 муниципальных образованиях региона собственные средства превышали 50%. Инвестиционная активность может быть усилена за счёт расширения форм государственно-частного партнерства, совершенствования системы страхования рисков инвестирования, за счёт усиления степени конфиденциальности информации о компаниях-инвесторах;

- в условиях сохранения западных санкций в отношении Крыма и изменения позиций России в евразийском пространстве ожидается усиление геоэкономического и геокультурного взаимодействия восточноазиатской направленности. В данном контексте инициативы Республики Крым и г. Севастополь по привлечению прямых иностранных инвестиций, прежде

всего, в сферу туризма, могут быть переориентированы на страны Восточной Азии;

– инвестиционный процесс в Крыму опирается на развитую систему институционально-стимулирующих мероприятий (совершенствование нормативно-правовой базы, создание сети государственного информационно-консалтингового обслуживания, поддержка в рекламных кампаниях и продвижении инновационных проектов и т. д.), однако актуальной задачей остается повышение инновационно-инвестиционной культуры представителей бизнеса и управленческих структур разного уровня. Важную роль призвано сыграть кооперирование науки, бизнеса и органов власти в принятии стратегических решений.

Т а б л и ц а 3.30. Объём инвестиций в разрезе городских округов и муниципальных районов Республики Крым и г. Севастополь, 2020 г.

Муниципальные районы, городские округа	Освоено инвестиций в основной капитал, млн руб.	в т.ч. на 1 жителя, тыс. руб.	Число реализуемых инвестиционных проектов, ед.	Общая сумма реализуемых инвестиционных проектов, млн руб.
Республика Крым	150 302,7	78,8	185	168,85
Бахчисарайский	1 678,1	19,0	8	5,4
Белогорский	481,0	7,9	11	5,6
Джанкойский	283,1	4,4	5	2,6
Кировский	852,4	16,5	5	2,3
Красногвардейский	2 684,3	32,1	2	1,1
Краснопереконский	87,0	3,7	0	0
Ленинский	467,9	8,1	10	1,5
Нижнегорский	481,8	11,0	2	0,1
Первомайский	445,4	14,5	1	0,2
Раздольненский	434,2	14,5	1	0,05
Сакский	832,1	10,8	9	2,6
Симферопольский	7 172,2	43,7	24	22,1
Советский	314,3	10,1	1	1,0
Черноморский	579,9	18,9	12	4,2
Симферополь	83 661,9	232,9	35	54,3
Алушта	1 024,2	18,5	12	9,4
Армянск	444,9	18,8	0	0
Джанкой	640,7	17,0	0	0
Евпатория	2 432,7	20,0	8	4,1
Керчь	9 722,5	64,1	8	2,9
Краснопереконск	881,1	35,6	0	0
Саки	2 215,0	90,5	2	6,1
Судак	865,4	26,7	7	2,1
Феодосия	5 498,9	54,8	5	4,2
Ялта	26 121,9	188,5	17	19,2
Севастополь	20 739,2	40,7	–	–

Составлено по: [62; и данным Мин. эконом. развития РК].

В территориальном отношении инновационно-инвестиционный сценарий социокультурного развития Крыма, по мнению авторов, предполагает действие фокусов развития двух порядков (рис. 3.54). Фокусы поддержки сформированного в прошлом развития (Симферополь, Севастополь, Ялта, Алушта и некоторые другие) имеют сложившийся профиль и высокую интенсивность инновационных, инвестиционных и прочих социокультурных процессов, которые требуют сохранения намеченной траектории развития с корректировкой стратегии при возникновении новых вызовов. Большую часть фокусов следует воспринимать как центры вновь формируемого развития. Именно в них должны генерироваться и внедряться извне инновации этноконфессиональных и молодёжных коммуникаций (Бахчисарай, Евпатория, Белогорск, Гурзуф (МДЦ «Артек»), Судак, Феодосия), рекреационной активности (Бахчисарай, Судак, Феодосия, Евпатория, Белогорск, Саки, рекреационные посёлки между Алуштой и Судакком, западного и северо-западного Крыма), обеспечения продовольственной безопасности (центры производства и переработки продукции сельского хозяйства в предгорном и равнинном Крыму).

Появление новых и оживление старых центров развития Крыма должны быть направлены, в том числе, на решение проблем сельской глубинки, снижение её периферийности и усиление самой ценности проживания в крымских сёлах, преодоление рисков социальной напряжённости, сглаживание территориального социального неравенства. Общекрымской дилеммой выбора приоритетов развития и освоения территорий полуострова является совмещение функций «Крым — индустриально-аграрный» VS «Крым — рекреационный и гостеприимный» VS «Крым — заповедный», которые по некоторым направлениям деятельности выступают антагонистами по отношению друг к другу.

В условиях ресурсных вызовов и деградации отдельных отраслей хозяйства Крыма, которые охарактеризованы в предшествующих параграфах монографии, эффективным путём развития социокультурного пространства региона может стать формирование центров креативных индустрий (креативная экономика и творческая индустрия). Формирование подобных центров в Крыму имеет исторические корни, например, Профессорский уголок в Алуште, Ялта, Коктебель, где возникали центры творчества в области литературы, живописи, архитектуры, науки и кинематографа.

В современных условиях в Крыму внедряется новый формат создания творческого пространства — Арт-кластер «Таврида» в Капсельской бухте близ Судака, который презентуется как «уникальная экосистема проектов» всероссийского масштаба [3]. Однако для развития данной отрасли куда более важнее процессы самоорганизации, а не государственные проекты. Существующие центры творческой индустрии в Крыму ориентируются на туристские дестинации. Новым и актуальным направлением для руральных территорий Крыма могут стать креативные индустрии сельской и

этнографической тематики, которые уже сформированы в отдельных центрах полуострова (с. Соколиное Бахчисарайского района, с. Чернополье Белогорского района и другие).

Для развития креативных индустрий требуется, прежде всего, творческий компонент человеческого капитала, а также информационно-коммуникационные, маркетинговые и образовательные технологии. Поскольку диффузия творческих инноваций по сравнению с производственными новшествами в меньшей степени подвержена пространственным барьерам, то развитие креативных индустрий (IT, кинематография, реклама, музыка, анимация, дизайн, VR-технологии, народные ремёсла, сувенирная продукция и создание прочего развлекательного и образовательного контента) не привязывает к конкретному локалитету и его ресурсам, что может быть использовано в Крыму в условиях санкционного режима.

Литература

1. Алесина Н. В., Намханова М. В. Стратегия пространственного развития Республики Крым и г. Севастополя // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 17–18 мая 2018 года (сб. тезисов). — Севастополь: Изд-во Севастоп. гос. ун-та. 2018. С. 195–197.
2. Анфалов А. А., Лукиных В. Ф. Концепция многоуровневой транспортно-логистической системы Крымского анклава России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sitebs.ru/blogs/24003.html> — (дата обращения 23.10.2021).
3. Арт-кластер «Таврида» [Электронный ресурс]. URL: <https://tavrida.art> (дата обращения 15.11.2021).
4. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas-crimea.ru>.
5. Баталин А. С. Развитие экономики как основы жизнедеятельности гражданского общества. Состояние, проблемы и перспективы // Ежегодный доклад Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2020 году» [Электронный ресурс]. URL: https://opcrimea.ru/assets/files/Doclad2020_.pdf — (дата обращения 31.10.2021).
6. В Крыму открылся первый технопарк [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-in-crimea.ru/news/v-krymu-otkrylsya-pervyy-tehnopark> - (дата обращения 17.11.2021).
7. В Крыму прошло совместное заседание Совета Государственной Думы Российской Федерации и Государственного Совета Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: http://crimea.gov.ru/news/15_03_19_1 — (дата обращения 4.05.2019).
8. В Крыму создадут технопарк для производства электромобилей [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/08/reg-ufo/v-krymu-sozdadut-tehnopark-dlia-proizvodstva-elektromobilej.html>. — (дата обращения 17.11.2021).
9. В районе Севастополя учёные нашли крупный подземный источник воды [Электронный ресурс]. URL: https://crimea.octagon.media/novosti/v_rajone_sevastopolya_uchenye_nashli_krupnyj_podzemnyj_istochnik_vody.html — (дата обращения 23.10.2021).
10. В Севастополе построят военный и гражданский логистический центр за 17 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/09/07/reg-ufo/v-sevastopole-postroiati>

- voennyj-i-grazhdanskij-logisticheskij-centr-za-17-mlrd-rublej.html — (дата обращения 25.10.2021).
11. *Вадимова Е.* Крымский шельф: много газа и политических проблем [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/article/genera/30-05-2018/krymskiy-shelf-mnogo-gaza-i-politicheskikh-problem> — (дата обращения 19.10.2021).
 12. *Валовой* региональный продукт Республики Крым за 2015–2019 годы: Статистический сборник / Крымстат: Симферополь, 2021. 52 с.
 13. *Василенко В. А.* Институциональное взаимодействие властных и предпринимательских структур в региональной среде / Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым: монография / под ред. д.э.н., доцента Ю. П. Майданевич; ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского. — Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2019. — 362 с.
 14. *Василенко В. А.* Общее и особенное в развитии Крыма: прикладной аспект (часть II) // Финансы, банки, инвестиции. — 2018. № 3. С. 163–175.
 15. *Ветра и люди:* что происходит с главным крымским портом [Электронный ресурс] URL: <https://crimea.ria.ru/economy/20200922/1118751034/Vetra-i-lyudi-chto-proiskhodit-s-glavnym-krymskim-portom.html> — (дата обращения 20.09.2020).
 16. *Винник С.* Стали известны федеральные траты РФ на Крым до 2025 // Российская газета. 15.01.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/01/15/reg-ufo/stali-izvestny-federalnye-traty-rf-na-krym-do-2025-goda.html> — (дата обращения 8.09.2021).
 17. *Вода для Крыма:* ученые оценили запасы собственных ресурсов полуострова [Электронный ресурс]. URL: — <https://crimea.ria.ru/20211022/voda-dlya-kryma-uchenye-otsenili-zapasy-sobstvennykh-resursov-poluostrova-1121220107.html> — (дата обращения 24.10.2021).
 18. *Вольхин Д. А., Швец А. Б.* «Морская составляющая» инкорпорирования Крыма в систему «горизонтальных» связей порубежных регионов России // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 60 (72). № 3. С. 3–23.
 19. *Вольхин Д. А.* Республика Крым: в кн.: Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России: монография / под ред. проф. Г. М. Федорова. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 208–224.
 20. *Воронин И. Н., Ожегова Л. А., Швец А. Б.* Факторы и механизмы трансформации территориальной структуры и характера протекания социокультурных процессов в Республике Крым и Севастополе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 36–49.
 21. *Глава РАН* оценил водные ресурсы Крыма [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210611/krym-1736645292.html> — (дата обращения 23.20.2021).
 22. *Голицина С. Е.* Позиционирование территории Крыма: проблема привлечения человеческого капитала // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22-23 апреля 2019 г.: в 2-х т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 2. С. 163–168.
 23. *Город Севастополь* в цифрах 2019: крат. стат. сб. / Крымстат. — Севастополь, 2020. 203 с.
 24. *Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2017 году».* — М.: НИА-Природа, 2018. — 298 с.
 25. *Доклад о состоянии и охране окружающей среды на территории Республики Крым в 2020 году.* Симферополь, 2021. — 466 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://meco.rk.gov.ru/ru/structure/60> — (дата обращения 15.10.2021).

26. *Доклад* о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Республики Крым за 2020 отчётный год. — Симферополь, 2021. 231 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://minek.rk.gov.ru/ru/document/show/860> — (дата обращения 14.10.2021).
27. *Доклад* ООН о мировом развитии водных ресурсов 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/reports/wwdr/2021/en> — (дата обращения 25.10.2021).
28. *Единый реестр* участников свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/reestrsez/2016190202#> — (дата обращения 29.10.2021).
29. *Западное порубежье* России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности / Под редакцией профессора Г. М. Федорова. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2020. 319 с.
30. *Засуха* в феврале [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/02/26/reg-ufo/eksperty-osenili-poteri-v-setiah-vodosnabzheniia-kryma.html> — (дата обращения 23.20.2021).
31. *Зубков И., Изотов И.* Окутан тайной. Инвесторам в Крыму предложили режим анонимности // Российская газета. 03.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/02/03/reg-ufo/vlasti-predlozhili-rezhim-anonimnosti-dlia-krupnyh-investorov-v-krymu.html> — (дата обращения 9.10.2021).
32. *ИТ Крыма* и Севастополя в 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://itccrimea.ru/it-kryma-i-sevastopolya-v-2017> — (дата обращения 29.10.2021).
33. *Комплексный план* по обеспечению надежного водоснабжения Республики Крым и г. Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/QPkiRTCAf341Xo8mYgPVNgU0CP4jFbZ8.pdf> — (дата обращения 23.10.2021).
34. *Крымские ученые* назвали два источника воды под Азовским морем [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/reg-ufo/krymskie-uchenye-nazvali-dva-istochnika-vody-pod-azovskim-morem.html> — (дата обращения 15.10.2021).
35. *Кудлай А. А.* Портрет региональной административно-политической элиты Республики Крым // Приволжский научный вестник. — 2016. № 2 (54). С. 175–178.
36. *Кузнецов М. М.* Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым // Общество: политика, экономика, право. — 2016. № 8. С. 30–37.
37. *Льготы и меры* поддержки для ИТ-компаний в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> — (дата обращения 29.10.2021).
38. *Малянов Е. А.* Социально-культурные инновации в пространстве современной культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 97–108.
39. *Милькина И. В., Забоева М. Ф.* Национализация в Крыму: нарушение российского права или вынужденная необходимость // Вестник университета. 2014. № 16. С. 126–130.
40. *Минкомсвязи предложило* создать в Крыму технопарк на 20 тыс. кв. м [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1217245> — (дата обращения 30.10.2021).
41. *Михайлова А. А., Плотникова А. П.* Инновационная безопасность как фактор устойчивого развития регионов Западного порубежья России // Проблемы регионального развития в начале XXI века: Материалы международной научной конференции / под редакцией Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. — Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2019. С. 141–162.
42. *Михайлова А. А.* Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий // Балтийский регион. — 2021. Т. 13. № 3. С. 168–184.
43. *Население Республики Крым* в цифрах 2019. Демографический ежегодник: крат. стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2021. 179 с.

44. *Наука и инновации*. Сведения об инновационной деятельности организаций. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-innov.html> (дата обращения 14.09.2021).
45. *Научное обеспечение водной безопасности Крыма* — ученые обратятся к Правительству РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=974aaf61-e3b3-49e4-b9a7-9b2bb1ac9fa4> — (дата обращения 26.10.2021).
46. *Об итогах работы водохозяйственно-мелиоративного комплекса Крыма в 2020 году и задачах на 2021 год* [Электронный ресурс]. URL: https://gkvod.rk.gov.ru/ru/structure/2021_06_28_16_12_ob_itogakh_raboty_vodokhoziaistvenno_meliorativnogo_kompleksa_kryma_v_2020_godu_i_zadachakh_na_2021_god — (дата обращения 21.10.2021)
47. *Объем инвестиций в Крым увеличен в 10 раз* — гендиректор Корпорации развития [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-in-crimea.ru/news/obem-investiciy-v-krym-uvelichen-v-10-raz-gendirektor-korporacii-razvitiya> — (дата обращения 16.11.2021).
48. *Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю.* Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14). Вып. 3. С. 389–394.
49. *Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю., Барановская О. В.* Трансформация транспортной сети Республики Крым // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2019. Т. 5 (15). Вып. 2. С. 187–196.
50. *Ожегова Л. А., Сазонова Г. В., Сикач К. Ю., Зуева И. Б.* Динамика и территориальные особенности социально-демографических процессов в российском Крыму // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 135–151.
51. *Открытый информационный ресурс по анализу финансового развития субъектов федерации* [Электронный ресурс]. Бюджет Республики Крым <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/finansoviy-pasport-subjecta-rf/dokhody-detalno?territory=1>
52. *Отчет о результатах социологического исследования «Оценка удовлетворённости хозяйствующих субъектов условиями ведения бизнеса и конкурентной среды на рынках города Севастополя, деятельностью субъектов естественных монополий в процессе ведения бизнеса, а также идентификация административных барьеров».* — Севастополь, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sev.gov.ru/files/documents/des/Konkur/Otchet/Otchet_SPD_2019.pdf — (дата обращения 14.10.2021).
53. *Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.]; Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова; вступ. слово А. В. Торкунов.* — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 248 с.
54. *Посевные площади основных сельскохозяйственных культур под урожай 2020 года: Пресс-выпуск. / Крымстат.* – Симферополь, 2021. 2 с.
55. *Послание Главы Республики Крым об инвестиционном климате в Республике Крым* [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-in-crimea.ru/chapter-message>.
56. *Постановление Государственного Совета Республики Крым № 1836-6/14 «О национализации имущества предприятий, учреждений, организаций агропромышленного комплекса, расположенных на территории Республики Крым»* от 26.03.2014.
57. *Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России.* — Москва: МГИМО-Университет, 2011. — 87 с.
58. *Проблемы и перспективы инновационного развития сельских территорий Крыма: коллективная монография.* // ФГБУН «Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крыма». — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. — 252 с.

59. *Регионы России*. Социально-экономические показатели. 2020: P32 Стат. сб. / Росстат. — М., 2020. — 1242 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> — (дата обращения 10.10.2021).
60. *Рейтинг регионов*: Разработка ПО в России в региональном разрезе 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://russoft.org/analytics/rejting-regionov-razrabotka-po-v-rossii-v-regionalnom-razreze/> — (дата обращения 31.10.2021).
61. *Рейтинги регионального развития*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://region.hse.ru/rankingia19> — (дата обращения 14.09.2021).
62. *Республика Крым в цифрах*. 2020: крат. стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2021. 226 с.
63. *Росгеология* подтверждает наличие запасов подземных вод под дном Азовского моря. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosgeo.com/press/news/rosgeologiya-podtverzhdaet-nalichie-zapasov-podzemnykh-vod-pod-dnom-azovskogo-morya/> — (дата обращения 24.10.2021).
64. *Россия и ее регионы* в мировой торговле ИКТ-услугами [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-i-eye-regiony-v-mezhdunarodnoy-torgovle-ikt-uslugami/> — (дата обращения 30.10.2021).
65. *С «сухим» счётом*. Крым: какие решения по воде надо продвигать, а какие отодвинуть [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.mk.ru/economics/2021/03/28/krym-kakie-resheniya-po-vode-nado-prodvigat-a-kakie-otodvinut.html> — (дата обращения 22.10.2021).
66. *Симченко Н. А., Цёхла С. Ю., Плугарь Д. И.* Анализ структурных сдвигов в развитии машиностроительной отрасли Крыма // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 8 (90). 19 с.
67. *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> — (дата обращения 31.10.2021).
68. *Стратегия* социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года. Принята Законодательным Собранием города Севастополя 18 июля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.gov.ru/city/strategiya.php> — (дата обращения 5.10.2021).
69. *Стратегия* социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. Принята Государственным Советом Республики Крым 28 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> — (дата обращения 5.10.2021).
70. *Сухие факты*: Вопросы водной безопасности обсудили на научной сессии в Крыму // Электронное периодическое издание «Научная Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/suhie-fakty-voprosy-vodnoj-bezopasnosti-obsudili-na-konferencii-v-krymu> — (дата обращения 24.10.2021).
71. *Твердохлебов Н. И.* Социально-демографические проблемы развития Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 177–184.
72. *Технопарк «ИТ КРЫМ»* [Электронный ресурс]. URL: <https://itpark.ru/> — (дата обращения 29.10.2021).
73. *Туристско-рекреационный* ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / под ред. И. М. Яковенко. Симферополь: АРИАЛ, 2015. 408 с.
74. *Ученые решили* проблему продовольственной безопасности Крыма [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/08/10/reg-ufo/uchenye-reshili-problemu-prodovolstvennoj-bezopasnosti-kryma.html> — (дата обращения 25.10.2021).
75. *Ученые считают*, что под Азовским морем в 100 раз больше воды, чем Крым тратит за год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=486a6804-f12e-404f-9843-026784956fbb&print=1> — (дата обращения 24.10.2021).

76. *Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года»* [Электронный ресурс]. URL: <https://fcp2020.ru> — (дата обращения 8.09.2021).
77. *Финансово-экономические показатели предприятий России. Статистические исследования. Компании Республики Крым* [Электронный ресурс]. URL: <https://spark-interfax.ru/ru/statistics/region/35000000000> — (дата обращения 01.11.2021 г.).
78. *Финансово-экономические показатели предприятий России. Статистические исследования. Компании Севастополя* [Электронный ресурс]. URL: <https://spark-interfax.ru/ru/statistics/region/67000000000> — (дата обращения 01.11.2021).
79. *«Цифровая Долина» будет создана в Крыму* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.connect-wit.ru/tsifrovaya-dolina-budet-sozdana-v-krymu.html> — (дата обращения 30.10.2021).
80. *Швец А. Б., Вольхин Д. А.* Крым в пространстве Юга России: приоритетные форматы и векторы межрегиональных взаимодействий // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С. 319–336.
81. *Эксперт рассказал об экономическом развитии Крыма за семь лет в составе России* [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/region/svs/1404325-ekspert-rasskazal-ob-ekonomicheskom-razviti-kryma-za-sem-let-v-sostave-rossii> — (дата обращения 18.09.2021).
82. *Ярош О. Б., Кобечинская В. Г.* Перспективы развития аквакультурного хозяйства в Республике Крым на принципах биоэкономики // *Экономика строительства и природопользования*. 2020. № 2. С. 24–33.
83. TAdviser [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/> — (дата обращения 31.10.2021).

Научное издание

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРЫМА

Монография

Под общей редакцией: И. Н. Воронина, А. Б. Швед

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru www.arial.3652.ru